
А.А.ЗАКАТОВ
ЛОЖЬ
и борьба
с нею

а.а.закатов

ЛОЖЬ И БОРЬБА С НЕЮ

НВ

Нижне-Волжское
книжное
издательство
ВОЛГОГРАД
1984

67.99(2)93
З18

Рукопись рецензировали и рекомендовали к печати
кандидаты юридических наук
В. Н. Коваленко и А. Е. Ямпольский

Закатов А. А.
З18 Ложь и борьба с нею.— Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1984.— 192 с.

Автор, известный в юридических кругах специалист, популярно раскрывает истоки такого пережитка прошлого, как ложь, и определяет пути борьбы с нею. Дает юридический анализ работ современных буржуазных идеологов по этой теме. Предлагает свои методы, основанные на опыте работы в правоохранительных органах.

Книга рассчитана на работников милиции, студентов юридических вузов. Она также интересна для широкого круга читателей.

З $\frac{1203050000—039}{М151(03)\text{-}84}$ 6—84 67.99(2)93

Введение

Борьба с ложью в условиях коммунистического строительства необходима, ибо только в результате ее устанавливается объективная истина, в частности в судопроизводстве. Расследуя преступления, следователь вынужден прилагать немалые усилия для того, чтобы предупредить, а также выявить и разоблачить ложь в показаниях недобросовестных свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых, по тем или иным причинам искажающих действительные обстоятельства дела, пытающихся воспрепятствовать установлению истины.

Существенную помощь в этом ему оказывают знания в области криминалистики, в частности тактики, психологии, логики, иных наук, а также использование помощи специалистов.

В предлагаемой книге даются рекомендации по предупреждению, выявлению и разоблачению лжи в показаниях допрашиваемых лиц, что крайне важно для раскрытия преступлений и розыска скрывающихся преступников. Проблемы борьбы с нею раскрываются в историческом аспекте, одновременно подвергаются критике существующие по этому вопросу буржуазные концепции.

Большое внимание автор уделяет раскрытию сущности ложных показаний и процессу их формирования, так как эти вопросы не получили еще достаточного освещения в литературе. Автор сделал попытку рассмотреть понятие лжи с позиций философии, логики, социологии, этики, права и психологии.

При этом был учтен опыт и существенный вклад в разрешение проблемы борьбы с ложью, который внесен такими видными советскими учеными, как профессора А. Р. Ратинов, Р. С. Белкин, А. В. Дулов, И. М. Лузгин, Л. М. Карнеева, А. Н. Васильев, И. Е. Быховский, Н. И. Порубов, Ф. В. Глазырин, В. Е. Коновалова и др., а также кандидаты наук Ю. Адамов, В. Л. Васильев, Н. Борягин, Т. А. Скотникова, А. А. Шмидт, Б. Я. Петелин, А. Б. Соловьев и ряд других ученых.

В отличие от ранее изданных книг, в предлагаемой работе помимо борьбы со лжесвидетельством специально выделены особенности предупреждения и разоблачения лжи в показаниях подозреваемых и обвиняемых, а также несовершеннолетних и психически аномальных лиц.

Хотелось бы специально оговорить следующую мысль. Автор употребляет понятия: «ложные показания свидетеля (потерпевшего)», «ложь в показаниях обвиняемого (подозреваемого)» и т. п., которыми нужно оперировать с известной степенью условности. Чаще всего вывод следователя о ложности показаний носит ха-

рактер обоснованного предположения, вероятного знания, которое, опираясь на собранные доказательства, в последующем (нередко в судебном заседании) перерастает в ранг истинного знания или же опровергается. Рекомендации, приводимые в книге, основаны на материалах следственной и судебной практики, когда всей совокупностью доказательств бесспорно была установлена ложь, содержащаяся в показаниях допрошенных лиц. Кроме того, затронут ряд проблем, в отношении которых пока не выработано единого мнения среди ученых и практических работников. К их числу относятся, в частности, проблемы допустимости использования на допросе тактических приемов, основанных на психологическом воздействии, использования полиграфа в борьбе с ложью, компетенции судебно-психологической экспертизы и другие. Думается, что дальнейшая разработка названных и иных проблем будет способствовать повышению эффективности борьбы с ложью, и, как следствие этого, оптимизации деятельности следственной работы по раскрытию и предупреждению преступлений.

Июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС выдвинул крупные и новые задачи во многих областях идеологического, массово-политического и экономического развития нашего государства и общества. В речи Ю. В. Андропова отмечается, что «необходим решительный поворот к реальным, практическим задачам, которые ставит жизнь перед нашим обществом. Общественные науки (в частности юридические и психологические.— Прим. А. З.) в такой же мере, как и естественные, должны стать эффективным помощником партии и всего народа в решении этих задач... Не менее важно умело разоблачать лживую подрывную империалистическую пропаганду»[1].

Намечая планы дальнейшего социального развития страны, пленум указал на такие средства успешного их осуществления, как создание обстановки нетерпимости ко всем нарушителям норм социалистического общежития, невзирая на лица, мобилизовать против них общественное мнение»[2].

Борьба с ложью, фиксируемой в судопроизводстве и иных сферах человеческого общения, является действенным средством осуществления поставленных задач.

[1] См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС (14—15 июня 1983 г.). М.: Политиздат, 1983, с. 6—7.
[2] Там же, с. 38.

I. СОСТОЯНИЕ И СУЩНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ЛОЖЬЮ

Глава первая

ИСТОРИЯ. КРИТИКА БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ

С древнейших времен человечество волновали вопросы соотношения правды и лжи и их оценки. Свидетельство тому немалое количество поговорок, популярных в народе, например: «У лжи длинный язык и короткие ноги», «Правда глаза колет», «Правда коротка, ложь многословна», «Хороша только правда, полуправда ничего не стоит», «Кто честен, тот хорошо спит», «Лучше плохая правда, чем хорошая ложь» и др.

Рассмотрим отношение ко лжи и борьбу с нею на некоторых исторических примерах. Обращение к истории представляется необходимым, так как, по словам В. И. Ленина: «...весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (а) исторически; (в) лишь в связи с другими; (у) лишь в связи с конкретным опытом истории»[1].

Кроме того, как отмечал Ю. В. Андропов, «во всей воспитательной и пропагандистской работе следует постоянно учитывать особенность переживаемого человечеством исторического периода»[2].

Уже на самых ранних этапах развития общества и государства уделялось внимание проблемам борьбы с ложью. Лжецы подвергались осмеянию и наказанию. Ими пренебрегали, их презирали. Борьба с ложью велась в основном на трех уровнях: государственном (общинном), религиозном и семейно-бытовом.

С давних пор с детства прививали уважение к существующим законам, необходимость быть честным, правдивым. Так в древнем Риме дети до 14 лет учили наизусть двенадцать таблиц законов. В дошедшей до нас «Присяге гражданина Херсонеса (III в. до н. э.) говорилось: «Я не буду замышлять никакого несправедли-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 329.
[2] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС (14—15 июня 1983 г.). М.: Политиздат, 1983, с. 7.

вого дела против кого-либо из граждан... и не дозволю этого и не утаю, но доведу до сведения и на суде подам голос по законам».

В древнем обществе специальной процессуальной процедуры получения сведений от людей еще не существовало. Особое значение приобретало установление правдивости сообщаемых сведений в случаях возникновения конфликтов между людьми, а также при разрешении различного рода споров. При этом действовали правила, отдававшие предпочтение свидетельству лица в зависимости от его социальной принадлежности, состоятельности и рода занятий.

В литературных источниках древности (в частности, Ману, Нарады и др.) встречаются также правила оценки правдивости свидетельских показаний, основывающиеся на внешних признаках психической деятельности человека. Так, в индийском комментарии к законам Ману (V в. до н. э.) указывается: «Те, которые переступают с одного места на другое, облизывают языком углы рта, лицо которых покрывается потом и меняется в цвете, которые отвечают медленно, голосом дрожащим и обрывающимся, шевелят губами и не отвечают ни голосом, ни взглядом, и которые непроизвольно проявляют подобные изменения в деятельности духа, тела и голоса, те подозреваются в лживости жалобы или свидетельства».

С развитием государственности уделяется внимание исследованию доказательств, под которыми, в первую очередь, понимается признание обвиняемого, свидетельские показания и присяга. Одним из средств «разоблачения лжи» становится пытка. Вначале пытка применялась только к рабам. Позднее пытать стали и свободных граждан, о чем говорится в древнегреческих и древнеримских источниках.

Начало второго тысячелетия новой эры для стран Восточной и Западной Европы характеризуется формированием обвинительной формы уголовного процесса. В соответствии с феодальным обычаем разбирательство дела происходит посредством выслушивания сторон, представляющих доказательства. Однако если по прежним правилам каждый человек должен был судиться судом равных, в XII—XIII вв. простолюдина судил уже суд сеньора и его вассалов, или даже назначаемый ими су-

дья (бальи). Здесь уже классовость в правосудии была резко выражена. Если ранее основным доказательством в процессе был поединок и стороны должны были быть одинаково вооружены (например, палкой и щитом), то в рассматриваемое время сеньоры дрались на поединке в полном вооружении, а их подданные по старым правилам. Принцип равенства в вооружении соблюдался лишь для случаев, когда господина (рыцаря) обвиняли в низком, позорном поступке.

В странах Европы и в Древней Руси судебные споры в случае непризнания обвиняемым своей вины также разрешались в поединке. А правдивость или ложность показаний определялась с помощью ордалий (церковных испытаний). Последние, несмотря на решающее для исхода дела признание ответчика (обвиняемого), являлись важным и распространенным способом установления «истины».

В XI—XII вв. ордалии широко применялись как в светских, так и, особенно, в церковных судах. «Церковь знала не только ордалии холодной или кипящей водой или раскаленным железом, но также испытание «святым причастием», унцией хлеба (или сыра), при съедании которых виновный должен был подавиться, и крестом»[1]. Наиболее широко применялись испытания «на правдивость» холодной или кипящей водой, а также раскаленным железом.

Испытание холодной водой производилось в специальном бассейне или реке. Человека связывали в согнутом положении и опускали в воду. Считалось, что если он солгал, то будет выброшен из воды, а невиновный опустится до дна. При ордалии посредством кипящей воды испытуемый после принятия в церкви присяги, скрепляемой подписью, опускал руку в горячую воду. После этого руку заворачивали в полотно, которое опечатывалось. Спустя три дня рука публично осматривалась. Если она оказывалась неповрежденной — дело считалось выигранным. Аналогично происходило испытание раскаленным железом, когда тот, правдивость которого проверялась, брал в правую руку раскаленный кусочек

---

[1] См.: Чельцов-Бебутов М. А. Положение личности в уголовном процессе. Ч. 1. М., 1948, с. 29—30, 49.

железа, который обязан был пронести определенное количество шагов.

Несмотря на нелепость подобных опытов, выводы, построенные на них, признавались неопровержимыми, а проигравшая сторона нередко расплачивалась жизнью.

Ордалии были официально отменены папой Иннокентием III лишь в начале XIII в., однако в светских судах они нередко применялись и в дальнейшем.

Было бы несправедливым обходить вниманием отношение к установлению правдивости в высказываниях применительно к странам Древнего Востока, хотя в этом отношении мы располагаем значительно меньшей информацией. Проблемы установления истины были актуальны как для лиц, осуществляющих судебные разбирательства, так и для ученых того времени. К чести последних можно констатировать определенные достижения их в области психологии.

Например, известно, что выдающийся мыслитель Востока Ибн-Сина (Авиценна) (980—1037 гг.) занимался исследованием человеческих эмоций, и в частности аффектов, используя при этом метод, основанный на психодиагностике. Как передают источники старины, ему удалось выявить причину телесного истощения одного юноши. Говоря ему ряд слов, он зафиксировал по изменению его пульса, какие из психотравмирующих факторов явились причиной его заболевания. Не исключено, по мнению М. Г. Ярошевского, что «в данном случае выявился один из первых в истории случаев применения известного психологии ассоциативного эксперимента, принцип которого положен в основу создания современных «детекторов лжи»[1].

Использование ордалий не исключало применения к допрашиваемым пыток. Более того, в эпоху средневековья пытка, которая часто сочеталась с ордалиями, признавалась таким же естественным источником доказательств, как допросы свидетелей, очные ставки и пр. Так, известен суд епископа Ланского над подозреваемым в церковном воровстве. Сначала он подверг его испытанию холодной водой, окончившемуся неудачно для заподозренного. Затем он передал его светскому судье для

---

[1] См.: Ярошевский М. Г. История психологии. М., 1976, с. 87.

применения пыток. Судья жег допрашиваемому спину раскаленным салом и разыграл сцену повешения, чтобы добиться сознания в совершении преступления.

Конечно, говорить о подобных методах как о средствах получения правдивых показаний нельзя. Нередко пыткам подвергались люди невиновные, которые, не выдержав мучений, ложно оговаривали себя в совершении преступлений.

По мере развития розыскного процесса, наряду со все более широким применением пыток, складываются и определенные зачатки исследования доказательств. Обращаясь к столь отдаленным временам, мы находим прообразы выполнения действий, которые лишь в современности оформились как следственные и стали важными источниками получения доказательств. Известен следующий интересный случай, приводимый в старинных французских источниках. Женщина подговорила двух разбойников убить своего сеньора и помогла им в исполнении замысла. Преступники, чтобы отвести подозрения от женщины, инсценировали сцену борьбы, пронзили труп шпагами, а рядом с убитым положили палку, на которой сделали зарубки. Тем самым они хотели создать видимость защиты барона палкой от напавших неизвестных преступников. После уничтожения компрометирующих следов женщина подняла крик, взывая о помощи. Прибывшей страже она сообщила о нападении неизвестных людей на господина, которого они, несмотря на его сопротивление, убили. Однако судья усомнился в объяснении женщины. Им были произведены опытные действия, в результате которых выявилось, что при защите палкой от ударов шпагой на ней не могут образоваться следы, аналогичные обнаруженным. Более того, было произведено исследование трупа барона (своего рода экспертиза), и опытные в медицине люди сделали вывод о том, что его голова повреждена не шпагой, а тяжелым предметом. После этого, под угрозой пытки, женщина созналась в преступлении и была казнена.

Этот случай иллюстрирует не только зарождающийся процесс исследования доказательств, но и универсальность пыток: они применялись не только к лицам, обвиняемым в совершении преступления, но и к свидетелям, не только к мужчинам, но и к женщинам. Такова

была цена пресловутого установления «правды» в судопроизводстве.

Наибольший ущерб человечеству в эпоху мрачного средневековья нанесло преследование еретиков духовенством. Под жестокими пытками оговаривали себя в колдовстве многие тысячи людей, преимущественно женщины. Жизнь они обычно заканчивали на кострах инквизиции. Свидетельство тому, помимо исторических хроник, изуверское произведение «Молот ведьм», опубликованное в 1487 г. членами ордена доминиканцев, инквизиторами Германии монахами Яковом Шпренгером и Генрихом Инститорисом. А. М. Горький писал, что это «самая позорная из всех гнусных книг, когда-либо написанных хладнокровными фанатиками». Третья часть этого «произведения» подробно описывает порядок допросов и изощренные способы пыток, которым подвергались несчастные, заподозренные инквизицией в связи с дьяволом.

Костры инквизиции полыхали не только в Западной Европе, где особенно сильно было влияние католической церкви, но и в Восточной. Так, в Тотьме (Русь) в 1674 г. была по приговору православной церкви сожжена в срубе при многочисленных свидетелях женщина Феодосья по обвинению в «порче». Перед казнью она заявила, что никого не портила, а «поклепала на себя при допросе, не стерпя пытки».

В средние века средством предупреждения ложных показаний и борьбы с ними, помимо пыток, являлась «очистительная присяга». Законодателем также уделялось внимание гарантиям получения правдивых сведений при осуществлении правосудия. Так, во Франции в многочисленных королевских указах (ордонансах) нередко встречаются правила, регламентирующие порядок получения показаний. Еще в орданансе Людовика IX (1260 г.) второй пункт вменяет судьям в обязанность предупреждать каждого, обвиняющего кого-либо в убийстве, о том, что, если его обвинение не подтвердится, он будет подвергнут наказанию, установленному для убийц. В ордонансе Людовика XII (1498 г.) специальная статья (113) подробно регламентирует допрос с применением пытки. Она производится в присутствии секретаря, заносящего в протокол имена присутствующих, порядок применения пытки, ее возобновление,

если оно имело место, количество воды, даваемой допрашиваемому во время пыток, вопросы, задаваемые обвиняемому и его ответы на них, изменил ли он свои показания и т. д. Здесь же отмечалось, что на второй день после допроса под пыткой обвиняемый должен быть вновь допрошен, но не в том месте, где производилась пытка, для проверки его показаний. Указ запрещал повторное применение пытки без появления новых улик.

Эдикт Франциска I (1539 г.) окончательно завершил развитие системы королевского розыскного процесса во Франции, пришедшего на смену процессу обвинительному. Уголовный процесс делился на «ординарный» и «экстраординарный». Обязательным условием последнего было широкое применение жестоких пыток к обвиняемому. Однако нередко мучительные пытки к обвиняемому, не признающему себя виновным, применялись и в ординарном процессе. В литературе описан случай, имевший место в XIV в. в Форезе (Франция), когда пытка с целью вырвать признание была применена к дворянину Марку де Буази, обвинявшемуся в убийстве своего дяди. Несмотря на то, что процесс являлся ординарным, обвиняемого пытали во время допроса. Не выдержав мучений, он скончался, причем у него оказался сломан спинной хребет и вырвана рука. Можно представить, насколько бесчеловечны были пытки экстраординарного процесса, который распространялся на рецидивистов и разных преступников, объединенных в шайки.

К середине XVI в. в целом закончилось формирование теории легальных доказательств розыскного процесса. Большое внимание уделяется получению доброкачественных свидетельских показаний. Не признаются в качестве свидетелей дети до 14 лет, безумные, глухонемые от рождения и «бесчестные» люди. К последним относятся лица, ранее судимые, ведущие аморальный образ жизни и занимающиеся «бесчестной» профессией. Не достаточно полноценными (вызывающими сомнения в их правдивости) считались показания женщин (церковный суд, в отличие от светского, вообще не допускал женщин к свидетельству), слуг, дающих показания в отношении своих господ, и родственников — в отношении своих близких, соучастников преступления — в отношении друг друга. Правда, применительно к государ-

ственным преступлениям показания всех лиц принимались к сведению судом.

Кроме того, королевский прокурор во Франции имел право выдвинуть против обвиняемого показания людей «бесчестных» после применения к ним пытки. Естественно, что в результате пытки нередко в совершении преступления оговаривались невиновные люди.

Теория легальных доказательств считала достаточными уликами совершения обвиняемым преступления наличие против него не менее двух свидетельских показаний. Официально не придавалось значения высказыванию допрашиваемым догадок, мнений, предположений. Наличие в показаниях существенных противоречий расценивалось как признак лживости. Если показания взаимно опровергали друг друга, они отбрасывались.

Самым ценным доказательством виновности обвиняемого по-прежнему считалось признание им своей вины. Эффективным средством получения признания продолжали оставаться пытки.

Развитие розыскного процесса в России имело мало отличий от его становления в странах Западной Европы. Царский судебник 1550 г. и Соборное Уложение 1649 г. также уделяют большое внимание свидетельским показаниям. Придается значение производству «повальных обысков», то есть массовому допросу свидетелей из числа окружения обвиняемого. Для получения показаний от обвиняемого применяются «расспросы», очные ставки, пытки.

Признание обвиняемого также признается основным доказательством его вины. Указание об этом содержится в «Воинском уставе» Петра I (1716 г.). Приложение к уставу — «Краткое изображение процессов» содержит описание «расспроса с пристрастием», то есть допроса с применением пыток.

Пытки, как средство получения правдивых показаний, описывались И. Т. Посошковым в его известном произведении «О скудости и богатстве», где, кстати, уделялось внимание разоблачению показаний лжесвидетелей посредством их детализации; в справке Тайной розыскных дел канцелярии «Обряд како обвиняемый пытается», представленной Екатерине II в 1762 г., и других документах того времени.

Абсурдность использования пыток для установления

истины в судопроизводстве понимали передовые умы рассматриваемой эпохи. Не остался безучастным к этому вопросу и гениальный русский поэт А. С. Пушкин. Он писал: «Думали, что собственное признание преступника необходимо было для его полного обличия,— мысль не только необоснованная, но даже и совершенно противная здравому юридическому смыслу: ибо если отрицание подсудимого не приемлется в доказательство его невиновности, то признание его и того менее должно быть доказательством его виновности».

Официально пытка, как средство получения признания обвиняемого, была отменена в России в 1801 г. (в Пруссии — в 1756 г., в Австрии — в 1776 г., в Баварии — в 1806 г.), однако как метод полицейского допроса она и в дальнейшем использовалась достаточно широко. Забегая несколько вперед, сошлемся на статью В. И. Ленина «Бей, но не до смерти», в которой он писал: «Противозаконное и дикое битье в полиции происходит в Российской империи — без преувеличения можно сказать — ежечасно. А до суда доходит оно в совершенно исключительных и крайне редких случаях. Это нисколько не удивительно, ибо преступником является та самая полиция, которой вверено в России раскрытие преступлений»[1].

Практика розыскного процесса, даже отказавшись формально от пыток физических, широко стала использовать не менее изощренные моральные пытки. Позитивный процесс становления науки психологии, нашел свое проявление в судопроизводстве и в негативной форме. Известный дореволюционный юрист Л. Е. Владимиров писал в тот период: «Устраивали потрясающие обстановки, вводили подозреваемого или обвиняемого в слабо освещенную комнату, где лежал труп убитого, и у трупа торжественно увещали обвиняемого сказать правду, рассчитывая на то, что потрясенный виновник выдаст себя...»

Уже в то время значительное внимание уделялось признакам поведения допрашиваемого (жестам, мимике, интонациям голоса).

Практиковалось даже составление специального протокола о «держимости и жестах подсудимого».

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 409.

Благотворное влияние на формирование психологии, ее материалистическое объяснение и приобщение к нуждам правосудия имели труды М. В. Ломоносова, А. Н. Радищева, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского и др. Ряд высказываний этих выдающихся учёных и просветителей непосредственно касался проблем установления достоверности показаний. В. Г. Белинский писал, что существуют не только факты, но и суд над фактами. Каждый человек осуществляет «суд над фактами» с точки зрения своего личного опыта, тех «микроусловий», в которых он формировался как личность. Это обстоятельство и служит причиной разноречивости свидетельских показаний.

Н. А. Добролюбов, говоря о правдивости сообщений несовершеннолетних, отмечал: «Они не лгут (пока их не доведут до этого страхом). Они стыдятся всего дурного, они хранят в себе святые чувства любви к людям, свободной от всяких житейских предрассудков»[1].

«Устав уголовного судопроизводства», принятый в результате судебной реформы 1864 г. в России, отменил теорию формальных доказательств и знаменовал собой переход к буржуазной форме суда. По сравнению с прежним тайным розыскным процессом, считавшим основным доказательством признание обвиняемого, нередко полученное экстраординарными методами, она явилась прогрессивным явлением, хотя и отражала интересы господствующего класса. Буржуазная форма судопроизводства существовала в России вплоть до победы пролетарской революции.

Проблемам установления правдивости в показаниях допрашиваемых лиц уделяли внимание в разных странах многие ученые различных отраслей знаний. В частности, проблемой определения достоверности и вероятности в показаниях занимались, помимо юристов и психологов, представители философии, точных и естественных наук. Известны последователи так называемого математического метода оценки степени вероятности в уголовном судопроизводстве. К ним относятся такие видные ученые XVII—XVIII вв. как Томас Гоббс, Бернулли, Паскаль, Лейбниц и др.

---

[1] Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 3-х т., т. 1, М., 1950, с. 189.

Французский математик и астроном XIX в. Лаплас в своем труде «Опыт философии теории вероятностей», впервые увидевшем свет в 1812 г., писал, что «элементы вероятности того, что данное показание отвечает действительности, слагаются: 1) из вероятности самого события, о котором повествует свидетель, и 2) из четырех гипотез в отношении высказывающегося: свидетель не ошибается и не лжет; свидетель не лжет, но ошибается; свидетель не ошибается, но лжет; свидетель и лжет и ошибается»[1].

Английский юрист XVIII—XIX вв. И. Бентам для оценки достоверности показаний предлагал в своей книге «Трактат о судебных доказательствах» пользоваться разработанной им моделью, напоминающей изображение лестницы, разделенной на 10 ступеней. Названное изображение имело 2 стороны (положительную и отрицательную), на одну из которых заносятся положительные (т. е. подтверждающие факт) убеждения, а на другую отрицательные. У основания «лестницы» расположен нуль, обозначающий отсутствие убеждений относительно рассматриваемого факта. Опираясь на названную модель (напоминающую также шкалу термометра), можно, по мнению автора, более тщательно оценить показания допрашиваемого.

Взгляды Лапласа, Бентама и других названных ученых, являясь проявлением механического материализма, не могли решить проблемы установления достоверности показаний и были подвергнуты справедливой критике еще современниками.

В России в XIX в. попытку использовать теорию вероятностей для разграничения правды и лжи в показаниях предпринял проф. В. Я. Буняковский, считавший, что «вероятность справедливости согласного свидетельства возрастает с числом свидетелей». По его мнению, если 4 свидетеля при общей правдивости их показаний, равной 2/3, утверждают, что событие было, то без учета того, что оно действительно было, вероятность справедливости свидетельских показаний будет составлять 16/17, т. е. 16 против 1, что событие было. Но В. Я. Буняковский сам же отнесся критически к своим выводам.

[1] Цит. по: Брусиловский А. Е. Судебно-психологическая экспертиза. Юридическое издательство Украины, 1929, с. 22—23.

Он писал: «...вопрос о правдоподобии свидетельств вообще останется навсегда нерешенным... При бесконечных оттенках сердца человеческого, страстей, тайных побуждений, можно ли разгадать его вполне и потом оценить с точностью меру доверия к свидетельству?»[1]

В конце XIX в. в Западной Европе широко проводились исследования, направленные на проверку достоверности свидетельских показаний. Первоначально им придавалось наиболее существенное значение в буржуазном уголовном судопроизводстве. Это был как бы естественный процесс отрицательной реакции, выражавшей отношение к центральному принципу розыскного (инквизиционного) процесса, признававшего признание обвиняемого основным доказательством. Однако постепенно, с развитием науки и техники, давшим толчок становлению точных экспертных исследований, с усилением роли вещественных доказательств — «немых свидетелей», к свидетельским показаниям стали относиться все более критически. Этому способствовали многочисленные опыты «психотехников», демонстрировавшие не всегда высокую надежность свидетельских показаний. Опыты проводили Бинэ, Лист, Клапаред, Штерн, Липпман и др. И, хотя во всех случаях при проведении опытов исследовалось лишь непреднамеренное восприятие человека, вывод о «несовершенстве» свидетельских показаний получил самое широкое распространение.

Известный австрийский криминалист и психолог Ганс Гросс писал: «...как только мы попытаемся проверить: что люди наблюдают и что они нам сообщают, то мы констатируем лишь ошибки за ошибками». Ему вторил В. Штерн: «Верное показание является только исключением, а ошибочное и ложное — правилом».

Эти выводы буржуазных юристов и психологов о крайней ненадежности свидетельских показаний основывались на идеалистических концепциях агностиков, согласно которым человеческому сознанию недоступно правильное отражение действительности. Материалистическое понимание действительности наглядно показывает несостоятельность таких взглядов. Повсеместно показания свидетелей и потерпевших играют важную роль

---

[1] Подробнее см.: Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. М.: Юридическая литература, 1973, с. 205—207.

в раскрытии преступлений, в разоблачении преступников. Следователь, усвоивший данные судебной психологии, владеющий тактическими приемами допроса, всегда в состоянии получить от допрашиваемого достоверные показания, правильно оценить ошибки и неточности его восприятия и изобличить лицо, дающее ложные показания»[1].

В начале XX столетия в России также проявился значительный интерес к психологии свидетельских показаний. Появляются книги: И. Холчева — «Мечтательная ложь» (1903 г.); Г. Португалова — «О свидетельских показаниях» (1903 г.); Е. Кулишера — «Психология свидетельских показаний и судебное следствие» (1904 г.) и др. Проблема широко обсуждается на заседаниях юридических обществ Казани. Издается в переводе сборник «Ложь и свидетельские показания», в котором были помещены статьи В. Штерна, Г. Гросса, а также русских авторов (Кони, Гольдовского и др.).

В отличие от свидетельских показаний, проблемы правдивости и лжи в показаниях обвиняемых не вызывали столь большого интереса среди ученых. Необходимо отметить, что в конце XIX и начале XX в. в работах многих западных и некоторых русских ученых (В. И. Сербский, П. И. Ковалевский и др.) психика преступника стала рассматриваться как болезненная, т. е. с позиций психопатологии. Становлению этих взглядов способствовало распространение буржуазных теорий: криминально-антропологической (Ломброзо), криминально-биологической (Ленц), конституционно-генетической (Кречмер) и психоаналитической (Фрейд). Названные реакционные теории, пытавшиеся биологизировать причины преступности, встретили критическое отношение со стороны многих русских юристов и ученых (В. М. Бехтерева, В. Д. Спасовича, Н. Д. Сергиевского, А. Ф. Кони, Г. В. Плеханова и др.).

Применительно к показаниям обвиняемых, среди зарубежных, в частности американских, ученых начал проявляться интерес к так называемой «диагностике причастности», то есть разработке методов установления виновности заподозренного по его физиологическим реакциям на допросе (Юнг, Вартхаймер, Клейн). Многочисленные экспериментальные исследования показаний в России и за рубежом привлекли также внимание

к внедрению в уголовное судопроизводство психологической экспертизы, и в последующие годы проблема эта будет активно разрабатываться.

Возрастающая волна народного сопротивления царскому самодержавию в России, активизация революционного движения и ужесточение террора полицейских органов побудили и революционеров обратить внимание на разработку тактики поведения на допросе и суде. Нелегально была издана даже специальная брошюра (В. Бахарев «Как держать себя на допросе и суде». Издание Союза русских социал-демократов. Женева, 1900 г.), в которой описывались приемы допроса, используемые жандармскими следователями, и давались рекомендации, как им противодействовать, показывалось, что, несмотря на официальный запрет, полиция применяла на допросах и в местах заключения физические и моральные пытки для получения угодных ей показаний.

С первых дней Советской власти социалистическая законность стала одним из ведущих принципов государственной деятельности. Этот принцип являлся основополагающим, несмотря на обстановку ожесточенной борьбы с внешними и внутренними врагами.

В. И. Ленин предписывал проводить расследование преступлений на научной основе, предъявляя высокие требования к качеству и объективности следствия, уделяя большое внимание обоснованности и тактике таких следственных действий, как аресты, задержания, обыски и допросы. Он указывал, в частности, что «...для установления истины необходимо не ограничиваться заявлениями спорящих, а самому проверять факты и документы, самому разбирать, есть ли показания свидетелей и достоверны ли эти показания»[1].

Уже в первых декретах, касающихся организации судопроизводства, закладывались основы социалистической законности.

На принципах социалистической законности и гуманизма базировались и ведомственные акты того времени. Так, в Инструкции по Центророзыску (1919 г.) писалось: «При производстве дознания сотрудники должны обращаться к заподозренному и вообще ко всем лицам, с которыми им приходится иметь дело, спокойно, веж-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 123—124.

ливо, не позволяя себе прибегать к насильственным действиям или угрозам для получения сознания или нужных объяснений и не причиняя напрасно беспокойства. В случае нежелания заподозренного отвечать на вопросы, сотрудники, не домогаясь у него ответа или объяснения, должны обратиться к другим средствам дознания»[1].

Рассмотрим, как решались проблемы борьбы с ложью в молодом Советском государстве.

Еще в 1918 г. по инициативе В. М. Бехтерева в Петрограде был создан институт по изучению мозга и психической деятельности, который, в числе других вопросов, изучал возможности использования принципов рефлексологии для изучения личности преступника и раскрытия преступлений. С 1923 г. в стране начали организовываться институты и кабинеты по изучению личности преступника и преступности (Москва, Ленинград, Киев, Минск, Саратов и др.), в которых уделялось внимание изучению психологии формирования показаний. В 1925 г. впервые в мире был создан Государственный институт по изучению преступности и преступника, а в 1927 г. при Московской губернской прокуратуре была организована лаборатория экспериментальной психологии. Работавший в ней (впоследствии известный советский психолог) А. Р. Лурия предложил использовать на допросах специальный аппарат, регистрирующий реакцию допрашиваемого на слова-раздражители. Иными словами, речь уже тогда шла об использовании на допросе прообраза полиграфа («лайдетектора», «вариографа»).

Борьбе с ложью придавалось большое значение. Представители свергнутой буржуазии, оказывая отчаянное сопротивление диктатуре пролетариата, неоднократно использовали ложь в подрывных целях, обвиняя честных советских граждан в злоупотреблениях и преступлениях, которые они не совершали, рассчитывая таким образом скомпрометировать их, оказав тем самым вред государственным интересам. В этих условиях В. И. Лениным уже в 1917 году был подготовлен, а затем принят ЦК партии проект «Об ответственности за

---

[1] ЦГАОР, ф. 393, оп. 16, д. 1, л. 325.

голословные обвинения»[1]. Он требовал проверки каждого доказательства по существу, подчеркивал необходимость установления ответственности свидетелей за дачу ложных показаний или уклонение от дачи показаний, как одной из гарантий истины[2]. В. И. Ленин говорил также об усилении борьбы с ложными доносами[3].

Считая свидетельские показания важнейшим средством установления истины по делу, В. И. Ленин придавал большое значение гарантиям достоверности свидетельствования. Он писал: «Предлагаю дополнить мерой усиления наказания... (за письменное заведомо лживое показание, или ответ, или уклонение от вопроса при известных условиях)...»[4] И далее: «Уклонение от вопроса при известных условиях следует приравнивать к заведомо ложным показаниям»[5]. Он требовал: «Более строго преследовать и карать расстрелом за ложные доносы»[6].

Поскольку заведомо ложные показания и ложные доносы представляли серьезную опасность для государства и общества, ответственность за них была закреплена в советском уголовном законодательстве. В первом Уголовном кодексе РСФСР 1922 года и аналогичном кодексе 1926 года составы преступлений о заведомо ложных показаниях и доносах были объединены в одну общую норму.

Проводя твердую линию на беспощадную борьбу с контрреволюционными элементами и их пособниками, Советское правительство строго карало за злостное нарушение принципов революционной законности, за клевету и опорочивание честных советских граждан. Так, например, когда в апреле 1919 года Ф. Э. Дзержинскому стало известно, что некий Павлов систематически присылал в ВЧК ложные доносы на ни в чем не повинных людей, он собственноручно написал постановление коллегии ВЧК: «За сознательную, злостную провокацию, результатом которой было лишение свободы целого ряда лиц, Исая Исаевича Павлова расстрелять». На

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 127.
[2] Ленинский сборник XXXV, с. 245, 295.
[3] Ленинский сборник XXI, с. 232.
[4] Ленинский сборник XXV, с. 295.
[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 244.
[6] Ленинский сборник XXIV, с. 44.

этом документе член коллегии Аванесов сделал пометку: «Приговор приведен в исполнение 12.IV»[1].

К основным принципам правосудия, тесно связанным с принципом законности, В. И. Ленин относил установление объективной истины. В его работах содержится много ценных указаний в отношении путей и средств установления истины, что весьма существенно для развития криминалистической тактики. Говоря о значении законов диалектической логики в процессе познания, В. И. Ленин подчеркивал: «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования»[2].

Для того чтобы установить достоверность показаний допрошенного лица, что крайне важно для установления истины, необходимо опираться на точно установленные факты. В. И. Ленин пишет: «Точные факты, бесспорные факты — вот что... особенно необходимо, если хотеть серьезно разобраться в сложном и трудном вопросе, сплошь да рядом умышленно запутываемом»[3].

Процесс установления объективной истины всегда нелегок. Помимо противодействия заинтересованных лиц (ложные показания, «давление» на потерпевших, свидетелей, других осведомленных лиц и т. п.), возникают трудности в установлении и исследовании доказательств, в выяснении сущности происшедшего и т. д.

Все полученные доказательства нуждаются в тщательной проверке и оценке. Оценка их производится не изолированно, а в их совокупности. Только такой принцип оценки позволяет исключить случайности и выявить, например, в показаниях, заведомую ложь. Правильный принцип оценки также был сформулирован В. И. Лениным в одной из работ: «...брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения, ибо иначе неизбежно возникает подозрение, и вполне законное подозрение в том, что факты выбраны или подобраны произвольно...»[4].

В последние годы опубликован ряд важных работ,

---

[1] П. С. Софинов. Очерки истории ВЧК (1917—1923 гг.). М., 1960, с. 143.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 290.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 350.

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 351.

в которых авторы, основываясь на данных судебной психологии и криминалистики, сформулировали ценные рекомендаций по борьбе с ложью в показаниях допрашиваемых лиц. К ним можно отнести работы профессоров Карнеевой Л. М., Васильева А. Н., Ратинова А. Р., Дулова А. В., Порубова Н. И., Коноваловой В. Е.; кандидатов наук Васильева В. Л., Борягина Н., Скотниковой Т. А., Шмидта А. А. и др. Особого внимания по объему вопросов, касающихся борьбы с ложью, заслуживает книга А. Ратинова и Ю. Адамова «Лжесвидетельство. Происхождение, предотвращение и разоблачение ложных показаний» (М., 1976 г.).

Следует признать, однако, что проблеме борьбы с ложью в показаниях не придается еще должного значения. В основном этим занимаются лишь отдельные ученые, которые на основе своих, ограниченных по масштабам, исследований разрабатывают рекомендации, адресованные практическим работникам следствия и суда. Фактически в стране лишь единственное научное учреждение уделяет внимание вопросам борьбы с ложью. Это Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, в структуре которого имеется сектор психологических проблем борьбы с преступностью, возглавляемый проф. Ратиновым А. Р. Здесь разрабатывается ряд важных для науки и практики проблем, в том числе по изучению причин, мотивов и способов лжесвидетельства и борьбы с ним, комплексное психологическое исследование самооговоров и др. Вопросам же борьбы с ложью в показаниях подозреваемых и обвиняемых, несовершеннолетних, престарелых, а также психически аномальных лиц пока что уделяется недостаточное внимание.

В зарубежных социалистических странах проблемой установления достоверности показаний занимались: в Венгрии — Имре Кертэс, в Чехословакии — Ярослав Соукуп, в Польше — П. Хорошевский, в Румынии — Т. Богдан и др.

Проблема борьбы с ложью выходит и на международную арену, приобретая, в известной степени, межгосударственное значение. Так, в сентябре 1971 г. в Монреале заключена разработанная в рамках ИКАО (Международной организации гражданской авиации) Конвенция о борьбе с незаконными актами, направлен-

ными против безопасности гражданской авиации. В соответствии с нею преступным и влекущим суровые меры наказания в числе других действий признано «сообщение заведомо ложных сведений, в результате чего создается угроза безопасности полета воздушного судна»[1].

Критика буржуазных концепций. Начало XX в. в ведущих капиталистических странах ознаменовалось бурным развитием науки и техники, что в целом являлось прогрессивным явлением. Однако для практики борьбы с преступностью и развития науки криминалистики этот процесс играл двоякую роль. С одной стороны, достижения естественных и технических наук привели к интенсивному совершенствованию криминалистической техники. С другой — увлечение «технизацией» повлекло к отставанию в развитии криминалистической тактики и методики. Буржуазная криминалистика возникла и существует в основном как полицейская техника, что облегчает ее использование против деятельности прогрессивно мыслящих людей и приводит нередко к применению антинаучных и противозаконных методов ведения расследования.

Для правосудия в капиталистических странах характерно классовое отношение даже к такому понятию, как истина. И это не случайно, поскольку, по словам В. И. Ленина, «...вся история капитала есть история насилий, грабежей, крови и грязи»[2].

Правильность этого вывода подтверждают высказывания видных современных буржуазных ученых. Так, американский социолог Г. Моргентау пишет: «Истина угрожает власти, а власть угрожает истине. Истина, отражая претензии власти, по меньшей мере неприятна власть имущим, поскольку ставит их в позицию интеллектуальной и моральной обороны»[3].

Известный прогрессивный американский социолог и публицист Скотт Ниринг, подчеркивая глубокое проникновение лжи и дезинформации во все сферы буржуазного общества, пишет: «Мы прибегаем к обману в де-

[1] Малеев Ю. Воздушное пиратство — вне закона.— Человек и закон, 1978, № 1, с. 130.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 109.
[3] «The New Republic», 26.XI.1966, p. 9.

ловых и общественных отношениях, ибо наша эпоха возвысила ложь до уровня искусства... Двуличие и лицемерие стали достоянием многих профессий. Это прежде всего относится к дипломатии, затем — к праву, потом к преподаванию, и, наконец, к религии. Ложь представляет собой преднамеренное извращение фактов. Представители вышеописанных профессий лгут виртуозно, дабы оправдать гонорары, которые им выплачивают хозяева, и сделать сильных мира сего еще сильнее»[1].

Особенно активно насаждается заведомая ложь правящим классом средствами пропаганды. У американцев давно существует поговорка о трех видах лжи: просто ложь, проклятая ложь и статистика. Не удивляет поэтому появление в современной буржуазной печати различного рода сенсаций, заставляющих сомневаться в здравомыслии их авторов. Так, например, 18 мая 1979 г. в газете «Франс суар» появилось сообщение под броским заголовком: «Русские парапсихологи» «отдают приказы» Картеру», имея в виду президента Соединенных Штатов Америки. Сообщение содержало бредовые измышления псевдоученого Г. Гринса.

Ложь в пропаганде поставлена на своего рода научную основу. Теоретики буржуазной пропаганды разработали так называемые «семь приемов пропаганды»: «навешивание ярлыков», «блестящая неопределенность», «свидетельствование», «свои ребята», «общий вагон», «подтасовка», «перенос»[2].

По свидетельству крупнейшего теоретика американской пропаганды У. Липпмана, «...современная теория газетного дела в Америке состоит в том, что такая абстракция, как правда, и такая добродетель, как честность, должны быть принесены в жертву, когда кто-то думает, что этого требуют нужды цивилизации...»[3].

Приведенные мнения видных специалистов об отношении к правде в буржуазном обществе можно завершить известным высказыванием Уинстона Черчилля:

---

[1] Ниринг С. Свобода: обещание и угроза/Пер. с англ. М.: Прогресс, 1966, с. 72.

[2] Подробно о содержании названных приемов см.: Артемов В. Л. Анатомия лжи. М.: Издательство политической литературы, 1973, с. 31—36.

[3] W. Lippman. Librery and the Newe, New York, 1920, p. 8—9.

«Правда настолько драгоценна, что ее должен сопровождать целый эскорт лжи»[1].

Понятно, что такое отношение к истине не могло не породить широкого использования «правосудием» капиталистических стран фальсифицированных доказательств и лжесвидетельств в судопроизводстве. Примером этому могут служить известные политические процессы XIX—XX вв., направленные против прогрессивных деятелей и организаций.

Еще в 1852 г. на Кельнском судебном процессе против коммунистов германский буржуазный суд использовал фальсифицированные доказательства и ложные показания. К. Маркс и Ф. Энгельс, описывая данный процесс, отмечают, что главный свидетель обвинения начальник берлинской уголовной полиции Шрибер дважды показывал под присягой, что им представлена в качестве доказательства заговора «подлинная книга протоколов лондонского коммунистического общества», однако затем был разоблачен защитой в подлоге[2].

Затем на весь мир прогремели сфальсифицированные процессы: дело Дрейфуса, ложно обвиненного во Франции в шпионаже; Сакко и Ванцетти, казненных в США по ложному обвинению в убийстве; построенный на лжи и фальсификациях процесс фашистов в Германии против Г. Димитрова, обвиненного в поджоге рейхстага; процесс против Компартии США; процессы против Анджелы Дэвис, лидеров прогрессивной негритянской организации «Черные пантеры» и уолмингтонской десятки и многие другие, в ходе которых главные свидетели обвинения давали заведомо ложные показания.

Особенно популярна была ложь в США в мрачный период маккартизма. Многие провокаторы сделали лжесвидетельство своей профессией. Буржуазные авторы, которых трудно обвинить в пристрастности, в своих работах убедительно показывают продажность полицейских, следователей и судей в капиталистических странах. Агент ФБР Матусоу опубликовал книгу «Лжесвидетель», в которой он признал, что на протяжении ряда лет по предложению полиции давал на судебных процессах ложные показания.

[1] Цит. по: Курсанов Г. А. Ленинская теория истины и кризис буржуазных воззрений. М.: Мысль, 1977, с. 14.
[2] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 413, 427, 492.

Существенными пороками в капиталистических странах страдает процедура доказывания в уголовном процессе, что способствует появлению лжесвидетельств, оговоров и самооговоров. Так, например, в ФРГ предварительное производство по уголовным делам ведется практически во внепроцессуальной форме, в результате чего в качестве судебных доказательств используется информация, добытая негласными полицейскими методами[1].

В уголовном процессе ФРГ различаются 2 вида доказывания: строгое и свободное. В первом случае употребляются лишь доказательства, предусмотренные законом. Что касается свободного доказывания, то оно законом не регулируется. В то же время, предварительное расследование, в ходе которого добываются существенные для дела доказательства, производится именно на основе свободного доказывания. В частности, федеральная судебная палата разъяснила нижестоящим судам, что выяснение, не применялись ли при допросе обвиняемого запрещенные методы, должно производиться на основе свободного доказывания, так как речь идет якобы о «простой процессуальной ошибке». Данный порядок позволяет укрыть от общественности получение в полиции ложных признаний с помощью незаконных насильственных методов.

Согласно разъяснению той же федеральной судебной палаты, признание подсудимого является достаточным для его осуждения и не требующим более никаких доказательств. В том случае, если подсудимый оспаривает в суде признание своей вины, сделанное в процессе предварительного следствия, то в судебном заседании на основании ч. 1 § 254 УПК ФРГ в подтверждение его вины оглашается протокол допроса.

Характерен для буржуазного судопроизводства пример с использованием звукозаписи в уголовном процессе ФРГ. Официально на допросах истребуется согласие допрашиваемого на звукозапись, что оправдывают так называемым «превосходящим интересом» задач правосудия над благом личности. В этом случае производство тайной звукозаписи и использование ее материалов, как

[1] Глотов О. М. Теоретические концепции буржуазной криминалистики в ФРГ. — В кн.: Укрепление законности в деятельности следователей в свете Конституции СССР. М., 1979, с. 89—90.

доказательств, считается допустимым. Следует отметить, что понятие «превосходящего интереса» трактуется органами предварительного следствия произвольно и субъективно. Более того, помимо «разрешения» тайной звукозаписи, полиция практикует подслушивание и звукозапись разговоров в помещениях, где пребывают лица, вызванные на допрос, и других местах.

В англо-американском уголовном процессе допрос свидетеля разделяется на три части: главный, т. е. допрос свидетеля вызвавшей его стороной; перекрестный — допрос противной стороной (после окончания главного допроса) и повторный — вторичный допрос вызвавшей стороной. Если в ходе главного допроса запрещается постановка наводящих вопросов, то на перекрестном допускаются не только наводящие, но и вопросы, направленные на опорочивание, запутывание свидетеля. В уголовном процессе США практикуется также объявление свидетеля «враждебным», т. е. представляющим интересы противной стороны. Тем самым приобретается право на перекрестный допрос этого свидетеля, с тем, чтобы подорвать доверие к его показаниям.

В уголовном процессе буржуазных государств в качестве свидетелей допрашиваются в судебных заседаниях офицеры полиции, которые сообщают суду сведения, поступившие от секретной агентуры. При этом не раскрывается источник информации, и суд лишен возможности проверить их достоверность. Такая практика распространена в США, Франции и других странах. В ФРГ она базируется на решении третьего сената федеральной палаты от 1 августа 1962 года. Согласно его мотивировке, лица, состоящие на государственной службе, не вправе давать показания об обстоятельствах, составляющих предмет государственной тайны, без разрешения надлежащих должностных лиц своего ведомства, а суд не вправе требовать у свидетеля сообщения об этих сведениях (ст. 54 УПК ФРГ).

Установлению истины в уголовном судопроизводстве капиталистических стран препятствует также следующая тенденция. Как мы уже ранее отмечали, в буржуазной юриспруденции и психологии утвердилось мнение о крайней ненадежности свидетельских показаний. Предпочтение при оценке доказательств отдается «немым свидетелям» —вещественным доказательствам и заклю-

чениям экспертов. Эту точку зрения отстаивали в своих работах такие видные ученые, как французский криминолог Ф. Корфе («Критика свидетельских показаний». Париж, 1927), западногерманский ученый Э. Зеелиг («Вина. Ложь. Сексуальность». Штутгарт, 1955), американский психолог Г. Берт («Прикладная психология». Нью-Йорк, 1948; один из разделов этой книги носит название «Общая ненадежность человеческих восприятий»), американский психолог Хаутс («От убежденности к доказательствам». Спрингфилд, 1956), бельгийский ученый Ф. Луваж («Психология и преступность». Гамбург, 1960), западногерманский криминалист Э. Крениг и др.

Особенно реакционный характер носит стремление к замене судебного исследования доказательств экспертизой. Тем самым производится отказ от исследования доказательств в условиях соблюдения процессуальных гарантий и подмена его чисто специализированными исследованиями. Видный западногерманский криминалист Ф. Геердс утверждает, что в настоящее время вообще можно говорить о «периоде экспертного доказательства».

Отмеченная тенденция означает не что иное, как отказ от принципа свободной оценки доказательств, согласно которому ни одно из них не должно обладать заранее установленной силой. Правосудие в капиталистических странах вообще старается стать на путь «устранения процессуальных препятствий» в достижении своих целей. Эту закономерность метко охарактеризовал еще В. И. Ленин как стремление буржуазии «избавиться от ею же созданной и для нее ставшей невыносимой законности»[1].

В уголовном процессе ФРГ эксперты выступают не только как специалисты по доказыванию (как об этом указывается в УПК), но и как помощники судьи. Выполняя не свойственные им функции, они фактически проводят собственное расследование (допрашивают свидетелей, обвиняемых, истребуют документы и т. п.). Нередко эксперты дают заключения по правовым вопросам (например, о невменяемости обвиняемого). Известны случаи, когда специально подобранные эксперты давали в суде заведомо ложные заключения.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 16.

Практика замены суда экспертизой особенно выпукло проявляется в случаях производства психологических исследований. Психологическая экспертиза широко применяется для определения достоверности показаний, их субъективной правдивости или ложности, т. е. перед ней ставятся задачи, которые она практически не в состоянии разрешить, так как только следствие и суд могут правильно оценить правдивость или ложность показаний на основе анализа всех собранных по делу доказательств.

При производстве психологической экспертизы эксперты прибегают к псевдонаучным методам, теоретической основой которых служит реакционная теория фрейдизма (психоанализа). При этом стремятся выявить у испытуемого подсознательные инстинкты, влечения, эмоции. Одним из таких методов является эксплорация— беседа эксперта-психолога или двух психологов («двойное интервью») с испытуемым с целью выявить неконтролируемые реакции. При этом они прибегают к грубым или даже оскорбительным вопросам. Другой метод заключается в применении так называемых «проекционных тестов», призванных выявить картину личности испытуемого (его представлений, чувств, внутренних конфликтов и т. п.). Примером может служить «тест-дерево», когда исследуемому предлагается нарисовать дерево, а затем по рисунку судят о содержании его личности[1].

Мы не являемся противниками назначения в интересах правосудия судебно-психологических экспертиз. Однако подлинно научная психологическая экспертиза должна заниматься не решением вопроса о правдивости или ложности показаний, а на основе науки психологии и собранных по делу материалов определять психологические особенности личности испытуемого (его эмоционально-волевой сферы, познавательных процессов и т. п.), имеющие значение для дела.

Особенно отвратительны и бесчеловечны методы, применяемые полицией капиталистических государств на

[1] По символике фрейдизма крона дерева должна обозначать сферу высшей душевной функции, а корни дерева — неосознанные влечения.— См.: Филимонов Б. А. Психологическая экспертиза достоверности свидетельских показаний в уголовном процессе ФРГ.—Вестник Московского университета, вып. 6, 1973, с. 30—31.

допросах с целью получения признания от лиц, обвиняемых в преступлениях, в частности, политического характера[1]. Здесь не только воскрешаются изуверские способы пыток средневекового инквизиционного процесса, но и используются новейшие средства и препараты. Их применение зачастую преследует не получение правдивых показаний, а самооговоры, оговоры и получение иного рода ложных сведений.

Еще в 40-е годы в США был опубликован доклад «Национальной комиссии по обеспечению законности», установившей «приемы», практикуемые американской полицией в практике борьбы с преступностью. К ним были отнесены: а) широкое применение на допросах физических истязаний (избиение резиновыми дубинками, плетьми, боксерскими перчатками, вливание воды через ноздри, помещение перед допросом или после него в камеры с очень высокой или низкой температурой, инсценировки линчевания, пускание слезоточивых газов и т. д.); б) применение затяжного допроса, производимого несколькими сменяющими друг друга полицейскими в течение продолжительного времени; в) запугивание допрашиваемого; г) длительное незаконное задержание; д) применение насилий при аресте, и т. п.

В последние десятилетия арсенал противозаконных методов, используемых полицией на допросах, значительно расширился. Даже помещение, предназначенное для допросов, американцы образно называют «комнатой визга».

Физическое и психическое насилие используется при производстве допросов в условиях так называемой «третьей степени», или «интенсивных полицейских допросов» (арест подозреваемого расценивается как «первая степень», а помещение подозреваемого в место заключения — «вторая степень»). Американский автор Кидд, характеризуя последствия допроса в условиях «третьей степени», указывает, что арестованный: а) сходит с ума, если пытки были слишком жестоки; б) сознается в том, что угодно полиции; в) умирает.

«Третья степень» — это не только избиения, пытки

[1] Ярким обличительным документом в этом отношении является книга французского журналиста Аллега Анри «Допрос под пыткой» /Пер. с франц. М.: Изд-во «Правда», 1958.

водой, раскаленными инструментами и электрошоком, но и ослепление ярким светом, содержание в камере, заполненной грызунами и насекомыми, в экстремальных температурных условиях или же в одиночестве без пищи и воды, лишение арестованного сна и санитарных условий, пытки шумом, запугивания и длительные, непрерывные допросы. «Третья степень» применяется не только к взрослым, но и к несовершеннолетним.

Можно привести примеры, иллюстрирующие сравнительно «мягкие» условия допроса. В 1975 году верховным судом штата Пенсильвания рассматривалось дело в отношении 17-летнего Ирвинга. При этом было установлено, что полицейские в течение 19-часового непрерывного допроса добивались у него признания в совершении убийства. Ирвинг утверждал, что убийство совершенно не им, а взрослым мужчиной по имени Дин. Затем подростка оставили на час наедине с Дином, после чего он «сознался» в убийстве.

Не менее показательна процедура допроса Ли Харви Освальда, подозревавшегося в убийстве президента США Дж. Кеннеди и полицейского Типпита. После задержания Освальда допрашивали в течение 12 часов. Формально допрос производил сотрудник полиции г. Далласа, капитан Фритц, но в допросе приняли участие 25 человек. Причем постоянно в комнате, где допрашивали Освальда, находилось 7—8 человек, несмотря на ее малую площадь. Фритц неоднократно отлучался из кабинета, и тогда допрос поочередно продолжали присутствующие сотрудники ФБР, представители местных и федеральных властей. Во время допроса Освальд находился в наручниках. Адвокат отсутствовал. Допрос не протоколировался. Позднее начальник далласской полиции Керри признал: «Мы нарушили каждый принцип допроса, это было против всех принципов правильной практики допроса».

Как известно, в США и других капиталистических странах немало любителей поговорить о якобы имеющем место нарушении прав человека в социалистических странах. Абсурдность этих утверждений не требует объяснений. В то же время применение в странах капитала противозаконных методов ведения расследования является одним из ярких проявлений нарушения прав человека в буржуазном обществе. В этом смысле нельзя

обойти вниманием беспрецедентный в истории международных отношений случай.

В феврале 1977 года во французском городе Страсбурге открылся судебный процесс в Европейском суде, возбужденный Ирландией против Великобритании по обвинению ее в нарушении европейской конвенции о правах человека. В итоге продолжительного расследования Европейская комиссия по правам человека установила, что Великобритания виновна в нарушений ст. 3 европейской конвенции о правах человека, запрещающей пытки, бесчеловечное и унизительное обращение с заключенными. Выявилась целая система изощренных пыток при допросах заключенных в Северной Ирландии. Британские полицейские и военнослужащие оккупационных войск применяли пять комбинированных методов психического давления: 1) заключенного содержали в светонепроницаемом колпаке на голове; 2) применяли специальные шумовые раздражители; 3) лишали его сна; 4) не давали ему воды и пищи; 5) заставляли сутками стоять неподвижно, упершись руками в стену. Генеральный прокурор Ирландской республики Д. Костелло привел эти данные Европейской комиссии по правам человека, и генеральный прокурор Соединенного Королевства Великобритании вынужден был их признать[1].

Порочность пыток как способа получения правдивых показаний понимают и буржуазные специалисты в области расследования преступлений. Так, известный английский контрразведчик времен второй мировой войны И. Колвин в своей книге «Двойная игра» пишет: «Телесные пытки имеют один серьезный недостаток. Под их воздействием и очень часто невиновный признается в преступлениях, которые он никогда не совершал, и только для того, чтобы получить передышку. Зверские пытки могут заставить невиновного «сознаться» в преступлениях, за которые полагается смертная казнь. В таких случаях человек считает, что быстрая смерть легче нечеловеческих страданий. Телесные пытки заставляют в конце концов говорить любого человека, но не обязательно правду».

В то же время многие буржуазные авторы (в том числе и вышеназванный) рекомендуют использовать на

[1] См.: Правда, 8 и 10 февр. 1977 г.

допросах грубость, обман, запугивание, постановку наводящих вопросов. «Некоторых людей можно взять грубостью. Поэтому заранее определите, каким методом лучше воздействовать — грубостью, сарказмом, вежливым обращением или же другим выражением сочувствия»,— советует И. Колвин. Западногерманский криминалист Э. Крениг рассматривает тактику допроса только как уловку, хитрость, направленные на то, чтобы «вырвать у свидетеля сведения, которые он хочет скрыть». Система приемов, рассчитанных на обман допрашиваемого, заимствует название из терминологии карточной игры — «блсф». В частности, рекомендуется «блефовать на расколовшейся паре», то есть ложно утверждать, будто бы соучастник обвиняемого дал изобличающие его показания. Открыто провозглашается целесообразность постановки наводящих вопросов или утверждений.

Федеральная судебная палата ФРГ признает правомерной угрозу со стороны допрашивающего лица применить к обвиняемому, дающему ложные показания, предварительный арест, в случае, когда такой арест действительно допустим. В одинаковой степени правомерным считается указание допрашиваемому на то, что правдивыми показаниями он может добиться освобождения из-под стражи. Вряд ли стоит говорить о том, какое провоцирующее значение содержат эти обещания.

В арсенале средств полицейского допроса запугивание соседствует с выражением ложного сочувствия, а также одобрения низменных побуждений допрашиваемого. В основе известного приема допроса «Матт и Джеф» лежит чередование методов запугивания и выражения сочувствия. Так, допрос подозреваемого сначала ведет один детектив («плохой парень»), использующий методы «третьей степени», а затем его сменяет другой («хороший парень»), который уговаривает допрашиваемого сознаться хотя бы в совершении менее тяжкого преступления. Рекомендуется также использовать для получения показаний желание подозреваемого курить, если он страстный курильщик, или принять наркотик, если он наркоман.

В практике работы полицейских учреждений и тюрем капиталистических стран в последние десятилетия стали применяться фармакологические средства и разного рода медицинские эксперименты, создающие угрозу жизни

и здоровью граждан. На допросах используется так называемая «сыворотка правды» (наркотические вещества типа барбитуратов — скополамина, натриевого пентотала и др.), рассчитанная на создание в сознании допрашиваемого «сумеречной зоны». Наркотик депрессирующим образом действует на психику человека и, как считают сторонники использования этого метода, парализует у допрашиваемого «центры лжи». Использование «сыворотки правды» ничего общего с детекцией лжи не имеет, а повышает внушаемость человека и разрушающим образом воздействует на его нервную систему.

В полицейской практике применяются также допросы под гипнозом, хотя суды не признают в качестве источника доказательств полученные при этом показания. Слишком велика внушаемость человека в этом состоянии. Кроме того, установлена ненадежность подобного воздействия. Так, гипнотизируемый при желании может не отвечать на некоторые вопросы и скрывать факты или чувства, оглашение которых, по его мнению, может ему повредить. В то же время, мифоманы и внушаемые субъекты могут в состоянии гипноза продолжать фантазировать.

Применению на допросах противозаконных методов получения показаний способствует покровительственное отношение к этим фактам высших органов юстиции капиталистических стран. Например, несмотря на общеизвестность широкого применения полицией США методов физического и психического насилия, Верховный суд США провозгласил презумпцию «добропорядочности полицейского чиновника», в отношении которого следует предполагать, что «он не будет нарочно чинить насилие или причинять страдания обвиняемому».

Особенно широкое распространение получило применение на допросах «полиграфов» («детекторов лжи», «лайдетекторов», «вариографов»).

В последние годы мировая общественность была ознакомлена с фактами проведения ЦРУ США медицинских опытов над арестованными, заключенными и военнослужащими, что нельзя назвать иначе, как преступлением против человечества. Над людьми ставились химические и биологические опыты с использованием сильнодействующих наркотических средств, в частно-

сти, препарата ЛСД. Так, начальник тюрьмы в калифорнийском городе Вакавилле сообщил, что эксперименты проводились над заключенными с целью «развязать язык» допрашиваемым и выдавались за безобидные медицинские опыты[1]. По признанию шефа американской разведки С. Тэрнера, ЦРУ тайно финансировало научные исследования с целью управления поведением человека, которые проводились 80 учреждениями, в том числе тюрьмами, больницами, фармакологическими компаниями[2]. Бывший военнослужащий американской армии негр Джеймс Торнуэлл возбудил судебное дело против американского правительства, обвиняя его в том, что оно причинило серьезный ущерб его здоровью, допустив постановку над ним опытов. Заключение врачей подтвердило факты использования ЛСД. Более того, адвокатам Торнуэлла удалось раздобыть оригинал заключения «команды специального назначения», которая проводила над ним эксперименты. В этом документе указано, что «эксперимент прошел удачно: ЛСД продемонстрировал возможность его применения при допросах, так как допрашиваемый объект после воздействия на него ЛСД почти не контролирует свое сознание... Регулярное его применение может довести объект почти до безумия[3]. Эта операция ЦРУ носила название «Третий шанс». Ранее в печати уже сообщалось об аналогичных операциях разведки под кодовыми названиями: «МК-ультра», «Артишок» и др.

Буржуазные криминалистические и психологические теории, касающиеся получения достоверных показаний от допрашиваемых, нередко содержат псевдонаучные выводы и рекомендации. Так, еще А. Гельвиг провозглашал, что показания свидетелей из высших классов значительно более надежны, чем показания лиц, принадлежащих к низшим классам. Американский криминолог О. Поллак утверждает, что «одной из причин, позволяющих женщинам скрыть совершенные преступления, является природная лживость и изворотливость женщин, обусловленная их физиологическими особенностями». Всерьез обсуждается вопрос об использовании

[1] Правда, 9 марта 1977 г.
[2] Правда, 9 сентяб. 1977 г.
[3] Правда, 3 декаб. 1978 г.

в полицейской и следственной практике методов парапсихологии и других оккультных наук. Подобные высказывания и тенденции являются проявлением общего кризиса науки в капиталистических странах.

Отметим еще такое характерное проявление буржуазной «законности», как «сделка о признании». Сущность этой типичной для стран англосаксонской (США, Канада) системы права операции заключается в том, что между обвиняемым (или его адвокатом) и обвинителем ведутся переговоры и заключается соглашение о том, что обвиняемый признает себя виновным в совершении менее тяжкого (по сравнению с инкриминируемым) преступления, а обвинитель обязуется переквалифицировать деяние и обеспечить вынесение более мягкого приговора. Поскольку существует презумпция истинности признания обвиняемым своей вины, дальнейшее расследование не проводится, а судья единолично (без присяжных) выносит приговор. Указанные условия нередко толкают обвиняемого к ложным показаниям и самооговорам.

Рассмотренные методы установления «истины» в уголовном процессе, конечно, далеки от правосудия. Не случайно авторитет органов юстиции в капиталистических странах невысок. На состоявшемся в сентябре 1975 г. в Женеве V конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, на котором присутствовали делегаты более чем из 100 стран, вновь был поставлен вопрос о запрещении пыток и иных жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания в связи с задержанием или тюремным заключением. Было отмечено, что полицейский аппарат капиталистических стран разложен коррупцией и авторитет учреждений уголовной полиции заметно упал. В материалах конгресса отмечено: «Многие страны с сожалением заявляют о разочаровании общественного мнения в уголовном правосудии». Такова объективная оценка буржуазной законности.

Глава вторая

СУЩНОСТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ

Значение борьбы с ложью в уголовном судопроизводстве трудно переоценить. Содержащиеся в показаниях ложные сведения дезорганизуют работу органов следствия и суда, препятствуют осуществлению правосудия, могут привести к серьезным нарушениям социалистической законности.

Неразоблаченная ложь создает угрозу осуждения невиновных лиц, а следовательно, избавления от наказания преступников, которые могут совершить новые преступления. Нарушение в этой связи принципа неотвратимости наказания за совершенное преступление отрицательно влияет на правосознание отдельных граждан, порождая иллюзию безнаказанности, подрывает авторитет правоохранительных органов. Поэтому борьба с ложью в показаниях должна вестись непримиримо, наступательно, с использованием всего потенциала средств и возможностей, которыми эти органы располагают.

Для успешной организации и эффективного осуществления этой борьбы необходимо понимание сущности такого явления в судопроизводстве, как ложь.

В общежитейском понимании ложь — это неправда, вымысел. Лгать — значит скрывать правду. Такого понимания вполне достаточно для использования в быту, где ложь, за некоторыми исключениями, не приобретает серьезного социального значения. Однако для того, чтобы разработать научно обоснованные рекомендации по предупреждению и разоблачению лжи в судопроизводстве, в частности в сфере показаний допрашиваемых лиц, необходим научно достоверный подход, поскольку, как отмечалось, невыявленная ложь в показаниях может привести к тяжким последствиям по отношению к государственным, общественным организациям или интересам отдельных граждан.

Ложь — понятие многоаспектное. Обычно в юридической литературе дается оценка психологической и юридической сторонам лжи. Безусловно, психологическая сторона лжи имеет важное значение для уяснения ее природы. Однако при этом нельзя игнорировать и такие

ее стороны, как философская (диалектическая), логическая, социальная и этическая.

Для уяснения философского понимания лжи необходимо обратиться к таким категориям, как истина и заблуждение. Кроме того, от общего понятия истины должны быть выделены такие производные понятия, как истинность, ложность, правильность, достоверность.

Истиной, как известно, называется совпадение отображения с отображаемым. Истина одна, и можно лишь говорить о многообразных формах ее проявления во всем сложном процессе познания. Мы не ставим перед собой задачу раскрытия таких понятий истины, как «объективная», «абсолютная», «относительная», «конкретная», поскольку сведения о них достаточно полно изложены в философской учебной и специальной литературе.

Понятие истины интересовало человека с древнейших времен. Истоки теоретического исследования истины восходят к античной философии. Платону принадлежит следующая характеристика понятия истины: «...тот, кто говорит о вещах в соответствии с тем, каковы они есть, говорит истину, тот же, кто говорит о них иначе,— лжет...»[1]. Сходно об истине пишет и Аристотель в известном произведении «Метафизика»: «...говорить о сущем, что его нет, или о не-сущем, что оно есть,— значит говорить ложное; а говорить, что сущее есть и не-сущее не есть,— значит говорить истинное»[2]. О том значении, которое уделялось в древние времена проблемам истины, свидетельствует и дошедшее до нас логическое противоречие, так называемый «парадокс лжеца» («антиномия лжеца»), исследованию которого уделяется внимание философии и в наше время.

«Истинность» выражает характеристику или оценку форм человеческого познания с точки зрения их объективного смысла и значения. Это понятие дает оценку суждениям, теориям и т. п. с точки зрения соответствия их содержания объективной действительности, подлежащей познанию. В этом смысле понятие «истинности» противостоит понятию «ложности», выражающему отрицание такого соответствия.

---

[1] См.: Платон. Соч. в 3-х т., т. 1. М., 1968, с. 417.
[2] См.: Аристотель. Соч. в 4-х т., т. 1. М., 1975, с. 14.

Понятие «истинность» нередко отождествляется с понятием «правильность» (в частности, применительно к мышлению). Однако «правильность» всегда имеет логический характер. С «истинностью» отождествляется также зачастую понятие «достоверность». С точки зрения выражения объективно истинного содержания понятий, суждений и т. п.— это не будет вызывать возражений. В то же время «достоверности» присущ отличительный момент, выражающийся в том, что истинность суждений применительно к достоверности выступает в качестве и форме ее высказывания субъектом. Поэтому относительно высказываемых показаний следует оперировать понятиями: «достоверно», «ложно», «правдиво».

Понятие истины нельзя раскрыть всесторонне, не рассмотрев заблуждение, составляющее важный момент диалектически развивающегося научного знания. Под заблуждением обычно понимается определенный вид ложных высказываний, отличающийся от других ложных высказываний тем, что ложное принимается субъектом за истинное. Без заблуждений немыслимо познание. Рабиндранат Тагор писал: «Если ты закроешь свою дверь для всех заблуждений, то и правда останется снаружи».

В. И. Ленин в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» указывал, что «всякую истину, если ее сделать «чрезмерной»... если ее преувеличить, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда, и она даже неизбежно, при указанных условиях, превращается в абсурд»[1]. Применение истины вне пределов ее применимости, перенос на другое отношение, явится ошибкой субъекта, если это делается непреднамеренно (в противном случае — обманом, ложью).

Итак, философия предусматривает два вида ложного: преднамеренную ложь и заблуждение. Преднамеренной лжи противоположна правда. Платон различал «ложь в словах» — как обман и «ложь в уме» — как ошибку. Преднамеренная ложь имеет место, во-первых, когда делается высказывание для других (например, на допросе) и, во-вторых, когда делающий такое выска-

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 46.

зывание осознает, что делает ложное высказывание. Заблуждающийся же искренне принимает ложное за истинное.

С позиций логики ложь — неправда, искажение действительного состояния дел, имеющее целью ввести кого-либо в обман. Примером лжи Ф. Энгельс считал догмы религиозных учений: «...лицемерие мы также относим за счет религии, первое слово которой есть ложь,— разве религия не начинает с того, что, показав нам нечто человеческое, выдает его за нечто сверхчеловеческое, божественное? Но так как мы знаем, что вся эта ложь и безнравственность проистекает из религии, что религиозное лицемерие, теология, является прототипом всякой другой лжи и лицемерия, то мы вправе распространять название теологии на всю неправду нашего времени...»[1].

Источником непреднамеренной лжи (заблуждения) может быть логически неправильное мышление. Логические ошибки — это ошибки в умозаключениях, рассуждениях, определениях понятий, доказательствах и опровержениях, вызванные нарушением законов и искажением форм мышления.

Все логические ошибки делятся на три следующие группы: 1) ошибки в посылках (основаниях доказательства); 2) ошибки в отношении тезиса, т. е. мысли, которую следует доказать, и 3) ошибки в аргументации, т. е. в форме умозаключения, рассуждения. Знание их необходимо следователю, чтобы помочь допрашиваемому логически верно построить свои показания и правильно оценить их достоверность. Преднамеренно допущенные логические ошибки (софизмы) выходят за рамки изучения формальной логики и являются предметом изучения социальных наук, в частности правовых и психологии.

Заслуживают внимания такие понятия, которыми оперирует логика, как вероятность и достоверность. Они представляют собой характеристику знания, степень его обоснованности, доказанности. Вероятность означает недостаточно обоснованное знание, а достоверность — вполне обоснованное знание, исключающее всякие сом-

---

[1] См.: Энгельс Ф. Положение Англии.— В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 591.

нения в его соответствии действительности, доказанность выводов. Показания допрашиваемого либо истинные, либо ложные, ошибочные. Поэтому применительно к показаниям понятие «достоверность» соответствует понятию «истинность»[1].

Правда и ложь, помимо философской и логической, являются также категориями социальными. Академик Н. П. Дубинин отмечает: «Очевидно, что основные социальные черты человека, его «человечность», коллективизм, понимание добра и зла, правды и лжи (подчеркнуто мною — А. З.), чувство красоты, способность предвидеть будущее и связанное с ним чувство ответственности, ощущения романтической юности и т. д.— все это социально развивалось, было разным для разных исторических эпох, передаваясь при помощи социального (а не генетического) наследования». Проявляется ложь в социальных, межличностных отношениях. Поэтому социальная сторона лжи при ее исследовании не должна упускаться из внимания.

Важное значение имеет также этическая сторона лжи. В нравственном характере человека всегда привлекает его правдивость, откровенность. Правдивость непосредственно вытекает из этического понятия совести и составляет элемент достоинства человека.

Г. Бендзеладзе пишет: «Если исторически первым пороком была ложь, то, соответственно, первоначальной добродетелью следует признать правдивость, откровенность. Знать правду хотят все, но не всех одинаково устраивает эта правда. В этом и заключается источник лжи. Кто боится правды, тот решается на ложь»[2].

С этических позиций не каждая ложь негативна. Если она в состоянии принести пользу обществу или личности, ее не следует рассматривать как порок. Здесь определяющим является то, какими мотивами руководствуется человек. Если он преследует гуманные цели (например, врач, скрывающий правду о тяжелой болезни от пациента) или выполняет патриотический долг (например, плененный воин, вводящий врага в заблуждение), поступки его оцениваются как высокомораль-

[1] См.: Дубинин Н. П. Социальное и биологическое в современной проблеме человека. — Вопросы философии, 1972, № 10, с. 57.

[2] См.: Бендзеладзе Г. Этика. Тбилиси, 1980, с. 423.

ные. Однако такие ситуации неприемлемы в условиях судопроизводства, преследующего цель установления объективной истины и свершения правосудия. Человек, лгущий на допросе, всегда поступает аморально, равно как и следователь, прибегающий к обману в отношении допрашиваемого.

Этика исходит также из того, что у каждого человека может быть своя сфера интимного, невысказываемого. Понятия самолюбия и достоинства личности подразумевают неприкосновенность такой сферы личных тайн. Поэтому «...мы не имеем никакого права считать неискренним того, кто не желает посвятить нас в интимную сферу своей жизни, открыть свои сугубо личные стремления и желания»[1].

Исходя из этих этических требований, закон предусматривает неразглашение сведений об интимной стороне жизни лиц, в отношении которых производятся обыск и выемка (ст. 170 УПК РСФСР). Следователь не вправе также выяснять на допросе подобного рода обстоятельства, не входящие в предмет доказывания по делу.

Важное значение имеет юридическая (правовая) характеристика лжи и ее последствий в уголовном судопроизводстве.

В соответствии с ныне действующим законодательством, к уголовно наказуемым проявлениям лжи относятся: клевета, то есть распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений (ст. 180 УК РСФСР)[2]; заведомо ложный донос (ст. 180 УК); заведомо ложное показание свидетеля или потерпевшего, заведомо ложное заключение эксперта; заведомо ложный перевод (ст. 181 УК); приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов (ст. 152[1] УК); распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (ст. 190[1] УК). Влекут уголовную ответственность также такие деяния, способствующие возникновению лжи, как понуждение свидетеля, потерпевшего, эксперта к даче ложного показания или заключения, или к иному нарушению своих обязанностей, либо подкуп этих лиц

[1] См.: Беидзеладзе Г. Этика. Тбилиси, 1970, с. 424—425.

[2] Здесь и далее, если иное не оговорено специально, подразумеваются также соответствующие статьи УК (УПК) и других союзных республик.

с той же целью (ст. 183 УК), а также принуждение к даче показаний (ст. 179 УК). Из названных преступных деяний прямое отношение к ложным показаниям допрашиваемых лиц имеют преступления, предусмотренные ст. ст. 180 и 181 (в части заведомо ложного показания свидетеля или потерпевшего) УК.

Представляет интерес рассмотрение проблем смешанного (уголовно-правового, процессуального и этического) характера, касающихся ответственности за дачу ложных показаний.

Нередко свидетели и потерпевшие дают заведомо ложные показания в случаях, когда их допрашивают по вопросам причастности к совершению преступления или же если они состоят в родственных или близких отношениях с обвиняемыми. Хотя эти вопросы лишь в последнее время все чаще становятся предметом обсуждения на страницах юридической печати, проблема «свидетельского иммунитета» и возможности отказа от изобличающих показаний в отношении родственных лиц имеет в нашем уголовном праве давнюю историю.

Еще в первые годы Советской власти юридическая мысль изыскивала возможности совершенствования тактических и процессуальных условий получения достоверных показаний от допрашиваемых. В этом отношении были достигнуты определенные успехи, которые впечатляют в некоторой степени даже в сравнении с ныне действующим уголовно-процессуальным законодательством. Общепризнанным являлось положение о том, что нельзя обязывать свидетелей и потерпевших к самоизобличающим показаниям под угрозой уголовной ответственности. Еще «Положение о полковых судах» от 10 июля 1919 г., а также «Положение о военных следователях» от 30 сентября 1919 г. предусматривали, что свидетель не обязан отвечать на вопросы, уличающие его самого в каком бы то ни было преступном деянии (соответственно ст. ст. 75 и 68). Хотя это положение и не было воспринято ныне действующим законодательством, по этическим соображениям оно представляется правильным. Да и в следственно-судебной практике такие уголовные дела фактически не встречаются. Если допрошенное в качестве свидетеля или потерпевшего лицо скрывало факт совершения им самим какого-либо преступления, то оно впоследующем привлекается к от-

ветственности за совершенное им преступление, а не за лжесвидетельство.

Указанные Положения 1919 г., (ст. 69 и 66) содержали также особые правила, касающиеся допроса в качестве свидетелей родственников обвиняемого: его жены, родственников по прямой линии, родных братьев и сестер. Из них вытекало право родственников обвиняемого выступать в качестве свидетелей только при наличии с их стороны добровольного на это согласия.

Действительно, получение под угрозой уголовной ответственности от близких родственников обвиняемого уличающих его сведений нередко приводит к глубоким нравственным страданиям лиц, вынужденных делать выбор между интересами правосудия и судьбой дорогих им лиц. И хотя нередко удается получить правдивые показания от родственников обвиняемого, дается это ценой больших усилий, приводит к возникновению непримиримых антагонизмов между близкими людьми, к распаду семей, да и в судебных заседаниях они зачастую изменяют свои показания на ложные в пользу обвиняемого.

Как известно, в советском уголовном процессе подозреваемый и обвиняемый не обязаны давать показания и в отличие от других лиц не несут уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Однако, означает ли это «право обвиняемого на ложь»? Безусловно нет. Правдивость как один из моральных принципов гражданина нашего общества не может быть отменена законом, или, иначе говоря, аморальность не может быть признана в законодательном порядке. В то же время, введение в закон уголовной ответственности обвиняемого за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний нарушило бы его конституционное право на защиту, так как вынудило бы его доказывать свою невиновность (в нарушение принципа презумпции невиновности обвиняемого) и даже самому изобличать себя.

Не влечет уголовной ответственности и самооговор лица, причастного к совершению преступления (например, если обвиняемый «берет на себя» вину соучастников и т. п.). Что касается самооговора лица, не причастного к совершению преступления, то, если оно адресуется органам, компетентным возбуждать уголовное

дело, но не в связи с производством расследования, оно квалифицируется как ложный донос (ст. 180 УК). В случае самооговора, проявившегося в ходе допроса свидетеля (потерпевшего) или при производстве иных следственных действий, это деяние надлежит квалифицировать как заведомо ложное показание (ст. 181 УК).

Заслуживают специального рассмотрения и некоторые уголовно-процессуальные вопросы борьбы с заведомо ложными показаниями.

К особенностям расследования и судебного рассмотрения дел о лжесвидетельстве следует отнести то, что следователи (судьи), выявившие заведомо ложные показания, не имеют права расследовать и рассматривать дело о лжесвидетельстве, так как они сами в отношении его являются свидетелями. Поэтому в соответствии со ст. 59, 64 УПК они сразу же после возбуждения уголовного дела о лжесвидетельстве должны передать его другому следователю (судье). Сами же они могут быть допрошены по данному делу в качестве свидетелей.

В последние годы в юридической литературе встречаются справедливые замечания по поводу того, что действующая процедура предупреждения свидетелей и потерпевших об ответственности за лжесвидетельство психологически недостаточно эффективна. По данным исследования, проведенного А. Ратиновым и Ю. Адамовым, многие опрошенные лжесвидетели сообщили, что они совершенно не запомнили этого предупреждения или не приняли его во внимание. Недейственность этой процедуры объясняется отчасти и тем, что допрашиваемые дают подписку об ознакомлении с нормой закона, а не о том, что обязуются говорить правду. В связи с этим названные авторы, а также В. И. Смыслов, предлагают ввести присягу или торжественное обещание говорить правду»[1].

Мы разделяем это предложение. Присяга или торжественное обещание свидетеля или потерпевшего оказы-

---

[1] См.: Смыслов В. И. Свидетель в советском уголовном процессе. М., 1973, с. 62—63.

[2] См.: УПК ПНР, НРБ, СБР, Ст. 100 УПК ПНР приводит следующий текст торжественного обещания: «Сознавая значение моих слов и ответственность перед законом, торжественно обещаю говорить правду, ничего не утаивая из того, что мне известно».

вали бы большее эмоциональное воздействие на допрашиваемого, создавали бы дополнительную моральную преграду на пути лжесвидетельства. Кроме того, институт присяги или торжественного обещания продуктивно используется во многих зарубежных, в том числе и социалистических, странах. Известно также, что приведение свидетелей к торжественному обещанию давать правдивые показания использовалось следственным аппаратом советского обвинения по делам главных военных преступников.

Думается, что введение этого ритуала в нашем уголовном процессе, дополнительно к разъяснению прав свидетелям и потерпевшим и предупреждению их об уголовной ответственности за отказ и уклонение от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний, повысило бы эффективность борьбы со лжесвидетельством.

Наиболее существенным для понимания природы лжи в показаниях и уяснения процесса формирования ложных показаний является рассмотрение их психологической природы. Вызвано это тем, что ложь является волевым и сознательным актом поведения личности. Точнее, ложь — это специфическая форма мышления, а дача ложных показаний — волевой сознательный акт.

Ложь у психически здорового, нормально развитого человека всегда руководствуется определенными реальными мотивами и направлена на достижение конкретных целей.

А. Ратинов и Ю. Адамов характеризуют ложь как способ поведения людей в затруднительных и остроконфликтных ситуациях, инструмент предотвращения и разрешения таких ситуаций, средство, давно известное человечеству и довольно широко практикуемое в повседневной жизни, с помощью которого поддерживается и создается внутренний психологический комфорт.

С психологической стороны принятию индивидуального решения о даче ложных показаний нередко предшествуют такие специфические состояния, как стресс и фрустрация. Стрессовое состояние, в частности, может возникнуть у свидетеля, делающего выбор в условиях дилеммы: дать показания, уличающие родственника, или встать на путь лжесвидетельства, а также у задержанных лиц перед лицом перспективы привлечения к уголовной ответственности. Фрустрация, как состояние

дезорганизации сознания и деятельности в условиях стрессовой ситуации, порождая чувство безысходности, может вызвать ложь как попытку осуществить выход из данной психотравмирующей ситуации.

Ложь обычно проявляется там, где для прибегающего к ней лица затруднено или невозможно достижение желательного результата иным путем.

Как и всякое мышление, ложь подчиняется определенным закономерностям, лжец неизбежно нарушает определенные психологические законы. В частности, нарушаются законы памяти, так как в памяти лгущего лица одновременно сосуществуют два варианта события: действительное и вымышленное. Действительное событие запечатлевается в сознании в виде «следов памяти», в то время как вымышленное событие таких следов не имеет. Сложность положения лгущего заключается в том, что ему постоянно приходится удалять из памяти реальное событие, что представляет значительную трудность, и стремиться удержать в памяти вымышленный вариант события, что еще более сложно. В результате в сознании возникает противоборство между закрепившимся в памяти реальным событием и не имеющим прочных корней в памяти вымышленным событием. Это, в свою очередь, приводит к появлению в показаниях противоречий, проговорок, что способствует выявлению и разоблачению ложных показаний.

Нарушаются также и законы мышления, поскольку лгущему приходится лавировать в уме между правдой, которую нельзя говорить, правдой, которую можно сказать лишь частично, и вымыслом, которым надо заменить скрываемую правду. Все это требует значительных умственных усилий со стороны допрашиваемого, мысленного «проигрывания» в уме различных вариантов вопросов и ответов. В результате любой ответ на вопрос следователя представляется лгущему сложной задачей, которую необходимо решить. В связи с этим проявляется замедленность в ответах допрашиваемого и нервозность в его поведении, что нетрудно заметить.

Отвечая на вопрос следователя, лгущий стремится сначала найти правильный ответ в уме. Здесь же он извращает его, заменяя элементы правды, которую он стремится скрыть, элементами вымысла. В связи с этим мыслительные действия лгущего при ответе на вопрос

следователя значительно усложняются, так как из одноактных становятся трехактными. Так, как отмечают Ратинов и Адамов Ю., восприняв вопрос следователя, лгущий допрашиваемый должен осуществить не менее трех мыслительных операций; на второй вопрос их уже будет шесть, а на третий — девять и так далее в арифметической прогрессии. И дальнейшая постановка вопросов обычно дезорганизует процесс мышления лгущего.

Вызвано это тем, что, как известно из психологии, человеческое мышление без опоры на наглядную основу (заранее подготовленные записи, схемы, фотоснимки и т. п.) может абстрагироваться лишь до третьей степени. Нарушение лгущим этой закономерности приводит к нарушениям законов памяти и мышления и облегчает распознание в его показаниях лжи.

Необходимо учитывать и то, что психическая деятельность лиц, дающих ложные и правдивые показания, неодинакова. Если у сообщающего правдивые сведения она носит репродуктивный (воссоздающий) характер, то для лгущего она представляет творческий процесс, включающий дополнительно обработку материала воспоминаний в нужном лжецу направлении[1].

Приняв решение о сообщении ложных сведений, допрашиваемый пытается представить в уме, как его показания будут восприняты следователем и какая может последовать на них реакция. С учетом этого он может продумать варианты своих последующих ответов. Такое продумывание своего будущего поведения в зависимости от реакции собеседника, имитация хода его рассуждений, носит в психологии название рефлексии. Чем более высоким рангом рефлексии обладает недобросовестный допрашиваемый, тем сложнее разоблачать его ложные показания.

В уяснении сущности лжи и процесса формирования ложных показаний значительную роль играет выявление их мотивов. Предупреждение и разоблачение ложных показаний может быть эффективным в случае, если следователь правильно определит причины и мотивы поведения допрашиваемого.

[1] См.: Ратинов А. Р., Гаврилова Н. И. Логико-психологическая структура лжи и ошибки в свидетельских показаниях. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 37. М., 1982, с. 46.

Мотив — это потребность, ценностная ориентация и интерес субъекта, побуждающие его к принятию решения действовать определенным образом в данной ситуации. Иными словами — это осознанное побуждение к действию.

Мотив тесно связан с целью, на которую направлено действие человека. Он является одним из внутренних (психических) элементов механизма любой человеческой деятельности, как общественно полезной, так и противоправной, а цель — будущий результат действий, его мысленное предвосхищение.

И мотив, и цель формируются под влиянием различных социальных факторов и индивидуальных особенностей личности. При этом имеет значение вся совокупность свойств личности.

Внешнее влияние, побуждающее к образованию мотива, представляет собой причину действия. Таким образом, причина носит внешний характер по отношению к человеку, в то время как мотив — это один из элементов его психики. Одна и та же причина может вызывать у различных людей разные мотивы и действия, преследующие различные цели. Например, угроза насилия со стороны родственников обвиняемого у одного потерпевшего вызывает страх и приводит к даче ложных показаний. У другого подобные угрозы вызывают справедливое возмущение, и он дает показания, изобличающие виновного.

Ложные показания могут быть вызваны конкретными жизненными причинами (например, воздействием на допрашиваемого со стороны заинтересованных лиц и др.), вызывающими разнообразные мотивы и поступки.

Действия человека обычно побуждаются комплексом мотивов, в котором одному из них может принадлежать решающее значение.

Надо иметь в виду, что всякое действие имеет мотив, но не всякий мотив реализуется в действие. У человека, склонного к даче ложных показаний, обычно происходит внутренняя борьба. В его психике зреет конфликт между сильным и благородным мотивом, побуждающим выполнить гражданский долг, сообщив правдивые сведения, и мотивом, склоняющим дать ложные показания. Следователю нужно своевременно помочь допрашиваемому избрать верное поведение.

Прежде чем подвергнуть показания криминалистическому анализу, дадим определение заведомо ложным показаниям. Под ними, на наш взгляд, следует понимать данные в установленном законом процессуальном порядке лицу, правомочному вести допрос, показания свидетеля, потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого, заведомо не соответствующие действительности или искажающие ее, об обстоятельствах, имеющих значение для установления истины по делу.

Уяснить процесс формирования ложных показаний помогает их криминалистический анализ. В общем виде — это раскрытие содержательной стороны показаний посредством анализа данных о личности допрашиваемого, определения процессуальных и тактических условий получения показаний, выявления обстоятельств, влияющих на их достоверность, причин и мотивов сообщения ложных сведений на допросе, соответствия фактических данных, содержащихся в показаниях, другим доказательствам, собранным по делу, и др. Применительно к ложным показаниям следует выявить в первую очередь демографическую и процессуальную характеристику лиц, дававших ложные показания, причины, которые породили ложь, и мотивы, на которые она опиралась.

С этой целью нами произведен анализ 880 уголовных дел, содержащихся в архивах Волгоградского и Одесского областных судов и охватывающих период за 1975—1980 годы. При этом было выявлено 420 дел, по которым 390 потерпевших или свидетелей давали заведомо ложные показания[1], и 1140 обвиняемых (подозреваемых), дававших ложные показания по всем 880 уголовным делам.

В первой группе исследуемых (т. е. свидетелей и потерпевших) последних оказалось 60 человек (15,4%). Каждому из них был причинен моральный ущерб. Кроме того, 66,7% из них нанесен физический, а 83,3% — имущественный ущерб.

[1] По ряду дел, выделенных в отдельное производство, ложные показания давали одни и те же свидетели и потерпевшие. Вывод о ложности показаний делался нами на основе наличия явного противоречия сообщаемых сведений доказанным обстоятельствам дела, признания во лжи самих допрашиваемых и отношения суда к правдивости показаний, зафиксированного в протоколах судебных заседаний.

В возрастном отношении все свидетели и потерпевшие, давшие заведомо ложные показания, составили 2 группы: 79,5% — взрослые лица и 20,5% — несовершеннолетние. 56,4% из них — мужчины и 43,6% — женщины.

Криминологами отмечен значительный процент женщин среди осужденных за заведомо ложные показания. Так, если в общей уголовной статистике удельный вес женщин составляет примерно одну десятую часть, то удельный вес женщин, осужденных за заведомо ложные показания свидетеля и потерпевшего, а также за заведомо ложный донос, соответственно колеблется от 20 до 36,7%, от 45,5 до 71,1% и от 33,3 до 55%. Дело в том, что подавляющее большинство лжесвидетельств женщин имело место при расследовании преступлений, совершенных на почве бытовых отношений, семейных конфликтов и неурядиц. При этом заведомо ложные показания были обусловлены главным образом стремлением облегчить участь привлеченных к ответственности — мужей, близких родственников и т. д.[1]

79,5% свидетелей и потерпевших дали ложные показания на первичном допросе, а 20,5% — на повторном, т. е. изменили свои первоначальные правдивые показания на ложные.

Заведомо ложные показания всегда обусловлены конкретными мотивами и направлены на определенную цель. В их формировании важную роль играют психические, волевые процессы. В каждом конкретном случае для выявления и разоблачения ложных показаний необходимы знания об условиях формирования показаний и индивидуальных свойствах лица, дающего их.

Цели лжесвидетельства разнообразны. Среди них можно выделить следующие: а) избавление виновных от ответственности (по нашим данным, эту цель преследовали 64,1% допрошенных свидетелей и потерпевших, давших ложные показания); б) смягчение вины обвиняемого — 30,7% (обе названные цели носят оправдательный характер); в) преувеличение вины обвиняемого

[1] См.: Хабибуллин М. Х. Личность лжесвидетеля и лжедоносчика. — В кн.: Личность преступника. Казань, 1972, гл. 5, с. 120—121.

(обвинительные показания) — 2,6%; г) оговор невиновных — 2,6% и др.

Важное значение в формировании ложных показаний свидетелей и потерпевших имеют умозаключения. Ими определяется решение допрашиваемого о целесообразности сообщения ложных сведений, выбор определенной формы ложных показаний (умолчание, искажение действительных или сообщение вымышленных фактов и т. п.) и конкретное содержание сообщаемых данных. При этом умозаключения взаимосвязаны и представляют единую цепь. В связи с этим при исследовании показаний нужно стремиться выяснить соображения, которыми руководствовался лжесвидетель, в частности: по каким мотивам он принял решение о целесообразности дачи ложных показаний, чем он руководствовался, утаивая какие-либо факты или сообщая вымышленные сведения, и т. п.

Не менее важное значение в формировании ложных показаний имеют также волевые процессы, однако не следует их смешивать с мотивами, как побудителями лжи. Как известно, воля — это преднамеренная, целенаправленная психическая активность, связанная с достижением сознательно поставленных целей. Применительно к сообщению на допросах заведомо ложных сведений, как сложном волевом действии, можно выделить в его формировании три этапа: осознание цели, которая преследуется лжесвидетельством; планирование процесса сообщения ложных сведений и, наконец, реализация замысла.

Прежде чем рассмотреть причины и мотивы ложных показаний свидетелей и потерпевших, выделим этапы (стадии) формирования заведомо ложных показаний: 1) восприятие истинного события; 2) его запоминание и осмысливание; 3) осознание цели сообщения ложных сведений и последствий этого акта; 4) переработка воспринятого и создание модели будущего лжесвидетельства; 5) удержание модели ложных показаний в памяти и планирование процесса их сообщения на допросе; 6) воспроизведение ложных показаний на допросе.

Общими причинами лжесвидетельства как противоправного поведения являются предпосылки идеологического и социально-психологического характера. Причины всегда носят социальный характер, так как связаны

с материальными и идеологическими условиями существования человека. При этом нельзя отрицать влияния особенностей психологии конкретного лица на принятие им решения о даче заведомо ложных показаний.

Иногда называют следующие причины лжесвидетельства: 1) связь лжесвидетеля с участвующими в деле лицами; 2) причастность свидетеля к преступлению; 3) воздействие заинтересованных лиц; 4) отношение к органам правосудия; 5) отношение к правоохранительным ценностям.

В данном перечне сомнение вызывает первая из названных причин. Связь лжесвидетеля с участвующими в деле лицами действительно нередко имеет место, причем самая разнообразная, однако свидетели в большинстве случаев дают правдивые показания. Да и сама по себе подобная связь не может порождать преступное деяние, каковым является лжесвидетельство.

Одной из наиболее распространенных причин, порождающих ложные показания свидетелей и потерпевших, является воздействие на них заинтересованных лиц (46,1%). Последние могут воздействовать на свидетелей и потерпевших, прибегая к просьбам, обещаниям, угрозам, подкупу, шантажу и т. п. Подобное воздействие лежит в основе таких мотивов ложных показаний, как боязнь мести, сочувствие или жалость к обвиняемым, их семьям, родителям и т. д.

Так, расследуя дело об ограблении гражданки М., следователь допросил очевидца П., который из окна своей квартиры видел, как совершалось преступление. Свидетель подробно описал внешность двоих преступников и характер действий каждого из них. Более того, в одном из нападавших он узнал проживающего по соседству парня по кличке «Князь». Последний был задержан, а затем опознан потерпевшей. Когда же его предъявили для опознания П., тот отказался от своих показаний. Он утверждал, что ошибся, что ему незнакомы преступники. К тому времени следователю удалось получить от подозреваемого признание о совершении им преступления. На вопрос, видел ли кто-нибудь, как происходило ограбление, тот ответил, что заметил в открытом окне первого этажа соседа П. и пригрозил ему кулаком. Этот же факт он подтвердил и на очной ставке с П. Последний вынужден был рассказать о том, что

после задержания «Князя» к нему на квартиру пришли его отец и брат, которые угрожали П., обещая расправиться с ним и его семьей, если он даст показания против их родственника.

Другой распространенной причиной дачи ложных показаний является личная заинтересованность свидетеля или потерпевшего в исходе дела (10,2%). Особенно эта причина характерна для потерпевших, поскольку они всегда заинтересованы в исходе уголовного дела.

Ложные показания свидетеля или потерпевшего могут быть порождены служебным или иным зависимым положением от обвиняемого или потерпевшего (2,6%). Кроме того, они могут возникнуть в результате недостатков производства расследования.

Для потерпевших причиной ложных показаний может явиться осознание ими своего неправильного поведения, в известной степени спровоцировавшего преступление.

Так, С. подала в следственные органы заявление об изнасиловании ее бывшим одноклассником Р., который был привлечен к уголовной ответственности. Однако в последующем С. изменила свои показания, подтверждала, что Р. ее не насиловал и просила прекратить уголовное дело. Расследованием было объективно утверждено, что Р. действительно изнасиловал С., и он сам дал по делу признательные показания. В последующем потерпевшая вновь стала давать правдивые показания. Изменение их на ложные она объяснила тем, что, обдумав свое поведение, поняла, что сама вела себя легкомысленно.

Даче ложных показаний нередко способствует убежденность допрашиваемого в том, что ложь останется неразоблаченной, а лжесвидетельство — безнаказанным. Благоприятствуют ложным показаниям и личные связи свидетеля и потерпевшего с участвующими в деле лицами. Причем, эти личные связи зачастую оказывают двоякое влияние на содержание показаний: свидетель или потерпевший могут дать ложные, оправдывающие виновного показания и преувеличенные, обвинительного характера, из чувства мести за причинение вреда их близким.

В генезисе лжи важную роль играют эмоции человека: страх, гнев, злорадство, зависть, ревность, трево-

га, надежда, сомнение, отчаяние и пр. Возникновению установки на ложь содействует низкий моральный и культурный уровень человека. При этом особенно отрицательно действует на него чувство страха. Так, одним из наиболее распространенных мотивов дачи ложных показаний свидетелями или потерпевшими является боязнь мести или неблагоприятных последствий (20,5%). Нередко свидетели или потерпевшие лгут из боязни огласки компрометирующих их сведений, когда они стремятся скрыть посторонние интимные связи, увлечение азартными играми, пребывание в нетрезвом состоянии и т. п. (2,6%).

Мотивом дачи ложных показаний свидетелем или потерпевшим может явиться боязнь ответственности. Они боятся порой изменить показания на правдивые, поскольку ранее были предупреждены об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний (5,1%). Потерпевший опасается ответственности, если его действия носили аморальный характер и способствовали совершению преступления.

В некоторых случаях боязнь ответственности за свои действия может побудить лицо сделать ложное заявление о якобы совершенном в отношении его преступлении. Так, в литературе описан случай, когда шофер Ч. подал в орган милиции заявление о нападении на него троих мужчин-пассажиров, которые избили его, связали, заткнули рот и выбросили из машины на снег, предварительно развязав руки. Затем он обнаружил разбитую машину. При осмотре места происшествия на снегу и в машине не было обнаружено следов борьбы или крови. Под давлением улик Ч. рассказал, что он ехал один на большой скорости и, задремав, совершил аварию. Боясь ответственности за поломку автомашины, он выдумал ложную историю о нападении на него.

В ряде случаев ложные показания свидетелей или потерпевших могут вызываться желанием избежать обременительных обязанностей, связанных с участием в процессе (7,7%). В этом случае умалчивают о фактах, свидетелями которых они явились, или преступных посягательствах, которым подверглись. Их поведение объясняется нежеланием терять время, связанное с явкой на неоднократные допросы и иные следственные действия; неудобствами, вызванными отвлечением от

обычных занятий; неизбежными в ходе расследования переживаниями; убежденностью в невозможности раскрыть преступление.

В основе сообщения ложных сведений может лежать отрицательное отношение допрашиваемого к органам правосудия (в частности, если он или его родственники были ранее судимы); недоверие к следователю; круговая порука или иные обычаи преступной среды (7,7%); если свидетель или потерпевший к ней относятся, профессиональная солидарность с обвиняемым или потерпевшим (10,2%); национальные или религиозные пережитки (2,6%).

Мотивами ложных показаний потерпевших могут явиться корыстные побуждения или соображения иной выгоды (10,2%). Руководствуясь этими мотивами, потерпевшие преувеличивают размер материального ущерба, оговаривают невиновного с целью возместить ущерб, когда действительный преступник неизвестен; свидетель или потерпевший дают ложные показания, желая избавиться от обвиняемого, мешающего им в чем-то или, наоборот, сблизиться в дальнейшем с ним.

Как мотив ложных показаний, чувство мести по отношению к подозреваемому (обвиняемому) встречается нечасто (2,6%). Несколько более распространенным мотивом оказалось сочувствие или жалость к обвиняемым, их семьям, родителям (12,8%).

Ложные показания свидетелей и потерпевших могут возникнуть и как следствие психического расстройства допрашиваемого (болезненные мотивы душевнобольных — мифомания, бредовые состояния и пр.), о чем речь пойдет далее.

Бывают ложные показания, когда мотив, лежащий в их основе, выявить нелегко, поскольку он замаскирован и иногда влечет последствия, прямо противоположные тем, которые преследовал лжесвидетель. Однако и такой мотив может быть объяснен. Интересен пример, приводившийся в свое время известным немецким криминалистом Эрихом Анушатом и касающийся процесса Лезурка, занимавшего французские суды 46 лет (с 1796 по 1842 годы). Суть дела такова: разбойники, напав на почтовую карету, ограбили ее и убили почтальона и одного курьера. В последующем был задержан некто Лезурк, в котором спасшиеся пассажиры узнали

одного из разбойников. Друг подозреваемого заявил под присягой, что Лезурк не мог совершить преступления, так как он вместе с ним находился в это время в другом месте. В подтверждение своих слов свидетель сослался на запись в книге ювелира, с которым он в тот день окончил крупное дело. В названной книге действительно была обнаружена запись, но число в ней оказалось поддельным (настоящее было стерто, а поверх него записано иное, соответствующее дате совершения преступления). Свидетель сознался в подделке числа, однако продолжал настаивать на правдивости своих показаний о невиновности Лезурка. Подлог он объяснил боязнью того, что его показаниям могут не поверить, а сфабрикованной записью в книге он надеялся их подкрепить. Однако суд расценил этот факт как подтверждающий виновность Лезурка, который был осужден, а затем казнен. Спустя год, были обнаружены истинные виновники преступления и доказана непричастность к нему Лезурка.

Э. Анушат называет ложные показания, данные свидетелем в этом случае, «непонятными». В то же время, наиболее вероятным мотивом лжесвидетельства в описанном случае, видимо, является один из названных уже нами, а именно — сочувствие или жалость к обвиняемому и его семье.

Разнообразны мотивы дачи ложных показаний несовершеннолетними свидетелями и потерпевшими. Во многом они обусловлены особенностями их психики, уровнем развития и воспитания.

В большинстве своем несовершеннолетние лица сообщают на следствии правдивые сведения. Однако нередки еще и случаи сообщения недостоверных, а иногда и заведомо ложных показаний.

Ребенок и даже подросток обычно непосредственно и искренне выражают свое отношение ко всем фактам, явлениям и лицам, с которыми им приходится сталкиваться. Известный немецкий психолог Эрих Штерн предлагал различать два вида детской лжи. Он писал: «Если дети говорят неправду, то это не всегда значит, что они лгут, т. е. что они хотят сознательно исказить факты, чтобы скрыть что-нибудь или достигнуть какой-нибудь выгоды; они просто отдаются мыслям, окрашенным определенными чувствами, и высказывают их, не

умея точно разграничить правду и вымысел. Сознательная ложь возможна уже в относительно позднем возрасте».

Стремление скрыть правду, солгать обычно возникает у несовершеннолетних как результат неудачно сложившихся обстоятельств. К тому же подростков значительно легче склонить ко лжи, чем взрослых. У них нередко отсутствует сознание ответственности за ложь, и они не всегда отдают себе отчет в ее последствиях.

В педагогической литературе в качестве «корней детской лжи» отмечаются: неправильное поведение старших и пороки воспитания. Замечено, что для ребенка ложь зачастую бывает результатом не злой воли, а ее слабости, близорукого стремления обойти неприятности.

Специалисты в области психологии юношеского возраста, анализируя причины лжи у мальчиков, указывают: «Так как традиционная мужская роль запрещает мальчику испытывать страх... мальчики просто подавляют или утаивают часть своих не соответствующих идеалу «маскулинности» чувств и переживаний, тогда как девочки говорят о них открыто (недаром мальчики имеют более высокие показатели по контрольным шкалам «лжи» и «психологической защиты»)[1].

Говоря о многообразии мотивов лжи у детей и подростков, А. Маркуша отмечает: «Бывает, лгут из лучших намерений, чтобы не огорчать мать. Бывает, скрывают правду из трусости, опасаясь последствий... Врут из ложного понимания чувства товарищества. Уклоняются от истины из-за корыстного расчета, стремясь выгадать... Брешут просто так, по легкомыслию, нечаянно, не задумываясь. Обманывают, приукрашая себя... так хочется казаться лучше!»

Приведенные суждения педагогов и психологов о лжи малолетних и несовершеннолетних, безусловно, распространяются и на тех из них, которые выступают в уголовном процессе в роли свидетелей и потерпевших. Однако необходимо учитывать специфику их процессуального положения, характерные условия судопроизводства и возможную заинтересованность (особенно потерпевших) в исходе дела.

В основном мотивы ложных показаний вызваны лич-

[1] Кон И. С. Психология юношеского возраста. М., 1979, с. 73.

ными побуждениями несовершеннолетнего, а в ряде случаев прямой заинтересованностью в исходе дела. Помимо уже названных причин ложных показаний свидетелей и потерпевших, для несовершеннолетних, в силу особенностей их психики, характерным является внушение. Ему несовершеннолетний может подвергнуться как со стороны лиц, заинтересованных в исходе дела, так и в результате неправильного применения тактических приемов или несоблюдения этических условий допроса.

Внушающему воздействию несовершеннолетний может подвергнуться до восприятия конкретной информации (например, лицо, готовящее преступление, заранее убеждает несовершеннолетнего в существовании или несуществовании каких-либо фактов, явлений); в момент восприятия или после ее восприятия. В зависимости от того, на какой стадии происходит внушающее воздействие, внушение подразделяют на три основных вида: 1) оказанное до восприятия события (предрецептивное внушение); 2) оказанное в процессе восприятия (внушение рецептивное) и 3) направленное на события, воспринятые в прошлом (пострецептивное внушение)[1].

Особо сильное внушающее воздействие может быть оказано на несовершеннолетнего его родителями. Это объясняется как уже отмечавшейся особенностью психики подростков (повышенной внушаемостью), так и социальными причинами (экономической и иной зависимостью от родителей, недостаточной социальной зрелостью и др.).

В нашем исследовании отмечены следующие причины и мотивы дачи несовершеннолетними свидетелями и потерпевшими заведомо ложных показаний: а) влияние родственных чувств, просьб и угроз со стороны взрослых заинтересованных лиц — 10,2%; б) нежелание «выдать» своего товарища или прослыть «ябедой» — 5,1%; в) неправильное понимание подростком чувства товарищеского долга — 5,1%; г) склонность к отстаиванию ранее данных ложных показаний, чтобы не показаться в глазах допрашивающего лгуном — 2,6%.

Помимо этого, ложным показаниям несовершенно-

---

[1] См.: Эминов В. Е., Гаврилова Н. И., Сараль Т. В. Экспериментальные исследования некоторых факторов, влияющих на достоверность свидетельских показаний.— В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 21. М., 1974, с. 137.

летних могут способствовать: боязнь физического наказания со стороны родителей или родственников; повышенная стыдливость (в частности, по половым преступлениям); склонность к фантазированию; стремление прослыть самостоятельным, «взрослым», утвердить себя во мнении окружающих; обостренное самолюбие, стремление любым способом сохранить свой авторитет среди сверстников; повышенная эмоциональность подростка и неуравновешенность его эмоций; пониженная критичность и самокритичность, отсутствие жизненного опыта; склонность к внесению в показания элементов игр и озорства; желание похвастать, показать свою осведомленность и др.

Безотносительно к возрасту допрошенных свидетелей и потерпевших, нами установлено, что ложные показания оказались заранее подготовленными в 89,5% случаев. Причем, в 84,7% — они подготавливались самим допрашиваемым, а в 5,1% — посторонними заинтересованными лицами. В 10,2% случаев умысел на ложь возникал внезапно; в частности, в ходе допроса. Часто свидетели и потерпевшие изменяют показания или дают ложные в судебной стадии процесса[1].

Во второй группе подвергнутых изучению лиц (подозреваемых и обвиняемых) оказалось 1140 человек. Из них 63,2% взрослых, остальные — несовершеннолетние. 79,8% составили мужчины и 20,2% — женщины. По образовательному признаку: 2,6% имели высшее образование, 56,1% — среднее (в том числе специальное), 24,6% — неполное среднее, и 16,7% — малограмотные и неграмотные.

37,7% лиц, чьи показания изучались, состояли в браке, а 62,3% были одинокими. Ранее судимых в этой группе оказалось 48,2%.

По характеру отношений допрошенных с другими подозреваемыми или обвиняемыми, а также с потерпевшими, 34,2% явились родственниками (мужья, жены, отцы, матери, братья, сестры), 24,6% соседями и 12,3% сослуживцами.

В момент события преступления 55,2% обвиняемых (подозреваемых), давших ложные показания, были

[1] См.: Ратинов А. Лжесвидетельство и борьба с ним. — Социалистическая законность, 1974, № 5, с. 31.

в нормальном состоянии, а 44,8% — в состоянии алкогольного опьянения.

55,2% исследуемого контингента лиц дали ложные показания на первичном допросе. 44,8% первоначально давали правдивые показания, а на повторном допросе изменили их на ложные. Интересно отметить, что 21,9% лиц, изменивших показания на ложные, первоначально допрашивались в качестве свидетелей, а не подозреваемых. Очевидно, в этих случаях внезапность допроса и процедура предупреждения об уголовной ответственности не позволили сразу же сформироваться ложным показаниям.

Сообщенные подозреваемыми и обвиняемыми ложные показания были направлены: в 35,1% случаев — на смягчение собственной ответственности; в 18,4% — на уклонение от ответственности (при этом 7,9% лиц, привлеченных к уголовной ответственности, заявили ложное алиби); на преувеличение вины других обвиняемых — 5,2%; на оговор невиновных — 1,8%.

В нашем материале оказалось 73,6% показаний обвиняемых и 26,4% — подозреваемых.

Лица, которым предъявлялось обвинение, в 30,7% случаев официально признали свою вину полностью (тем не менее лгали в деталях); в 17,5% — виновными признались частично и в 25,4% — свою вину не признали.

Конечно, ложные показания обвиняемого исключают чистосердечное раскаяние как смягчающее ответственность обстоятельство, но отказ его от показаний, а также дача заведомо ложных показаний не могут расцениваться как доказательство его вины. Показания обвиняемого должны рассматриваться как средство доказывания и в то же время как одна из возможных форм защиты, осуществляемой самим обвиняемым.

В общих чертах психологический механизм формирования ложных показаний подозреваемых и обвиняемых имеет общую основу с формированием таких же показаний свидетелей и потерпевших. Для потерпевшего и обвиняемого (подозреваемого) общим является их заинтересованность в исходе дела. Однако если заинтересованность потерпевшего чаще всего направлена на возмещение причиненного ущерба, удовлетворение его законных интересов и наказания виновных лиц, то

заинтересованность обвиняемого (подозреваемого), явившаяся наиболее распространенной причиной ложных показаний (36,8%), чаще всего преследует цели: уклонения от ответственности, смягчения ответственности и наказания, сохранения нажитого преступным путем и т. п.

К другим причинам ложных показаний обвиняемых (подозреваемых) относится воздействие на допрашиваемого заинтересованных лиц (других обвиняемых, их родственников, друзей и др.) — 3,5%. По нашим данным, в 1,8% случаев формой воздействия явились просьбы, а в 1,7% — угрозы: служебное или иное зависимое положение обвиняемого (подозреваемого) от соучастника или потерпевшего — 0,9%; недостатки производства расследования или ведения допроса следователем (нарушение служебной этики допрашиваемым или неправильная процессуальная обстановка получения показаний).

Само положение рассматриваемой категории лиц в процессе, когда их обоснованно подозревают или обвиняют в противоправных, а точнее, преступных деяниях, вызывает в их психике специфическое оборонительное состояние, усугубляющееся в ряде случаев чувством стыда за свои действия. Все это способствует возникновению намерения с их стороны дать ложные показания, чтобы облегчить свое положение.

Психолог Н. Д. Левитов, анализируя истоки неискренности чем-либо провинившихся лиц, указывает в их числе «...нежелание показать себя с дурной или смешной стороны... нежелание раскрывать те стороны жизни, которые представляются (правильно или ошибочно) интимными, опасения, что из беседы будут сделаны неблагоприятные выводы, «несимпатичность» лица, проводящего беседу, непонимание целей беседы»[1].

Мотивы дачи ложных показаний обвиняемыми (подозреваемыми) многочисленны и разнообразны. Они выявляются путем предварительного изучения личности допрашиваемого, его отношения к характеру преступления и к реакции общественного мнения на преступление, анализа его поведения на следствии и допросе.

---

[1] См.: Левитов Н. Д. Вопросы психологии характера. М., 1956, с. 179.

Появлению установки на ложь у обвиняемых (подозреваемых) способствуют такие характерные для них психические состояния, вызванные обстановкой привлечения к уголовной ответственности и перспективой уголовного наказания, как стресс и фрустрация. Первое понятие характеризует нервно-психическое перенапряжение обвиняемого (подозреваемого), ухудшающее ориентировку в ситуации расследования и способное вызвать те или иные мотивы ложных показаний. Разоблачение следователем лжи в показаниях, приводящее к неудовлетворению мотивов, которыми руководствовался допрашиваемый, может вызвать дезорганизацию его сознания и деятельности (фрустрацию), вызванную крушением планов. В этом состоянии человек ищет пути и средства разрешения волевого конфликта, стремясь выйти из психотравмирующей ситуации. Как уже отмечалось, происходит борьба мотивов, и следователю необходимо помочь допрашиваемому встать на путь дачи правдивых показаний.

При этом борьба мотивов у обвиняемого (подозреваемого) определяется не только воздействием эмоций человека (гнев, злоба, досада, стыд, тревога, страх, надежда, сомнение, отчаяние и др.), но и воздействием высших нравственных чувств, испытываемых допрашиваемым в связи с собственной моральной оценкой своего поведения и мнением об этом окружающих.

Согласно нашим данным, обвиняемые (подозреваемые), давая ложные показания, руководствовались следующими мотивами: а) стремление избежать ответственности за совершенное преступление — 16,7%; б) стремление смягчить свою ответственность и понести более легкое наказание — 12,3%; в) стремление сохранить нажитое преступным путем—7,9%; г) отрицательное отношение допрашиваемого к органам правосудия или к судебной репрессии (был ранее судим сам, судимы близкие, обычаи преступной среды и пр.) — 3,5%; д) боязнь большой суммы гражданского иска — 2,6%; е) опасение, что признание вины может повредить близким — 2,6%; ж) боязнь ответственности за преступления, совершенные группой лиц, повторно, в отношении несовершеннолетнего или характеризующиеся другими квалифицирующими признаками,— 1,7%; з) чувство мести по отношению к другому обвиняемому или

иному лицу — 1,7%; и) боязнь мести со стороны соучастников, продолжающих отрицать свою виновность, и других заинтересованных лиц — 1,7%; к) отсутствие, по мнению допрашиваемого, достаточных доказательств его вины или уверенность в невозможности раскрыть преступление — 0,9%; л) стыд перед близкими и знакомыми — 0,9%; м) боязнь за свою репутацию (в частности, по должностному преступлению) — 0,9%; н) корыстные побуждения или соображения иной выгоды (например, избавление от уплаты алиментов) — 0,9%.

К иным мотивам лжи могут относиться: боязнь общественного осуждения содеянного: субъективная убежденность в собственной невиновности (в частности, вызванная незнанием правовых норм или правовым нигилизмом); незнание размера угрожающего наказания; недоверие к следователю; национальные или религиозные пережитки; солидарность с соучастниками; нежелание первым дать правдивые показания; болезненные мотивы лиц, страдающих психическими расстройствами.

По нашим материалам, 10,5% из числа обследованных обвиняемых (подозреваемых) оказались рецидивистами. Для этой категории лиц в большей степени, чем для иных, свойственно значительное снижение духовных потребностей, доминирование материальных, нередко низменных потребностей, наличие отрицательных черт характера, таких, как жадность, легкомыслие, отсутствие морально-волевых сдерживающих тормозов.

Обладая определенным преступным стажем и опытом противодействия следствию, они обычно дают ложные показания и проявляют в этом упорство. При этом они руководствуются такими уже названными мотивами, как соблюдение обычаев преступной среды, солидарность с соучастниками, отрицательное отношение к органам правосудия и к судебной репрессии и др.

Специфической для них является боязнь ответственности за преступления, в отношении которых уголовный закон определяет усиленную ответственность в случае их совершения особо опасным рецидивистом как квалифицирующий признак (ст. 89, 90, 91, 93, 102, 108, 109, 117, 144, 145, 146, 147 УК).

Формирование ложных показаний несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых) складывается из тех же элементов, что и показания взрослых. Но в отличие

от последних восприятие подростков, совершивших преступление, происходит с максимальной концентрацией внимания на своих собственных действиях и действиях соучастников. В момент преступления подростки обычно находятся в состоянии возбуждения, усиливающего остроту восприятия и приводящего к прочному запечатлению события в памяти.

В связи с этим построение в уме подростком ложной модели события затруднено, что облегчает разоблачение лжи.

Для того чтобы своевременно выявить и разоблачить ложь, необходимо учитывать такие особенности несовершеннолетних правонарушителей, как склонность к употреблению алкоголя, азартным играм, тунеядство, насилие по отношению к более слабым. Среди сверстников несовершеннолетние правонарушители выделяются низким интеллектуальным уровнем, пренебрежением к созданию материальных и культурных ценностей, ярко выраженными антиобщественными взглядами, извращенными понятиями о товариществе, мужестве, правдивости, честности. Характерно, что для многих из них понятие «честность» имеет содержание иное, чем это принято в обществе. К. Е. Игошев пишет по этому поводу: «Быть честным для них — это «не продать» друга, поддержать его в любом, даже противоправном деянии, а для некоторых, с более стойкими антиобщественными взглядами, это даже «честно украсть», «честно поделить ворованное» и др. Несовершеннолетним правонарушителям присуща также двойственность морали: одна — для общества (как правило, лицемерная), другая — для себя (обычно циничная, индивидуалистическая)»[1]. Однако многое из перечисленного является поверхностным, наносным и нейтрализуется в условиях судопроизводства.

Прежде чем принять решение о даче правдивых или ложных показаний, несовершеннолетний обвиняемый (подозреваемый) переживает сложный психологический процесс. Борьба мотивов и выбор им определенной позиции осложняются всевозможными колебаниями, чувством неопределенности, страхом перед наказанием.

[1] См.: Игошев К. Е. Опыт социально-психологического анализа личности несовершеннолетних правонарушителей. М., 1967, с. 30—31.

Причем характерным для несовершеннолетних обвиняемых является наличие нескольких причин, приводящих к ложным показаниям.

По результатам нашего исследования можно выделить ряд причин и мотивов ложных показаний несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых). Наиболее распространенной причиной явилось воздействие на них заинтересованных лиц, а также влияние родственных чувств — 7,9%. Среди других отмечены: склонность к отстаиванию ранее данных ложных показаний — 4,4%; стремление преувеличить свою роль в содеянном — 1,7%; боязнь физического наказания со стороны родителей или родственников — 0,9%; страх перед взрослыми соучастниками — 0,9%; готовность солгать ради поддержки авторитета среди сверстников — 0,9%; нежелание «выдать» своего соучастника или прослыть «ябедой» — 0,9%.

Помимо этого ложные показания могут быть вызваны или им могут способствовать: пониженная критичность и самокритичность, отсутствие опыта; повышенная внушаемость; склонность к фантазированию; болезненное самолюбие; слепая преданность подстрекателю и сообщникам; наигранный пессимизм и игра роли «потерянной личности», стремление прослыть самостоятельным, взрослым; боязнь, что его поступки станут известны ученикам школы, друзьям, другим авторитетным для подростка лицам; внесение в показания элементов игр и озорства; желание похвастать, показать свою осведомленность и др.

В то время как взрослые, даже сознаваясь в совершении преступления, обычно стараются преуменьшить свою роль в содеянном и отрицают соучастие, несовершеннолетние могут ложно утверждать, что в преступлении участвовали и другие лица, в надежде уменьшить степень своей ответственности и не понимая того, что групповой признак является отягчающим ответственность обстоятельством.

Специфическими разновидностями ложных показаний обвиняемых (подозреваемых) являются оговоры и самооговоры.

Под оговором понимается заведомо ложное показание одного обвиняемого в отношении другого. Подобные показания расцениваются как и другие показания

обвиняемого, отрицающего вину. Однако правовые последствия отличаются. Так, если будет установлено, что обвиняемый ложно оговаривает другое заведомо невиновное лицо, это необходимо расценивать как обстоятельство, отягчающее его ответственность (п. II ст. 39 УК РСФСР).

Случаи оговоров в следственной практике нечасты. В нашем материале их отмечено всего 1,8% случаев. Нужно иметь в виду, что оговор (как и самооговор) возникает чаще всего в обстановке нарушения процессуальных норм, некачественного выполнения следователем своих обязанностей.

Значительную сложность для распознания представляют самооговоры, т. е. заведомо ложные показания обвиняемого (подозреваемого), признающего себя виновным в совершении преступления, к которому он непричастен.

Самооговор, как ложное признание вины, является волевым действием человека, вызванным определенными причинами, опирающимся на конкретные мотивы и преследующим определенные цели.

Ложное признание в совершении преступления может быть вызвано: а) желанием быть осужденным за преступление, менее значительное по сравнению с действительно совершенным. Так, в практике автора имел место следующий случай. Проводилось расследование по 12 эпизодам грабежей и разбойных нападений, совершенных в г. Одессе на протяжении 5 месяцев. Первоначально было взято под стражу пятеро обвиняемых, двое из которых сразу же стали давать признательные показания. Еще четверо соучастников скрылись от следствия, и дело в отношении их было выделено в отдельное производство. Через несколько месяцев по подозрению в причастности к расследуемому преступлению был задержан Ф., принадлежащий к числу товарищей уже арестованных преступников. На первом же допросе Ф. признал свое участие в трех из двенадцати расследуемых эпизодов разбойных нападений. Однако при детализации его показаний выявилось их расхождение во времени, месте, описаниях внешности потерпевших и пр. с показаниями уже признавшихся обвиняемых. Более того, потерпевшие не опознали Ф. как участника нападений, а очные ставки между ним и другими обвиняе-

мыми не устранили противоречий. Дальнейшим ходом расследования была установлена непричастность Ф. к преступлениям, совершенным в г. Одессе, и тщательно скрываемое им алиби (в этот период он проживал у родственницы в г. Кишиневе). Совместно со следственными работниками МВД МССР удалось разоблачить в совершении им в г. Кишиневе убийства с особой жестокостью женщины, находившейся в состоянии беременности. Он был осужден за это преступление и приговорен к исключительной мере наказания. К самооговору Ф. прибег, рассчитывая избежать наказания за более тяжкое преступление;

б) желанием уберечь от уголовной ответственности близких родственников, приятелей. В другом случае из практики автора вину за совершение квартирных краж пытался взять на себя ранее судимый родной брат истинного преступника, рассчитывая тем самым оградить от наказания младшего брата;

в) хвастливостью и тщеславием, стремлением приобрести авторитет в известной среде (у несовершеннолетних, рецидивистов и др.);

г) желанием облегчить свое положение («понравиться» следователю и суду и заслужить какие-либо льготы, смягчить меру пресечения, наказания и т. п.);

д) расчетом обвиняемого или осужденного вернуться в место, где он проживал до ареста, получить свидание с родственниками;

е) намерением осужденного изменить, хотя бы временно, условия своего содержания в местах лишения свободы. С этой целью, например, содержащийся в ИТК заключенный делает заявление администрации о якобы совершенном им ранее неизвестном преступлении, в расчете на то, что его переведут в следственный изолятор или ИВС, в связи с чем изменится режим содержания и питания. Выразив потом желание непосредственно показать место и уточнить обстоятельства совершенного преступления, он получит возможность увидеть нужных ему людей, попытаться совершить побег и пр.;

ж) боязнью расправы со стороны истинных преступников;

з) желанием попасть в места заключения, чтобы избавиться от алкоголизма, наркомании, дурных привычек и наклонностей;

и) стремлением ввести следователя в заблуждение, добившись передачи поверхностно расследованного дела в суд, с тем чтобы в судебном заседании отказаться от признания и избежать ответственности как за вымышленное, так и за истинное преступление;

к) стремлением выгородить соучастников, приняв их вину на себя, имея в виду, что соучастники, продолжив преступную деятельность, окажут материальную помощь осужденному и его семье и будут добиваться его освобождения;

л) желанием отвлечь внимание от розыска действительных преступников;

м) стремлением добиться быстрейшего окончания следствия;

н) признанием в результате подавленного морального состояния обвиняемого, не видящего иного выхода из создавшегося положения;

о) признанием вследствие заблуждения или юридической ошибки. Так, иногда водители при виде жертвы, особенно ребенка, признают себя виновными, хотя на самом деле в их действиях отсутствует состав преступления. Обвиняемые могут считать себя виновными, хотя преступление совершено в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости. Имеют место случаи, когда обвиняемые, тяжело переживая случившееся, признают себя виновными в доведении до самоубийства близкого человека, хотя суицид был вызван иными, не зависящими от обвиняемого причинами, и др.;

п) признанием вследствие неправильного ведения следствия. Самооговор может быть вызван внушением, угрозами, обманом и пр. Его возникновению способствуют незаконные обещания следователя изменить обвиняемому меру пресечения, снизить меру наказания, организовать свидание с близким ему человеком и т. п.

Чтобы избежать возможного внушения, следователю нужно учитывать степень конформности обвиняемого. Конформным является поведение, выражающееся в корректировке суждений человека, его поведения в соответствии с мнением группы лиц, коллектива. Ложные признания могут явиться следствием конформного поведения обвиняемого.

Для самооговора несовершеннолетних типичным являются такие мотивы, как: самооговор в надежде на

замену следователем в связи с признанием избранной меры пресечения более мягкой, на мягкий приговор суда и пр.; самооговор под влиянием заинтересованных лиц в расчете на то, что суд учтет возраст в качестве смягчающего ответственность обстоятельства; самооговор под влиянием неправильных действий следователя.

Оговоры и самооговоры распространены по болезненным мотивам у лиц, страдающих психическими расстройствами. Встречаются случаи, когда следователю приходится допрашивать лиц, о которых ему к моменту допроса не известно, что они страдают психическими болезнями, лишающими их возможность отдавать отчет в своих действиях и руководить своими поступками. В числе допрашиваемых могут оказаться и лица, имеющие отклонения в психике, которые не приводят к невменяемости, но в то же время существенно влияют на достоверность их показаний.

Для того чтобы эффективно бороться с ложью в показаниях психически аномальных лиц, следователю нужно знать природу такой лжи.

Как отмечалось, разновидностью лжи в показаниях как психически больных, так и здоровых лиц являются оговоры и самооговоры. У здоровых они диктуются целевой установкой и реальными мотивами, а у психически больных являются результатом болезненных побуждений.

Оговоры наблюдаются у лиц, страдающих бредом преследования, у лиц с грубым расстройством памяти в виде болезненных измышлений, у истерических особ и психически больных с сутяжным поведением.

В основе самооговора лиц, страдающих психическими расстройствами, лежат болезненные побуждения. Такие допрашиваемые приписывают себе преступления, которые совершены другими лицами или же обвиняют себя в преступлениях, вообще не имевших места, являющихся результатом болезненного фантазирования или постороннего внушения. В частности, случаи самооговора встречаются у олигофренов. Это вызывается у них желанием быть в центре внимания, приобрести известность.

Вариантов проявления в показаниях лживости психически аномальных очень много. Зависят они не только от многообразия бредовых воздействий на личность, но

и от характера психического расстройства, от конституционной предрасположенности (например, истероидности), особенностей центральной нервной системы, воспитания и т. д. Лживость также может быть результатом серьезной психической патологии: нарушений сознания (оглушения, сумеречных, делириозных), нарушений памяти (ретроградных амнезий, псевдореминисценций, конфабуляций), наличия бредовых идей (параноидного бреда, бреда самоуничижения) или бредоподобных фантазий (идей величия, богатства и т. п.).

Лживость рассматриваемых нами лиц может быть также результатом императивных (приказывающих или запрещающих) слуховых галлюцинаций.

Поскольку ложь в показаниях психически неполноценных лиц весьма часто детерминирована бредовыми идеями, представляется необходимым остановиться на их рассмотрении более подробно.

Бред в психиатрии определяется как суждения и умозаключения, имеющие характер убежденности, возникающие на патологической основе и не поддающиеся коррекции. Бредовые идеи возникают при многих психических расстройствах.

Разновидностями психогенного паранойяльного бредообразования является бред ревности, преследования, отношений, сутяжный бред, ипохондрический бред, бред самообвинения и др. Индуцированному бреду также свойствен характер преследования. Люди, страдающие подобными бредовыми идеями, нередко обращаются в органы правосудия с требованием защитить их от посягательств различных лиц, вымышленных или реальных. Страдающий бредом преследования как будто бы правильно наблюдает за поведением кого-либо из окружающих. Однако в силу бредового понимания он истолковывает данный факт искаженно и в трансформированном виде рассказывает об этом.

В тех случаях, когда бред преследования, воздействия, отравления принимает достаточно стройную систему (страдающие психическими аномалиями убеждены, что за ними следят, их преследуют враги и т. п.) и эти болезненные состояния сочетаются с галлюцинациями, имеет место параноидная форма психоза.

При бреде самообвинения и самоуничижения лица обвиняют себя во всевозможных проступках и преступ-

лениях, объявляют себя ничтожными людьми, прибегают к самооговорам. Подобные бредовые идеи характерны для депрессивной фазы циркулярного психоза, для начального этапа церебрального атеросклероза, для инволюционных и климактерических психозов.

В следственной практике можно встретиться с «бредом двойника» (синдром Кангра). В частности, он выражается в ложном узнавании лиц.

Для пресенильного (предстарческого) психоза характерен инволюционный параноид (в психиатрии это называют бредом «малого размаха»). Это психическое расстройство в начальной стадии не сопровождается глубокими изменениями личности, в связи с чем лицо обычно не признается невменяемым. В клинической картине этого расстройства преобладает бред ущерба. Лица с подобной психической аномалией часто «слышат» разговоры своих «врагов» через стены (вербальные галлюцинации). Они могут активно бороться с ними, писать жалобы в органы расследования, судебные органы и другие учреждения.

Особым расстройством при старческом (сенильном) слабоумии является конфабуляторный бред, сопровождающийся фантастическими измышлениями. К атипической форме старческого слабоумия относятся болезнь Пика, болезнь Альцгеймера и «хорея Гентингтона». Лицам, страдающим последней формой психического расстройства, также свойственны бредовые идеи, галлюцинации. Особенно часто развертывается бред ревности.

Склонны к сообщению ложных сведений и лица, страдающие атеросклеротическими психозами. Так называемый злокачественный вариант атеросклеротической депрессии характеризуется тревогой, бредовыми идеями ущерба, преследования, ипохондрическим бредом.

Характерно, что лица с психическими недостатками, подозреваемые или обвиняемые в совершении преступлений, стремятся умалить свою вину, ссылаясь на то, что их действия были реакцией на неправильные поступки потерпевших или других лиц. При этом ссылки на амнезию — самый распространенный способ их самозащиты. Амнезия — это выпадения воспоминаний о событиях того или иного отрезка времени. В зависимости от того, на какой период они приходятся, различают ретроградную амнезию, когда из памяти выпадают события, предшест-

вующие проверяемому событию или заболеванию, и интероградную, когда из памяти выпадают события отрезка времени после них. У лиц с психическими аномалиями распространены ложные воспоминания, когда ими переносятся события прошлого в настоящее, что искажает истинную картину расследуемого события.

Следует иметь в виду, что психические отклонения временно могут возникнуть и у лиц, ранее не страдавших психическими аномалиями, что также может привести к недостоверности их показаний. Так, при тяжелом течении инфекционных и других соматических болезней могут возникать затяжные психозы без нарушения сознания. Они могут проявляться галлюцинаторно-параноидным состоянием с массивными слуховыми галлюцинациями и иллюзиями, чувством страха, бредом преследования.

Любопытный случай самооговора душевнобольного под влиянием болезненных мотивов приводил Э. Анушат. Какая-то неизвестная личность издевалась над добропорядочным служащим тем, что, как только в городе совершалось убийство или какое-нибудь другое тяжкое преступление, по телефону или анонимным письмом в полицию сообщалось, что именно им совершено преступление. Причем это делалось всегда в такой правдоподобной форме, что, хотя и на короткое время, этому служащему приходилось подвергаться аресту и следствию. Так продолжалось в течение пяти лет, а обнаружить анонимного заявителя никак не удавалось. В конце концов выяснилось, что этот служащий каждый раз сам на себя доносил. Как только ему становилось известно о тяжком преступлении, непреодолимое чувство, причиной которого было скрытое психическое расстройство, вынуждало его прибегать к самооговору, и лишь после того как он подвергался аресту, нервная система его успокаивалась.

Ложь в показаниях несовершеннолетних также может быть вызвана наличием у них психических аномалий. По данным А. И. Селецкого, из общего числа 830 обследованных подростков-правонарушителей (учащихся спецшкол и воспитанников колоний для несовершеннолетних) у 36% были диагностированы различные органические и функциональные заболевания центральной нервной системы, в том числе в трех пятых случаев — психопатии различной степени.

Несовершеннолетние редко сами заявляют о болезненных состояниях. Психические нарушения их довольно трудны для распознавания, поскольку они могут производить впечатление распущенности, озорства, юношеского упрямства и т. п. В ходе допроса таких лиц не следует забывать о их повышенной внушаемости. Несовершеннолетние, к примеру, страдающие умственной отсталостью, часто дают показания в зависимости от тона поставленных вопросов. Тон вопросов, задаваемых следователем, должен быть нейтральным, исключающим какое-либо воздействие на допрашиваемых несовершеннолетних.

Нередко несовершеннолетние обвиняемые, страдающие психическими расстройствами, дают ложные показания, которым их научили родственники или соучастники преступления. Следует учитывать и то, что такие обвиняемые обычно повышенно возбудимы, склонны к вымыслу, лжи. Они могут гиперболизировать версию следователя, выдать ее и свои переживания за действительные обстоятельства происшедшего.

Виды ложных показаний. Проблема борьбы с ложью в показаниях допрашиваемых лиц, установления их достоверности, всегда была актуальной в сфере судопроизводства. В связи с этим ученые в разное время старались определить все возможные виды (формы) лжи, чтобы вооружить допрашивающего приемами ее разоблачения.

Еще в начале века французский психолог К. Мелитан писал: «Лгать — всегда значит ставить на место действительности какой-нибудь предпочтительный для лгущего вымысел и заменять действительно происходившие факты такими, какими их хотелось бы видеть»[1]. Им же предпринята довольно удачная попытка классифицировать виды лжи. Он выделил: 1) опущение (выбрасывание из показаний ряда существенных деталей, важных для установления истины); 2) преувеличение (когда, например, допрашиваемый подозреваемый, говоря о действиях потерпевшего, утверждает, что тот сам повинен в случившемся); 3) приукрашивание (если сообщаемые факты исправляются, подробности отбрасываются и добавляется то, что на пользу допрашиваемому)[2].

[1] См.: Мелитан К. Психология лжи/Пер. с франц. М., 1903, с. 14.

[2] Там же, с. 14—16.

Известный отечественный психопатолог Л. И. Айхенвальд выделил следующие варианты лжи: 1) чистая неправда (бессознательная, вне желания, на почве фантазирования, непостоянства, невыдержанности); 2) чистая ложь (сознательная, патогенная, в связи с патологическим моральным дефектом); 3) фантастическая ложь (более или менее сознательная); 4) патологическая ложь, связанная с болезненной самовнушаемостью[1]. Недостатками данной классификации является прежде всего то, что ложь рассматривается автором как патологическое, болезненное явление человеческой психики, хотя известно, что во многих случаях ко лжи как к своеобразному орудию самообороны и достижения определенленных целей прибегают люди с вполне здоровой психикой. Кроме того, Л. И. Айхенвальд к виду лжи отнес и «бессознательное» сообщение недостоверных сведений, что, как отмечалось, не может отождествляться с ложью.

Попытки классификации лжи предпринимаются не только психологами и юристами, но и представителями иных наук и профессий. Так, коллективом авторов — филологов, историков и журналистов написана книга «Техника дезинформации и обмана»[2], в которой разоблачается лживая сущность буржуазных средств пропаганды. Авторы в числе видов лжи указывают: полуправду и инсинуацию. Полуправда выражается в смешении действительных фактов с клеветой. Инсинуация — это клевета, преднамеренное злостное измышление с целью опорочить кого-либо, злобный вымысел. Но от клеветы инсинуация отличается тем, что выражается в форме намека, завуалированной клеветы.

Авторы отмечают, что выражаться ложь может: и в ложных выводах из истинных фактов и смешении клеветы с правдой, и нарушении временных и логических связей между фактами, представлении их в ложных взаимоотношениях. К полуправде и инсинуации, по мне-

[1] См.: Айхенвальд Л. И. Криминальная психопатология. Л., 1928, с. 50. Этим же автором выделяются следующие «криминально-патологические типы лгунов»: а) фантазер-мечтатель; б) дегенеративный фантазер; в) плут-фантазер: г) патологический плут; д) истинный дегенеративный плут (см. там же, с. 49).

[2] См.: Коллектив авторов. Техника дезинформации и обмана. М., 1978, с. 71—85.

нию авторов, примыкает диффамация, т. е. разглашение порочащих кого-либо сведений, соответствующих истине. В этом случае, прибегающий ко лжи, оперируя реальными фактами, ставит их в такой контекст, в котором они искажаются, а их истинное значение непомерно гипертрофируется[1].

Интересную классификацию приемов сообщения ложных сведений предложил А. А. Шмидт: а) утверждение вымышленных фактов; б) сокрытие действительных фактов; в) отрицание действительных фактов; г) подмена фактов или их извращение[2]. Однако, как правильно отмечают А. Ратинов и Ю. Адамов, в этой классификации автор допустил смешение приемов обработки подлинных фактов (подмена фактов или их извращение) со способами лжи (сокрытие фактов, т. е. умолчание) и речевыми формами реализации ложных сообщений (утверждение одних фактов и отрицание других). В то же время солгать, исказить истину можно двояко: умолчать о ней или сказать неправду, а речевые формы выражения лжи могут быть разнообразны.

Нам представляется оправданной следующая классификация видов лжи в показаниях.

На самом общем уровне ложь различается как: 1) пассивная, заключающаяся в умолчании показаний, и 2) активная, опирающаяся на сообщение заведомо ложных сведений.

Пассивная ложь не менее вредна для целей достижения истины, чем активная. Как известно, В. И. Ленин предлагал усилить наказание за «уклонение от вопроса при известных условиях»[3]. Пассивная ложь бывает: а) полная (т. е. когда умалчивается целый эпизод или факт); б) частичная (когда умалчиваются лишь отдельные детали, что, однако, приводит к искажению события); в) запирательство (утверждения типа: «я ничего не знаю»).

---

[1] См.: Коллектив авторов. Техника дезинформации и обмана. М., 1978, с. 85.

[2] См.: Шмидт А. А. Тактические основы распознавания ложных показаний и изобличения лжесвидетелей: Криминалистическое и криминологическое исследование/Автореф. канд. дис., Свердловск, 1973, с. 8.

[3] См.: Ленин В. И. К проекту декрета. О наказаниях за ложные доносы.— Полн. собр. соч., т. 44, с. 244.

Активная ложь подразделяется на: 1) ложь, целиком состоящую из вымысла; 2) частичную ложь. Первый вид активной лжи встречается в следственной практике относительно редко, ввиду очевидности такой лжи и легкости ее разоблачения. По нашим данным, в показаниях свидетелей и потерпевших ложь, целиком состоящая из вымысла, вообще не встречалась, а у подозреваемых и обвиняемых — в 11,4% случаев.

Частичная ложь наиболее распространена и сложна для распознавания. Нередко ложь касается лишь отдельных обстоятельств, деталей события, которые так или иначе представляют допрашиваемого в невыгодном для него свете. Так, нередко потерпевшие отрицают или искажают факты, свидетельствующие об аморальности своего поведения, пребывании в момент преступного посягательства в нетрезвом состоянии, поступках, спровоцировавших в известной степени событие преступления, и др.

Так, в органы милиции поступило заявление от гр-на Т. об избиении его соседями Д. и П. Судебно-медицинский эксперт установил наличие у Т. легких телесных повреждений, повлекших кратковременное расстройство здоровья. Будучи допрошенным в качестве потерпевшего, Т. показал, что соседи по коммунальной квартире утром беспричинно напали на него в кухне и нанесли побои. Д. и П. не отрицали этого факта, однако пояснили, что их сосед систематически злоупотребляет спиртными напитками и накануне случившегося сам нанес побои своей жене и 15-летней дочери, которые обратились к ним за помощью. На повторном допросе Т. следователь для опровержения ложных показаний использовал помимо показаний Д. и П. акты судебно-медицинского освидетельствования его жены и дочери, а также их показания и данные, характеризующие личность допрашиваемого. Умелое использование имеющихся доказательств позволило получить от Т. правдивые показания.

Частичная ложь подразделяется на: а) полуправду (смешение действительных фактов с ложными), б) инсинуацию (завуалированную ложь) и в) диффамацию (подтасовку фактов, придание им ложного смысла). Такая ложь формируется следующими способами:

а) исключением отдельных элементов события (на-

пример, допрашиваемый, привлекающийся к уголовной ответственности за злостное хулиганство, признает нанесение побоев гражданину, однако отрицает наличие соучастников, нецензурную брань и применение кастета);

б) дополнением события вымышленными элементами (обвиняемый утверждает, что подвергся нападению со стороны потерпевшего);

в) перестановкой отдельных элементов события во времени и в пространстве (обвиняемый выдвигает ложное алиби, утверждая, что в момент совершения преступления он находился в кинотеатре или был в отъезде).

По своему характеру (направленности), как отмечает М. Л. Якуб, ложные показания могут быть: 1) обвинительные; 2) оправдательные; 3) одновременно обвинительные в отношении одних лиц и оправдательные в отношении других; 4) нейтральные, т. е., например, ложные сведения о событии преступления, в действительности не имевшем места, без указания при этом на конкретное якобы виновное лицо[1].

Разновидностями активной лжи являются также: оговор, самооговор и ложное алиби.

Оговор может быть простым (если он содержит обвинение одного лица в одном преступлении) и сложным (когда обвиняются несколько лиц в различных преступлениях.

Самооговор также подразделяется на простой (если он касается самого обвиняемого) и сложный (если он содержит обвинение и других лиц). Кроме того, различаются: полный самооговор (при абсолютной непричастности заявителя к преступлению) и частичный (если причастность к преступлению в какой-то мере существует); реальный (в отношении преступления, действительно кем-то совершенного) и нереальный (в отношении вымышленного преступления). В свою очередь, реальный самооговор может выразиться в самообвинении заявителя в преступлении более тяжком или менее тяжком, чем имело место в действительности.

Ложное алиби может быть заранее подготовленным и не подготовленным. Подготовленное ложное алиби бывает квалифицированным, когда преступник заранее го-

---

[1] См.: Якуб М. Л. Показания свидетелей и потерпевших. М., 1968, с. 49.

товит «доказательства», подкрепляющие алиби (фабрикует документы, подговаривает свидетелей и т. п.), и простым (заранее продуманная, но голословная ссылка на какие-либо обстоятельства, факты).

Критерий подготовленности показаний распространяется в целом на все виды ложных показаний. По этому признаку ложь делится на: а) заранее подготовленную, и б) ситуативную, если желание дать неверные показания возникает внезапно (например, в ходе допроса).

Некоторыми авторами выделяется также понятие неполная ложь. Например, Б. А. Бейлинсон относит к «неполной лжи» ситуацию, когда свидетель-очевидец, устранившийся от возможного предотвращения и пресечения преступления под влиянием страха, малодушия, пытаясь оправдать свое поведение не только перед следователем, но и перед самим собой, вначале сознательно искажает воспринятое событие в выгодном для себя свете, а затем уже подсознательно верит в собственные измышления и выдает их за истину[1].

В этом случае налицо смешение заведомой лжи с заблуждением. Чтобы не повторяться, мы не станем вновь обосновывать различие между этими понятиями. Отметим лишь, применительно к приведенной ситуации, что, когда допрашиваемый сознательно искажает воспринятое, имеет место заведомая ложь, когда же он верит в истинность своих сообщений, речь может идти уже не о лжи, а о заблуждении допрашиваемого.

[1] См.: Бейлинсон Б. А. О тактике допроса свидетеля при расследовании обстоятельств, способствовавших преступлениям против личности и общественного порядка.— В кн.: Совершенствование профилактической деятельности следственного аппарата. Волгоград, 1975, с. 170.

Глава первая

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Тактика допроса — это совокупность основанных на процессуальных нормах рекомендаций, определяющих приемы установления правильных взаимоотношений и психологического контакта следователя с допрашиваемым, оказания ему помощи в восстановлении забытого, методы и приемы правомерного воздействия для получения достоверных показаний, логическая форма и последовательность задаваемых вопросов, способы предъявления доказательств для получения правдивых показаний и т. д. Выбор той или иной тактики допроса определяется особенностями расследуемого дела, процессуальным положением допрашиваемого, избранной им позиции содействия или противодействия установлению истины, объемом доказательств, которыми располагает следствие, условиями производства следственного действия.

Проведение допроса, как и любого другого следственного действия, должно отвечать требованиям законности, этичности и научности.

Под законностью допроса понимается его обоснованность и соответствие процессуальным нормам закона. Законность допроса тесно связана с требованиями объективности, полноты и всесторонности расследования.

Этичность предполагает строгое соблюдение нравственных норм допроса, к которым, в частности, относятся: объективность, принципиальность лица, ведущего допрос, отсутствие с его стороны предвзятости, подчеркнутого недоверия, непримиримое отношение к любым фактам нарушения требований закона, относящихся к допросу, недопустимость постановки наводящих, безнравственных вопросов; постановки вопросов в спокойном тоне и др.

Борьба с ложью облегчается, если при этом соблюдаются нравственные нормы в отношении предупреждения свидетелей и потерпевших об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний; процедуры разъяснения подозреваемому и обвиняемому значения чистосердечного раскаяния и дачи

правдивых показаний, как обстоятельств, смягчающих ответственность; разъяснения обвиняемому истинной сущности и значения изобличающих его доказательств, в частности связанных с экспертными исследованиями, и др.

Требование научности означает соответствие тактических приемов, методов и научно-технических средств, применяемых в ходе допроса, положениям наук советского уголовного процесса, криминалистики, логики, психологии и др., что обеспечивает высокую эффективность и правомерность их использования.

Наиболее удачным представляется нам рассмотрение в рамках данной работы тактических приемов применительно к этапам (стадиям) допроса и ситуациям, в которых происходит следственное действие (бесконфликтной или конфликтной).

Под тактическим приемом обычно понимается наиболее рациональный и эффективный способ действия следователя в определенной ситуации.

Прежде чем дать общую характеристику тактических приемов применительно к этапам допроса и ситуациям, рассмотрим вкратце подготовку к допросу, определяющую во многом успех борьбы с ложными показаниями.

Подготовку к допросу условно можно подразделить на следующие направления: а) криминалистическая подготовка — изучение имеющихся материалов уголовного дела, проведение предшествующих допросу следственных действий, истребование документов, характеристик, подготовка места проведения допроса, формулировка основных вопросов и составление плана; б) специальная подготовка — ознакомление в необходимых случаях со справочной литературой, беседы со специалистами, получение консультаций в научных учреждениях по вопросам, требующим определенных знаний в той или иной отрасли науки и техники; в) психологическая подготовка следователя, т. е. основанный на глубоком изучении имеющихся материалов, специальных вопросов и личности допрашиваемого выбор следователем определенного психологического «фона», обстановки допроса, содержания, последовательности и тона задаваемых вопросов; создание условий для неуклонного соблюдения нравственных норм и правильного использования следователем своих полномочий.

Начальный этап подготовки к допросу — изучение материалов дела. Оно обязательно, особенно когда предполагается, что допрашиваемый сообщит ложные сведения. Некоторые следователи, полагаясь на свою память, не изучают досконально материалы дела, забывают выяснить некоторые важные детали и испытывают затруднения в борьбе с ложью. От полноты и всесторонности изучения личности допрашиваемого, особенностей его психики нередко зависят успех и результативность борьбы с ложью.

Как известно, изучение личности допрашиваемого можно разделить на 2 этапа: 1) до допроса и 2) в ходе производства следственного действия. Изучение личности на первом этапе входит органической частью в процесс подготовки к следственному действию.

Главным в изучении личности допрашиваемого должно быть выявление физического и психического статуса, интеллектуальных особенностей человека, его убеждений, способностей, знаний и т. д.

В изучении личности применяются методы, разработанные логикой, психологией и педагогикой. При биографическом методе знакомятся с биографией допрашиваемого, по возможности с его дневниками, письмами, беседуют со знающими его людьми. Это помогает уяснить процесс формирования личности, его психический и моральный облик. Метод обобщения независимых характеристик заключается в обобщении сведений о допрашиваемом, почерпнутых из различных, независимых друг от друга источников, от разных лиц и коллективов. Метод анализа результатов деятельности допрашиваемого позволяет следователю составить представление о его навыках и способностях, интересах, воле, отношению к учебе и труду. Метод наблюдения состоит в изучении следователем путем личного восприятия проявлений психики допрашиваемого в ходе беседы с ним или допроса. Указанные методы для всестороннего изучения личности должны применяться не обособленно, а в комплексе.

Сведения о личности могут быть почерпнуты и из заключений судебно-психологической и психиатрической экспертиз, из допросов свидетелей и т. д.

Готовясь к допросу лица, не содержащегося под стражей, нужно продумать способ его вызова — повесткой,

телефонограммой, телеграммой или пригласить лично. С целью предупреждения возможного воздействия на допрашиваемого лиц, заинтересованных в исходе дела, и, как следствие этого, ложных показаний, предпочтение нужно отдавать такому способу вызова, который позволит сохранить его в тайне от окружающих. В необходимых случаях следователю целесообразно самому прибыть к месту нахождения интересующего его лица, где и осуществить допрос. Несовершеннолетние лица, не достигшие шестнадцати лет, обычно вызываются через родственников или законных представителей.

Хорошо продуманные вопросы в значительной мере способствуют получению правдивых показаний. Особое внимание следует уделять формулировке вопросов по наиболее важным, сложным и вместе с тем противоречивым, сомнительным данным. Правильная формулировка вопросов довольно часто требует определенных знаний в той или иной отрасли науки, техники, искусства или ремесла. Для этого необходимы ознакомление со специальной литературой, получение консультаций в научно-исследовательских лабораториях, институтах, беседы со специалистами. Все это поможет правильно воспринять существо сообщаемых сведений и разоблачить искажение действительных фактов.

Так, например, готовясь к допросу обвиняемого по делу о нарушении правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта (ст. 211 УК), следователь изучает правила движения, знакомится со справочной литературой по технике вождения автомобиля и обязанностями водителя и пешехода, беседует по возникшим вопросам с работниками ГАИ или опытными водителями, опрашивает эксперта, производящего автотехническую экспертизу.

Перед допросом потерпевшего по делу о нарушении правил безопасности на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах (ст. 216 УК) следователь знакомится с режимом работы предприятия или цеха, изучает установленные для таких производств правила техники безопасности, знакомится с условиями, в которых работал потерпевший, беседует со специалистами и т. д. Заранее следует предусмотреть логическую последовательность вопросов.

Ряд авторов справедливо считают недостатком от-

сутствие законодательной регламентации участия специалиста в допросе. Действительно, при расследовании хищений государственного и общественного имущества, дорожно-транспортных происшествий, нарушений правил техники безопасности, некоторых должностных и других преступлений даже при тщательной подготовке следователя к допросу искаженные ответы допрашиваемого, касающиеся специальных познаний, могут застать его врасплох или ввести в заблуждение. Участие специалиста в этих случаях поможет следователю уяснить сущность ответов допрашиваемого, выявить ложь, а также правильно сформулировать вопросы. Кроме того, специалист поможет следователю полно и объективно зафиксировать показания допрашиваемого.

Важно решить вопрос о применении при допросе научно-технических средств: машинописи, стенографирования, звукозаписи, киносъемки и видеозаписи. Они помогают выявить ложь, позволяют суду непосредственно воспринять процесс дачи показаний, способствуют возникновению так называемого «эффекта присутствия».

К достоинствам звукозаписи следует отнести: высокую точность и полноту фиксации, передающую не только смысловое содержание показаний, но и их интонационные особенности; детальное отображение всего процесса и характера допроса, позволяющее более правильно оценить сообщенные допрашиваемым сведения и объективность ведения допроса следователем; возможность вести допрос целеустремленно, тактически разнообразно; возможность неоднократного прослушивания фонограммы допроса, что является незаменимым средством постоянного самоконтроля, регуляции самого следственного действия, а также воспроизведения записи показаний с целью прослушивания их допрашиваемым, дающим ложные показания, и т. п.

Использованию звукозаписи должна предшествовать серьезная подготовка. Необходимо составление четкого плана допроса, включающего заранее сформулированные основные вопросы. Помещение, в котором предполагается осуществить допрос с использованием звукозаписи, должно быть подготовлено. Нужно позаботиться о соответствующей звукоизоляции, устранении возможных помех. Исходя из предполагаемой продолжительности допроса, необходимо подготовить нужное ко-

личество магнитной ленты, определить место для магнитофона и микрофона, а также допрашиваемого лица.

При применении звукозаписи следователь должен соблюдать ряд необходимых условий. К ним относятся: уведомление участников допроса перед его началом о применении звукозаписи, что, однако, не означает обязательного согласия допрашиваемого на использование звукозаписи; обеспечение возможности различить голос говорящего лица при воспроизведении записи, что достигается произнесением следователем фамилии говорящего перед записью речи; воспроизведение звукозаписи всем участникам допроса после его окончания и запись на пленку всех поступивших вопросов и замечаний; в случае, если используется несколько магнитофонных лент, они должны быть пронумерованы, а при их обрыве и последующем склеивании эти операции должны быть отражены в протоколе; сохранять материалы звукозаписи в отдельных опечатанных пакетах при уголовном деле.

Известны ситуации, когда примение звукозаписи является целесообразным. Однако в целях предупреждения и разоблачения лжи звукозапись наиболее эффективна:

— в случаях, когда существует реальная возможность постороннего воздействия на допрашиваемого с целью изменения им показаний на ложные;

— для фиксации показаний раненых и тяжелобольных. В случае их гибели воспроизведение данных ими показаний лицам, дающим ложные показания, способствовует получению от них достоверных сведений;

— для фиксаций показаний лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений, поскольку они наиболее склонны к изменению правдивых показаний;

— при вероятной возможности неявки допрашиваемого в суд;

— при явке преступника с повинной;

— при использовании в допросе помощи переводчика (звукозапись дает возможность впоследствии контролировать правильность перевода и опровергать ложные утверждения допрашиваемого о том, что его речь неправильно поняли);

— в случаях, когда допрашиваемый подлежит обследованию судебно-психиатрической экспертизой (в част-

ности, при симуляции психического расстройства), так как речь является одним из самых важных проявлений психической деятельности;

— для фиксации показаний малолетних и несовершеннолетних допрашиваемых, чьи речевые особенности трудно передать в протоколе.

Конечно, сама по себе звукозапись не является подтверждением правильности или ложности показаний. Если выводы об этом не подтверждаются иными доказательствами, то применение звукозаписи не поможет. Однако в случае изменения допрашиваемым показаний при наличии не только протокола допроса, но и фонограммы, как правило, содержащей дополнительную информацию, следователю и суду легче оценить эти показания в совокупности с другими доказательствами и решить, какое из объяснений соответствует действительности. Воспроизведение правдивых показаний гораздо эффективнее устного оглашения протокола и является радикальным средством предупреждения и разоблачения лжи.

При использовании звукозаписи допрашиваемый чувствует повышенную ответственность за сообщаемые сведения, острее сознает последствия возможных противоречий в своих показаниях и поэтому нередко избегает ложных сведений. Как средство разоблачения лжи, звукозапись позволяет следователю, например, при сопоставлении магнитофонных записей различных допросов одного и того же лица с особой наглядностью выявить его стремление либо к буквальному повторению прошлых показаний, либо к непрерывному дополнению.

Готовясь к допросу с использованием звукозаписи, следует определить, какой тактический прием целесообразно применить. Эффективны при этом следующие приемы: постановка детализирующих, конкретизирующих и сопоставляющих вопросов; деление темы свободного рассказа; использование внутренних противоречий в показаниях для уличения во лжи и фиксации изменения позиции допрашиваемого. Эффективен также следующий тактический прием, описанный в литературе. В процессе допроса следователь умышленно допускает неточности, искажает действительную картину происшедшего в расчете на то, что допрашиваемый поправит его и сообщит дополнительную информацию. Показания в это вре-

мя фиксируются на магнитной ленте. Фонограмма позволяет опровергнуть ложные заявления допрашиваемого в случае, если он заявит, что дал показания под давлением.

В отдельных случаях весьма эффективно применение киносъемки. Кинолента не только успешно дополняет протокол, но и содержит более широкую информацию, обеспечивает наглядность и непосредственность восприятия обстоятельств и событий.

Особенно важна киносъемка при допросе малолетних и глухонемых. Она позволяет зафиксировать в динамике поведение малолетнего, особенности его речи, а также проконтролировать соблюдение следователем процессуальных гарантий допроса. При допросе глухонемых следователю сложно непосредственно контролировать правильность понимания допрашиваемыми задаваемых им вопросов, так как последние, в связи с присутствием сурдопедагога, дважды меняют свою форму при фиксации показаний — при переводе с языка слов на язык жестов и наоборот. В этом случае киносъемка оказывает неоценимую услугу, фиксируя в динамике жесты, мимику допрашиваемого и весь ход допроса. Учитывая то, что глухонемые по движению губ собеседника, даже без учета жестикуляции и мимики, могут понять содержание разговора, по отснятой киноленте всегда можно перепроверить показания допрашиваемого с помощью другого глухонемого или сурдопедагога и тем самым опровергнуть возможные ложные утверждения допрашиваемого относительно искажения перевода.

Киносъемка может применяться с целью преодоления ложных утверждений допрашиваемого и восстановления в его памяти обстоятельств совершения преступления: демонстрация кадров места происшествия, отдельных следственных действий, планов, схем.

Весьма перспективным является использование в ходе допроса видеозаписи. Обладая всеми достоинствами звукозаписи и киносъемки, она позволяет записать изображение и текст одновременно, а также воспроизвести их как немедленно после записи на допросе, так и спустя продолжительное время.

Видеозапись целесообразно применять в случаях, уже упоминавшихся применительно к звукозаписи и киносъемке. Тактика применения видеозаписи в целях пре-

дупреждения и разоблачения ложных показаний проявляется:

— в предъявлении видеофонограммы допроса при получении показаний от других лиц, отказывающихся от дачи показаний или сообщающих ложные сведения. Особенно продуктивно такое предъявление в случае, если по разным причинам нельзя или нецелесообразно проводить очную ставку между лицами, в показаниях которых возникли существенные противоречия;

— в использовании видеофонограммы для фиксации и последующей демонстрации самому допрашиваемому его эмоционального состояния при сообщении ложных сведений;

— фиксации показаний лиц, в отношении которых имеются обоснованные предположения о возможности отказа их от ранее данных правдивых показаний. В этом случае видеофонограмма является действенным средством борьбы с ложью в показаниях;

— в фиксации показаний, сопровождающихся объяснением каких-либо сложных процессов, а также зарисовкой интересующих следствие объектов или вычерчиванием планов (схем). Видеозапись таких показаний является важным тактическим средством получения правдивых показаний от других лиц и содержит нужную для дела информацию иллюстративного характера.

В поисках истины могут использоваться и диафильмы, диапозитивы, фотоснимки.

Возможен следующий тактический прием использования фотоснимков на допросе. Их наклеивают на таблицы, и по ходу получения показаний следователь или допрашиваемый делает на них пометки (например, о том, кто и где находился в момент совершения преступления). Эти фототаблицы подписываются следователем и допрашиваемым и приобщаются к протоколу допроса, являясь дополнительным источником информации.

Если допрашиваемый обладает навыками черчения или рисования, полезно предложить ему с целью проверки его показаний начертить схему места происшествия, изобразить орудие преступления и т. п. Эти чертежи и рисунки также являются своеобразным и результативным способом фиксации показаний, так как нередко человек затрудняется описать словами обстановку или

предмет, однако без особого труда изображает их на бумаге.

Так, на гр-на Л. было совершено разбойное нападение. Угрожая ножом, преступники отобрали у него значительную сумму денег. На допросе Л. рассказал об обстоятельствах нападения и сообщил, что лезвие ножа было необычной формы, однако описать его словесно не смог. Тогда следователь попросил Л. нарисовать клинок ножа. Тот быстро сделал это — клинок, очертаниями напоминал контуры рыбы, с выступающим спинным плавником. Вскоре при обыске у одного из подозреваемых был обнаружен нож, форма которого соответствовала рисунку. Этот нож был опознан и приобщен к делу в качестве вещественного доказательства.

В ряде случаев в розыскных целях (для установления личности скрывшегося преступника) допрашиваемым свидетелям и потерпевшим предъявляются портреты, составленные по так называемому методу «фоторобот», или с помощью идентификационных комплектов рисунков (ИКР).

Заключительный этап подготовки к допросу — составление плана, который является гибкой, подвижной программой, определяющей наиболее целесообразные и, кроме того, эффективные приемы получения правдивых показаний.

Составление письменного плана (хотя бы самого общего) целесообразно, на наш взгляд, в большинстве случаев. План обычно содержит не только перечисление уже известных обстоятельств, но и их последовательность, данные, на которых базируются вопросы, перечень материалов дела и т. д. Вместе с тем, нет необходимости составлять в каждом случае развернутый план. Он нужен лишь при сложных многоэпизодных делах, а также в тех трудных случаях, когда допрашиваемый склонен ко лжи.

Намеченный план может измениться в ходе допроса. Однако его практическая ценность от этого не снижается. В любом случае он помогает вести наступательную борьбу с ложью. Гибкость, подвижность плана является выражением одного из основных принципов планирования — его динамичности.

Как уже отмечалось, целесообразной представляется классификация тактических приемов в зависимости,

во-первых, от стадии допроса и, во-вторых, от характера ситуации, которую носит допрос[1].

В соответствии с этой классификацией, в подготовительной стадии допроса тактические приемы применяются: для выяснения личности допрашиваемого; установления с ним психологического контакта; определения его отношения к предмету допроса и проходящим по делу лицам; окончательного выбора тактики допроса. Такими приемами могут быть описанные в литературе «беседа», «устранение эмоционального и смыслового барьера», «снятие напряженности», «проявление понимания» и др. Каждый из этих приемов, помимо названных целей, направлен и на предупреждение возможных ложных показаний.

Очень ценным для получения правдивых показаний является психологический контакт.

Психологический контакт — это прочно установившееся в процессе допроса состояние деловой обстановки и доверия допрашиваемого к допрашивающему, включающее готовность первого сообщить все известное ему по делу и готовность следователя эффективно использовать в рамках уголовно-процессуального закона тактические методы и приемы получения и фиксации показаний.

Не существует и не может существовать готовых схем установления психологического контакта со всеми допрашиваемыми. В каждом случае необходимо учитывать индивидуальность личности допрашиваемого.

Немаловажное значение, в частности, для установления контакта с потерпевшим, имеет предупреждение его об уголовной ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Предупреждать его об ответственности нужно не формально, а с учетом личности допрашиваемого, тяжести нанесенного ему преступлением ущерба, его поведения в ходе расследования. Если общение с пострадавшим следователь начнет с подобного предупреждения, не смягчая его сущности соответствующими разъяснениями, появится риск причинения дополнительной психической травмы потерпевшему, что, естественно, не будет способствовать получению от него правдивых показаний.

[1] См.: Порубов Н. И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. Минск, 1973, с. 134—137.

В том же случае, если следователь будет располагать сведениями о нежелании потерпевшего сообщить объективную информацию или поймет это в ходе следственного действия, предупреждение его об ответственности в строгой, официальной форме будет содействовать получению достоверных показаний.

Еще Ганс Гросс в свое время писал: «Свидетель неумелому следователю или ничего не расскажет, либо покажет несущественное или совсем неверное, и тот же свидетель правдиво, точно и подробно покажет тому следователю, который сумеет заглянуть в его душу, понять его и сумеет с ним обойтись»[1].

Установление контакта необходимо прежде всего для того, чтобы допрашиваемый был настроен воспринять вопросы следователя, имел желание и решимость правдиво рассказать о всех обстоятельствах, интересующих следствие. Одним из факторов, формирующих состояние такого контакта между следователем и допрашиваемым, является обстановка допроса. Так, само пребывание лица в помещении, занимаемом следственным органом, должно внушать ему чувство уважения к этому органу, сознание необходимости выполнить свой гражданский долг, полно и правдиво сообщив все сведения, входящие в предмет допроса. Ничто не должно отвлекать и рассеивать внимание, сосредоточенность допрашиваемого и следователя. Всякое отвлечение внимания допрашиваемого может привести к тому, что ход его мыслей будет нарушен и он может забыть или не захочет упомянуть о фактах, имеющих существенное значение для дела. Нарушение же сосредоточенности следователя может привести к тому, что он забудет выяснить некоторые важные обстоятельства.

Такие нарушения этических правил допроса, как предвзятость следователя, откровенное недоверие к показаниям допрашиваемого, не вызванное необходимостью неоднократное предупреждение свидетелей и потерпевшего об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, тенденциозные высказывания и пренебрежительное отношение к допрашиваемому не могут не нанести

---

[1] См.: Гросс Ганс. Руководство для судебных следователей как система криминалистики/Пер. с нем. С.-Пб., 1908, с. 45—46.

вред результатам следственного действия и его воспитательному воздействию. Следователь должен воздерживаться от выражения своего отношения к показаниям допрашиваемого, комментирования их. Надо постоянно иметь в виду, что выражение удовлетворения или разочарования ответом, жесты, мимика, интонация голоса следователя могут оказать внушающее воздействие на допрашиваемого или породить ложь.

Надо, чтобы допрашиваемый на допросе сознавал объективность следователя, его желание полно и внимательно выслушать все ему сообщенное, выявить все обстоятельства, имеющие значение для установления истины по уголовному делу. Следователю уже при первой встрече с допрашиваемым нужно пытаться устранить излишнее психологическое напряжение, чтобы он мог почувствовать себя как можно естественней в ситуации допроса. Следует учитывать, например, что невнимательное отношение следователя к рассказу потерпевшего может создать у последнего убеждение в формальном характере допроса, в отсутствии у следователя какого-либо интереса к его показаниям, ко всему перенесенному им в результате преступления, что может привести к отрицательным для хода следствия результатам.

Недопустимо с целью получения правдивых показаний прибегать ко лжи и обману допрашиваемого, использовать его низменные побуждения, а также невежество и суеверия. В случае сообщения допрашиваемым ложных сведений следователю надо в спокойной форме объяснить ему несостоятельность показаний и, используя имеющиеся в деле доказательства, изобличить его во лжи. Причем делать это необходимо тактично, не унижая достоинства допрашиваемого и без нервозности.

Известны три стороны психологического подхода следователя к допрашиваемому. При совпадении интересов следствия и лица, дающего показания, этот подход направлен на поддержание психологического контакта, на оказание помощи допрашиваемому в воспроизведении истинных событий, интересующих следователя. Если имеет место частичное несовпадение интересов обеих сторон, то психологический подход направлен на разъяснение допрашиваемому ошибочности его позиции. В случае полного несовпадения интересов следствия и допрашиваемого, он будет направлен на разрешение конфликтной

ситуации путем применения различных тактических приемов[1].

В стадии свободного рассказа могут быть применены такие тактические приемы, как «формирование мыслительной задачи», «напоминание», «детализация», «сопоставление» и «пресечение лжи».

После завершения допроса по анкетной части протокола допрашиваемому предлагается сообщить о фактах в той последовательности, в которой происходили события.

Свободный рассказ возможен в следующих видах:

— хронологический, где допрашиваемый последовательно излагает события по времени их возникновения;

— рассказ по эпизодам, когда допрашиваемый не придерживается строгой последовательности развития событий во времени, а детально освещает каждый интересующий следствие эпизод (например, эпизод разбоя, эпизод изнасилования и т. д,);

— рассказ по отдельным периодам. Здесь события получают освещение по определенным периодам времени, обособленным друг от друга, дням недели, датам (например, потерпевший рассказывает, как в определенный день подозреваемый угрожал ему убийством, затем он описывает события дня, в который произошло покушение на убийство);

— рассказ по отдельным местам происшествия (так, свидетель рассказывает о всех событиях, наблюдавшихся им в одном населенном пункте, районе, в определенной квартире, затем в другом месте);

— рассказ по лицам (здесь, к примеру, потерпевший сначала сообщает о всех преступных посягательствах, совершенных в отношении его одним лицом, затем другим и т. д.).

Свободный рассказ может также члениться: по действиям преступника, защитным действиям потерпевшего, ущербу, причиненному преступлением, и т. д.

Приведенная нами классификации свободного рассказа может оказать следователю практическую помощь в определении ориентиров, по которым допрашиваемому лучше строить свое повествование. С целью разоблаче-

---

[1] См.: Доспулов Г. Г. Процессуальные и психологические основы допроса свидетелей и потерпевших на предварительном следствии/Автореф. канд. дис. Алма-Ата, 1968, с. 9.

ния ложных показаний следователь может предложить допрашиваемому прибегнуть к нескольким видам свободного рассказа. Поскольку лжец обычно продумывает свои вымышленные показания в определенной последовательности, нарушение ее нередко позволяет выявить ложь.

Перебивать допрашиваемого во время свободного рассказа замечаниями или вопросами нельзя, так как он может упустить нить повествоваания, сбиться или умышленно утаить важные для дела подробности. Кроме того, известно, что в свободном рассказе допускается меньше ошибок, чем при ответах на вопросы.

После завершения свободного рассказа следователь приступает к очередной стадии допроса — вопросно-ответной. Задаваемые допрашиваемому вопросы должны отвечать следующим требованиям: а) вопрос должен быть конкретным, касающимся какого-либо одного обстоятельства, лаконичным и не допускающим двусмысленного толкования; б) необходимо избегать вопросов, на которые возможен предположительный ответ; в) формулировка вопросов должна полностью исключить возможность извлечения из его содержания информации, необходимой для ответа; г) следует заранее продумать, в какой последовательности будут выясняться вопросы; как правило, один вопрос должен вытекать из другого и иметь ясную логическую структуру; д) вопрос задается в прямой форме и точно, чтобы лицо, отвечающее на него, не терялось в догадках; е) вопросы должны формулироваться с учетом умственного и культурного развития допрашиваемого и уровня его знаний.

К указанным требованиям следует добавить следующие, известные в филологии, требования к вопросам: полнота (отсутствие недоговоренности); чтобы вопрос пробуждал в допрашиваемом инициативу, самостоятельную мысль; не предопределял односложного ответа («да», «нет», «может», «не может», «конечно» и т. п.).

Роль вопросов в получении от допрашиваемого правдивых показаний велика. Качество формулировки вопроса находится в прямой связи с содержанием ответа, что постоянно необходимо учитывать следователю.

На наш взгляд, правильной и целесообразной является следующая классификация вопросов:

I. Вопросы в ходе свободного рассказа:

— побуждающие, т. е. вопросы общего характера, побуждающие допрашиваемого к началу повествования о событиях или фактах, входящих в предмет расследования;

— направляющие, задаваемые с целью возвратить допрашиваемого к основной линии повествования, в случае, если он от нее отклонился.

II. Вопросы, задаваемые на вопросно-ответной стадии допроса:

— дополняющие, т. е. вопросы, направленные на выяснение обстоятельств, не освещенных в ходе свободного рассказа;

— уточняющие, задачей которых является уточнение отдельных фактов или событий, интересующих следствие;

— детализирующие (конкретизирующие), целью которых является детализация сообщаемых сведений, что впоследствии облегчает проверку и оценку;

— контрольные, задаваемые с целью получения сведений, позволяющих путем их выяснения проверить правдивость показаний;

— напоминающие, в задачу которых входит выяснение фактов или событий, по той или иной причине забытых или упущенных допрашиваемым;

— сопоставляющие, содержание которых позволяет устранить противоречия в показаниях допрашиваемого, выполняя своеобразную роль «микроочной ставки». С этой целью ему напоминают сообщенные им же сведения, а затем приводятся выдержки из ранее данных им показаний, из показаний других лиц или иные доказательства, с которыми показания допрашиваемого вступили в противоречие. Затем задается вопрос, в котором предлагается объяснить имеющееся противоречие.

Для целей выявления и разоблачения лжи в показаниях наиболее эффективны детализирующие, контрольные и сопоставляющие вопросы.

Совершенно недопустима постановка следователем наводящих вопросов, т. е. вопросов, содержащих в своей формулировке информацию для ответа, ввиду их большого внушающего воздействия на допрашиваемое лицо.

На вопросно-ответной стадии допроса используются

тактические приемы, которые подразделяются в зависимости от конфликтного или бесконфликтного характера допроса. Если он носит бесконфликтный характер, тактические приемы направлены на получение новых доказательственных фактов и на оказание помощи допрашиваемому для восстановления в памяти забытого. К ним относятся подробный допрос, а также тактические приемы, основанные на оживлении ассоциативных связей по смежности и контрасту («допрос в разных планах», «допрос о фактах, сопутствовавших преступлению», «предъявление допрашиваемому вещественных доказательств, схем, фотоснимков и т. п.»).

В конфликтной ситуации (а она характерна для борьбы с ложными показаниями) целесобразны такие тактические приемы, как: стимулирование положительных качеств допрашиваемого; предъявление доказательств в различной последовательности (с нарастающей доказательственной силой или же вначале наиболее веского доказательства); формирование убеждения у допрашиваемого о наличии у следователя доказательств, изобличающих его во лжи; оставление в неведении об объеме доказательств; подробный допрос с последующим анализом показаний с целью выявления в них противоречий и сведения на нет ложного утверждения допрашиваемого; повторный допрос в иной последовательности; косвенный допрос и многие другие.

Для того чтобы успешно предупреждать и преодолевать ложь в показаниях, следователю необходимо четкое понимание сущности конфликта и умение нейтрализовать его.

Под конфликтом в общепринятом значении понимается столкновение, соперничество противоположных интересов, стремлений. Характеризуя конфликт с психологической стороны, мы различаем его внешнюю и внутреннюю стороны. С внешней стороны конфликт проявляется как противодействие, соперничество двух сторон: следователя и допрашиваемого. С внутренней стороны конфликт представляет собой соотношение различных информационных систем, определенную взаимосвязь субъектов, принимающих, сообщающих и использующих информацию друг о друге.

Соответственно этому, конфликтные ситуации подразделяются на явные и скрытые. В первом случае допра-

шиваемый не скрывает своего антагонизма по отношению к следователю и целям установления истины по уголовному делу; во втором случае направленность его намерений тщательно маскируется.

К факторам, побуждающим возникновение конфликта, относятся:

а) реальная угроза ущемления или неудовлетворения личных интересов субъекта (угроза привлечения допрашиваемого подозреваемого или обвиняемого к уголовной ответственности, избрания ему меры пресечения и т. п.). Сюда же относится и защитная позиция или сопротивление в ответ на действие оппонента (в частности, следователя, противостоящего допрашиваемому в конфликте);

б) ошибочное приписывание следователю необъективной позиции, направленной против допрашиваемого. Возникновению такого заблуждения нередко способствуют тактические ошибки со стороны следователя и его двусмысленные высказывания;

в) психологическая непереносимость (идиосинкразия) оппонентов, основанная на предвзятом отношении к свойствам или поведению человека. Указанные факторы могут существовать изолированно или в различных сочетаниях.

В условиях судопроизводства допустим лишь конфликт с его одним участником — допрашиваемым. Исключение составляет очная ставка, где конфликт (нередко при сознательном допущении следователем) возникает между двумя одновременно допрашиваемыми лицами. Сам же следователь не должен позволять втягивать себя в остроконфликтные отношения.

Момент перехода от состояния готовности к реализации конфликта труднопредсказуем. Он зависит от особенностей личности участников взаимодействия, обстановки допроса и участия в нем третьих лиц, уровня прогнозирования соперником последующих событий и т. д.

Развитие начавшегося конфликта (его реализация) может протекать разными способами:

а) поступательное, логическое («игровое») развитие. Соперничающие стороны как бы поочередно делают ходы, приводящие к наступлению конфликта. При этом поступки конфликтующего допрашиваемого сохраняют связь с ситуацией;

б) бурное, лавинообразное развитие конфликта.

В этом случае поступки конфликтующего допрашиваемого стремительны, прямолинейны. Они резко набирают силу, приобретают неуправляемый характер, теряют связь с вызвавшей их причиной и не соответствуют ей по масштабам. Конфликт быстро достигает максимума, за которым следует спад;

в) взрывное развитие конфликта. Оно приближается по характеру к лавинообразному, но проходит еще острее. Ему свойственно мгновенное достижение максимума, разрушительность.

Любая конфликтная ситуация находит свое логическое завершение. Возможны следующие результаты острых конфликтов: а) полное разрушение, угасание конфликта. Именно к этому результату должен стремиться следователь, формируя обстановку психологического контакта на допросе, побуждая допрашиваемого к отказу от ложных показаний; б) спад конфликта, переход его в хроническое состояние; в) возврат к состоянию готовности к конфликту.

Надвигающийся конфликт легче предотвратить, нежели пресечь. В целях профилактики конфликтных ситуаций на допросах применимы следующие положения:

— соблюдение объективности со стороны следователя по отношению к допрашиваемому и анализируемым материалам дела, а также проявление в допустимых случаях целесообразной уступчивости (например, в приобщении к делу материалов или допросе определенных лиц, на чем настаивает допрашиваемый, в изменении последовательности освещения событий и т. п.);

— ясность доводов и доброжелательность со стороны допрашивающего;

— самообладание следователя и сохранение с допрашиваемым в отношениях необходимой дистанции.

К способам преодоления конфликтных ситуаций можно отнести следующие:

а) благоприятствование свободному развитию конфликта и завершению реакции (так, в случаях, когда конфликт на допросе предотвратить не удалось, при его лавинообразном и взрывном развитии целесообразно дать допрашиваемому выговориться, завершить аффективную вспышку, а затем постановкой вопроса в спокойной форме и демонстрацией в необходимых случаях доказательств убедить его дать правдивые показания);

б) пресечение конфликта (при любой форме его развития, если конфликтная ситуация грозит срывом следственному действию или нарушением нормальной работы учреждению, следователь может, проявляя свои властные полномочия, потребовать, приказать допрашиваемому изменить свое поведение на нормальное или же временно прервать допрос);

в) разъединение конфликтующих (этот способ применим, например, в случае проведения очной ставки и сводится к временной изоляции допрашиваемых друг от друга до восстановления нормальной обстановки);

г) посредничество в конфликте третьего лица (педагога, переводчика, прокурора, руководителя бригады следователей и т. п.). Само присутствие на допросе третьих лиц зачастую затрудняет возникновение конфликтной ситуации.

Преодолевая конфликтную ситуацию, следователю важно не упускать инициативы, показать несостоятельность попыток опорочить объективно проверенные сведения, внимательно наблюдать за реакцией допрашиваемого, его отношением к доказательствам, правильно оценивать эту реакцию, делая для себя тактические выводы.

В стадии фиксации показаний, которая является заключительной стадией допроса, применяются тактические приемы, заключающиеся в постановке уточняющих и контрольных вопросов; в предложении более точно сформулировать мысль, подлежащую занесению в протокол; предоставлении возможности самому допрашиваемому записывать свои показания, лично прочитать протокол, подписать каждую страницу протокола, прослушать фонограмму и т. п.

Тактические приемы применяются не обособленно, а в комплексе, причем один из приемов может переходить в другой, составляя в совокупности единый тактический рисунок. При этом тактический прием может заключаться в совокупности взаимосвязанных следственных действий, направленных на проверку показаний и разоблачение лжи (например, допрос — очная ставка — проверка показаний на месте — следственный эксперимент), так же как и следственное действие может включать в себя целую серию тактических приемов.

В последнее время в литературе все больше внима-

ния уделяется проблеме разработки тактических операций (комбинаций) [1]. Вызвано это, в частности, тем, что одной из важных тенденций развития криминалистики в последний период является разработка тактических положений, касающихся не только отдельных, изолированных действий следователя, но и их комплексов, «блоков», сочетающих несколько следственных действий, оперативно-розыскных и организационно-технических мероприятий, а также несколько взаимосвязанных тактических приемов в рамках одного следственного действия.

Комплексный подход к решению стоящих перед следствием задач позволяет разрабатывать рекомендации, направленные на оптимальное разрешение задач более высокого класса общности, нежели традиционные. Он является, в частности, одной из специфических черт такого важного направления следственной работы, как розыскная деятельность. Деятельность по розыску требует ее предельной алгоритмизации, разработки систем, заранее определенных комплексов действий, обеспечивающих оптимальный вариант решения розыскных задач в условиях острого дефицита времени. Одним из важных следственных действий, позволяющих установить местонахождение разыскиваемого объекта, является допрос. Комплекс тактических приемов, применение которых позволяет преодолеть ложь в показаниях, является эффективным средством розыска виновных лиц и установления истины по делу.

Конечно, тактические операции свойственны не только розыскной деятельности, но и иным направлениям следственной работы. На них базируется, в частности, изучение личности участников процесса; предупредительная деятельность следователя; использование научно-технических средств и специальных знаний в расследовании преступлений, и др.

Итак, тактические операции включают в себя серию действий и мероприятий, определяющихся следственной ситуацией и объединенных единым планом, а также тактических приемов в рамках одного следственного

[1] См., например: Шиканов В. А. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. Иркутск, 1978. с. 107—150; Дулов А. В. Тактические операции при расследовании преступлений. Минск, 1979 и др.

действия. В случае сложной, развернутой структуры тактической операции ее принято называть комбинацией.

Важной проблемой наук криминалистики, уголовного процесса и судебной психологии является установление допустимости тактических приемов допроса, пределов их использования[1].

К критериям допустимости приемов следует отнести их: законность, этичность, целесообразность применения, эффективность результатов и избирательность воздействия. Первые два критерия допустимости рассмотрены нами ранее. Они являются определяющими. В то же время, «в любом случае, исходя из конкретной ситуации, сложившейся по делу, анализируется, какой из тактических приемов наиболее целесообразен, дает ли он необходимый эффект, будучи применен при допросе данного лица, и, наконец, не приведет ли он к самооговору».

Основной спор между учеными — представителями наук криминалистики, уголовного процесса и судебной психологии разгорелся по вопросу правомерности использования тактических приемов, основанных на психологическом воздействии.

Подавляющее число ученых-криминалистов (Р. С. Белкин, А. И. Винберг, Л. М. Карнеева, А. Н. Васильев, А. Р. Ратинов, А. В. Дулов, А. М. Ларин, И. Е. Быховский, А. Б. Соловьев и др.) положительно относятся к использованию на допросах таких приемов, при условии их строгого соответствия требованиям закона, морали и другим критериям допустимости.

Некоторые другие ученые и, прежде всего, М. С. Строгович и И. Ф. Пантелеев, рассматривают психологическое воздействие на допрашиваемых как аморальное и противоправное[2].

Противники использования психологического воздействия на допросе отождествляют его с психологическим

---

[1] Об актуальности проблемы свидетельствует большое количество публикаций по данному вопросу. В марте 1980 г. во ВНИИ МВД СССР был проведен специальный теоретический семинар, посвященный этому вопросу, на котором выступили видные ученые-криминалисты. — См.: Тактические приемы допроса и пределы их использования. М., 1980.

[2] См.: Пантелеев И. Ф. Ошибочные рекомендации в теории уголовного процесса и криминалистики.— «Социалистическая законность», № 7, 1974, с. 54; Проблемы судебной этики/Под ред. М. С. Строговича, М., 1974, с. 167.

насилием, а применение так называемых «следственных хитростей» — с обманом.

Конечно, ни какого-либо рода насилие, ни обман в советском уголовном процессе недопустимы. Они прямо запрещены законом. Так, п. 3 ст. 14 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (п. 3 ст. 20 УПК) запрещает домогаться показаний путем насилия, угроз и других незаконных мер. Под насилием понимается как физическое, так и психическое принуждение. Угрозы, шантаж, провокации, обман, оскорбления, иные действия, унижающие честь и достоинство как самого допрашиваемого, так и близких ему лиц, родственников — всегда неправомерны и должны расцениваться как всякого рода проявления психического насилия.

Однако воздействие — понятие не однозначное. Оно может быть правомерным и неправомерным. Перечисленные нами виды психического насилия безусловно неправомерны. Правомерное психическое воздействие не противоречит закону и этике и всегда направлено на достижение объективной истины по делу. Признаками его является наличие условий для изложения допрашиваемым своих позиций и сохранение им свободы принятия решения.

Характеризуя правомерное воздействие, А. Р. Ратинов убедительно пишет: «Правомерное психическое влияние само по себе не диктует конкретное действие, не вымогает показание того или иного содержания, а, вмешиваясь во внутренние психические процессы, формирует правильную позицию человека, сознательное отношение к своим гражданским обязанностям и лишь опосредствованно приводит его к выбору определенной линии поведения»[1].

Нельзя признать правильной позицию тех авторов, которые считают недопустимым применение на допросе тактических приемов, основанных на правомерном психологическом воздействии и отрицающих реальность конфликтных ситуаций. Известно, что любое общение между людьми немыслимо без воздействия их друг на друга. Один человек воздействует на другого своим авторитетом, аргументацией, даже своим внешним видом. Тем более это неизбежно, да и необходимо, в условиях

[1] См.: Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967, с. 163.

допроса, когда следователь, являясь представителем государства, призванным вести борьбу с преступностью, осуществляет свои функции, реализует властные полномочия и, в соответствии с требованиями закона, оказывает на участников процесса воспитательное воздействие.

Правильно налаженное воздействие предполагает влияние на интеллектуальную, эмоциональную и волевую сферы личности допрашиваемого. Так, применительно к обвиняемому, воздействие на интеллектуальную сферу может выразиться в разъяснении ему вредности и общественной опасности совершенного им преступления, в анализе (вместе с ним) уличающих его доказательств и т. п. Влияние на эмоции проявляется в стимулировании положительных качеств личности, обращении к таким чувствам обвиняемого, как стыд, раскаяние, гордость и др. Воздействие на волевую сферу может заключаться в формировании у обвиняемого решимости дать правдивые показания, изобличить других соучастников, стойко перенести моральные и физические невзгоды, связанные с лишением свободы и публичным судебным процессом, и т. п.

Психологическое воздействие процесс взаимный. Оно оказывается не только следователем на допрашиваемого, но и наоборот. Так, лгущий стремится создать определенный психологический настрой у следователя: убедить в искренности своих показаний, своем раскаянии, в невозможности совершения им преступления по этическим соображениям, в том, что он подвергся жестокому оговору, и т. д.

А может ли процесс расследования носить бесконфликтный характер? В отдельных случаях — да (например, при явке лица, совершившего преступление, в органы следствия с повинной. Да и то, если преступление совершено только этим лицом, т. е. отсутствуют другие соучастники, занимающие в отношении правосудия негативную позицию). В большинстве же случаев вследствие радикальных противоречий в интересах и целях, существующих между лицами, совершившими преступление, и органами, ведущими расследование их деятельности, наличие конфликтной ситуации между ними, хотя бы на отдельных этапах расследования, неизбежно. Тем более эта закономерность свойственна допросам, в случае

сообщения допрашиваемым заведомо ложных сведений.

Отрицание необходимости преодоления конфликтных ситуаций на допросах и целесообразности использования правомерного психологического воздействия на допрашиваемых ничего, кроме вреда, принести не может, поскольку разоружает следователя, парализует наступательность его действий. Нами разделяются очень меткие, хотя и резковатые, слова Р. С. Белкина по этому поводу: «Такое «проповедническое морализирование», разумеется, только тормозит разработку и внедрение в практику обоснованных и законных криминалистических рекомендаций и объективно наносит существенный ущерб делу борьбы с преступностью, разоружая следователей и судей. Ясно, что подлинное взаимодействие криминалистики и этики не может иметь ничего общего с подобным явлением, не способствующим, кстати, и укреплению нравственных начал судопроизводства»[1].

Напротив, следователь должен выступать во всеоружии приемов допроса, разработанных советской криминалистикой и судебной психологией, позволяющих активно воздействовать на допрашиваемого с целью получения от него правдивых показаний. В частности, он должен обладать умением убеждать, разубеждать и переубеждать лгущего допрашиваемого с целью изменения его негативной позиции.

Конечно, мы не сторонники действий следователя, добивающегося любыми путями получения, к примеру, признательных показаний. Не все из рекомендуемых в литературе тактических приемов могут быть признаны допустимыми. В этом отношении мы солидарны с А. Р. Ратиновым, точно охарактеризовавшим наличие в теории двух противоположных позиций, каждую из которых следует признать неверной: «Первая — назовем ее мнимо гуманистической — объявляет недопустимыми любые приемы и средства, направленные на преодоление возможного противодействия заинтересованных лиц. При этом следователь низводится на положение пассивного регистратора событий, а собирание доказательств уподобляется сбору урожая в саду. Вторая — вульгарно-прагматическая — считает приемлемым любой, прямо не запре-

[1] См.: Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. Т. 1. Общая теория советской криминалистики, М., 1977, с. 106—107.

щенный законом, образ действий, направленный на установление истины. При этом благородной целью, по существу, оправдывается раскрытие преступления и изобличие виновного «любой ценой»[1].

Анализ критических замечаний противников психологического воздействия на допросе приводит к выводу, что основные возражения нередко вызывает не содержание тактических приемов, а их значение. Так, негативную реакцию вызвали такие из них, как: «ловушки», «захват врасплох», «создание напряжения», «разжигание конфликта», «дезинформация» и некоторые другие. Действительно, нельзя не признать неудачной реакцию наименования многих из них, в то время как содержание их, как правило, не противоречит нормам допустимости.

В частности, нельзя согласиться с отождествлением с обманом такого важного в тактическом отношении приема, как формирование у допрашиваемого обвиняемого (подозреваемого) ошибочного представления об объеме и характере имеющихся в распоряжении следователя доказательств. Ничего общего с обманом этот прием (а точнее было бы даже его назвать тактическим условием) не имеет и ни в какой мере не противоречит нормам закона. Более того, он отвечает смыслу закона. Так, например, ст. 139 УПК предусматривает недопустимость разглашения данных предварительного следствия. Кроме того, уголовно-процессуальный закон устанавливает такой режим расследования, который не обязывает следователя до окончания расследования и предъявления материалов дела участникам процесса для ознакомления, предоставлять им собранные по делу доказательства. Названные положения закона, по мнению А. Б. Соловьева, служат процессуальной основой для дезориентации правомерными средствами лиц, дающих ложные показания[2].

---

[1] См.: Ратинов А. Р. Тактический прием. Допустимость и оптимальность. — В кн.: Тактические приемы допроса и пределы их использования. М., 1980, с. 6.

[2] См.: Соловьев А. Б. О психологических приемах допроса.— В кн.: Проблемы предварительного следствия в уголовном судопроизводстве, М., 1980, с. 65.— Автор, кроме того, предлагает называть тактические приемы, основанные на правомерном воздействии,— «психологическими приемами допроса» (см. с. 63—64). Это предложение, на наш взгляд, заслуживает внимания.

Рассмотрим те из тактических приемов, основанных на психологическом воздействии на допрашиваемого, возможность использования которых вызвала противоречивые или отрицательные суждения в литературе.

Больше всего критических замечаний пришлось на долю так называемых «следственных хитростей» т.е., по существу, большинства тактических приемов, основанных на психологическом воздействии. К ним в основном относятся приемы, направленные, как уже отмечалось, на выявление виновной осведомленности допрашиваемого, путем создания у него преувеличенного или уменьшенного представления об осведомленности следователя.

Возникает вопрос, вправе ли следователь, являясь ответственным должностным лицом, представителем Советского государства, хитрить? Не вступит ли такое поведение следователя в противоречие с нравственными принципами нашего правосудия? Здесь необходимо обратиться к этимологическому содержанию слова «хитрость». Известно, что оно имеет несколько значений. В одном из них — это изворотливость, следование к цели обманными путями, что, безусловно, неприемлемо для советского уголовного процесса. Во втором значении хитрость обозначает изобретательность, искусность в чем-либо[1]. Такого рода хитрость является важным тактическим средством раскрытия и расследования преступлений, уличения недобросовестного допрашиваемого во лжи. Хитрость всегда была важным оружием в борьбе против происков разведок империалистических государств и внутренней контрреволюции, направленных против Советского государства. В. И. Ленин в статье «Лучше меньше, да лучше» пишет,что для борьбы со злоупотреблениями необходимо «придумывание особых ухищрений», применение «некоторых хитростей, при помощи разведок, направленных иногда на довольно отдаленные источники или довольно кружным путем»[2].

М. С. Строгович, характеризуя «следственную хитрость», пишет: «Нет никаких сомнений в том, что умышленное, намеренное «формирование ошибочного представления» у кого-либо есть обман этого лица, сообщение ему ложных сведений, а не что-либо иное. Но солгать можно

---

[1] См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1953.
[2] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 397.

прямо, словами, а можно это же сделать более сложным способом,— таким образом, что слова и предложения сами по себе ложными не являются, но они так построены и даны в таком контексте, сказаны таким тоном и с такой мимикой, что тот, кому они высказаны, ложь примет за правду, а правду за ложь. А это есть обман, ложь, которая от того, что она подана в особо хитроумной форме, не делается допустимой; наоборот, она приобретает особо нетерпимый, незаконный и аморальный характер»[1].

Таким образом, М. С. Строгович отождествляет понятия «хитрость» и «обман». Однако обман — это сообщение допрашиваемому ложной информации. Правомерная же хитрость ложной информации в себе не содержит. В ее основе лежит не обман допрашиваемого, а расчет на такую оценку им ситуации, которая приведет допрашиваемого к единственно правильному самостоятельному решению — даче правдивых показаний.

Например, Н. И. Порубов приводит пример, когда при расследовании кражи демисезонного пальто из магазина следователь подобрал аналогичное по цвету и фасону и попросил инспектора уголовного розыска внести его в кабинет во время допроса и повесить в шкаф. Увидев пальто в кабинете следователя, подозреваемый стал проявлять признаки волнения. На предложение следователя дать правдивые показания он признал себя виновным в совершении кражи[2].

В данном случае никакого обмана допрашиваемого со стороны следователя допущено не было. Правильно примененный тактический прием из категории «следственных хитростей» привел к формированию у допрашиваемого ошибочного продставления о том, что преступление раскрыто и похищенное пальто обнаружено. Прием этот обладал строго избирательным воздействием: на человека, не виновного в краже, вид принесенного в кабинет следователя пальто не оказал бы никакого воздействия.

В то же время необходимо отметить, что применение такого рода приемов, связанных с демонстрацией какого-либо предмета в расчете на проявление допрашиваемым

---

[1] См.: Проблемы судебной этики. М., 1974, с. 20.
[2] См.: Порубов Н. И. Указ. раб. Минск, 1978, с. 72.

«виновной осведомленности», допустимо лишь при условии, если следователь не ссылается на этот предмет как на доказательство и не приписывает ему вымышленной роли. В противном случае налицо действительно будет иметь место обман допрашиваемого.

Другим тактическим приемом, вызывающим критические замечания из категории «следственных хитростей», является формирование целей, попытка достижения которых поставит допрашиваемого в положение, раскрывающее его причастность к преступлению. Прием этот чаще всего применяется в ходе других следственных действий, в частности обыска. Однако он может иметь место и при допросе лгущего лица. Например, допрашиваемому дают возможность узнать некоторые источники уличающих его доказательств (например, о показаниях конкретного лица), на которые он в последующем пытается оказать воздействие в своих интересах. Этим он выявит свою причастность к событию преступления, что и используется на повторном допросе с целью его изобличения. В целом названное действие точнее называть не приемом, а тактической операцией (комбинацией), поскольку оно представляет собой комплекс действий и приемов. Ничего противозаконного в ее содержании не усматривается.

Вполне допустимым представляется и такой прием, как создание условий для возникновения у обвиняемого (подозреваемого) ошибочного представления о целях отдельных действий следователя. Этот прием вовсе не следует истолковывать, как сокрытие от допрашиваемого факта допроса его в качестве подозреваемого или обвиняемого, что было бы неправомерно. От допрашиваемого следователем утаивается тактическая направленность определенных вопросов и приемов. Допрашиваемый самостоятельно делает ошибочный вывод об истинных целях этих действий следователя и, утратив настороженность, дает правдивые показания.

Таким образом, «следственные хитрости» — это разновидность тактических приемов допроса, отличающихся лишь той спецификой, что цель их, в конечном счете, поставить допрашиваемого в такое положение, когда он скорее всего может проявить свою осведомленность, чему способствуют ассоциации, связанные с событием преступления (Л. М. Карнеева).

С этими приемами не следует смешивать встречающиеся еще в практике случаи провоцирования или обмана допрашиваемых. В литературе описан случай, когда молодой следователь изготовил «прибор», названный им «весами правды». Устройство действительно напоминало весы, употребляющиеся в торговле. Шкала их представляла собой лист картона, разделенный на два сектора с делениями. На одном из них имелось обозначение «ложь», а на другом «правда». На шкале была укреплена стрелка, приводимая в движение ниткой, укрепленной с обратной стороны картона. В ходе допроса следователь имел возможность с помощью нитки незаметно направлять стрелку устройства в нужном ему направлении, объявляя при этом, что допрашиваемый лжет или говорит правду. Называя применение данного устройства «следственной хитростью», следователь утверждал, что оно было эффективно для разоблачения ложных показаний, так как воздействовало на психику допрашиваемого[1].

Автору известен другой случай «инструментальной» борьбы с ложью. Следователь установил в своем кабинете старый, неисправный телевизор. От него он протянул несколько электрических проводов, которыми опутал ножки и спинку одного из стульев. На боковой поверхности стола им была укреплена кнопка от электрического звонка. Приступая к допросу определенной категории лиц (чаще всего подростков или пожилых, малограмотных людей), он усаживал их на этот стул и предупреждал, что любая ложь их будет сразу же выявлена с помощью описанной установки. Выслушав ответ допрашиваемого, следователь нажимал на кнопку и, всматриваясь в экран телевизора, объявлял, говорит ли он правду или лжет. Естественно, в обоих случаях незаконная, основанная на обмане и использовании невежества допрашиваемых, деятельность следователей была пресечена.

К тактическим приемам, тесно примыкающим к «следственным хитростям» и также вызывающим критические замечания со стороны отдельных авторов, относятся: «косвенный допрос», «эмоциональный эксперимент», «допущение легенды» и некоторые другие.

---

[1] См.: Крылов И. Ф. Некоторые аспекты исследования проблемы эффективности криминалистики.— В кн.: Некоторые проблемы криминалистики. Рига, 1978, с. 23—24.

Суть косвенного допроса как тактического приема заключается в том, что следователь, обоснованно предполагая, что допрашиваемый не даст правдивого объяснения по основному, интересующему следствие вопросу, задает ряд других вопросов, которые допрашиваемый расценивает как менее «опасные». В то же время ответы на такие вопросы позволяют следователю получить ответ и на основной вопрос. Поскольку упор при этом делается не на случайную оговорку допрашиваемого, а на проговорку его об обстоятельствах, которые могут быть известны лишь причастному к событию преступления лицу, применение этого приема представляется вполне допустимым.

Неоднозначные мнения высказываются в отношении эмоционального эксперимента. А. В. Дулов пишет об этом приеме: «Это действие является экспериментом по той причине, что следователь специально создает условия, при которых резко изменяется эмоциональное состояние допрашиваемого, часто влекущее за собой и определенные физиологические реакции. Эмоциональным же экспериментом именуется в связи с тем, что цель его — выявление изменений в эмоциональном состоянии, последующий анализ и использование в допросе этого выявленного изменения»[1].

Сами по себе психофизиологические реакции допрашиваемого, проявляющиеся в результате эмоционального эксперимента, конечно, доказательственным значением не обладают, однако позволяют в ряде случаев выявить осведомленность допрашиваемого по интересующему следствие факту и побудить к даче правдивых показаний[2].

Эффективность приема обеспечивается внезапностью оказываемого воздействия.

В качестве примера правомерного использования эмоционального эксперимента в ходе допроса можно сослаться на один из описанных в литературе. Некто М.,

---

[1] См.: Дулов В. А. Судебная психология. Минск, 1975, с. 322—323.

[2] В этой связи мы не разделяем отрицательного отношения к эмоциональному эксперименту С. Г. Любичева, поскольку никто из авторов и не пытается придать реакциям допрашиваемого доказательственное значение. (Любичев С. Г. Этические основы следственной тактики. М., 1980, с. 39—41.)

опасаясь ответственности за ранее совершенные преступления, в ходе расследования скрыл свою действительную фамилию. Следователь, однако, располагал данными о том, что М. на самом деле является разыскиваемым Н., хотя родственники последнего утверждали о том, что он умер и похоронен на сельском кладбище. Об этом же давала показания и его сестра, которая не знала об аресте брата. Решив разоблачить даваемые ею ложные показания, следователь вызвал ее на допрос, договорившись с работниками милиции о том, что в определенное время они проведут М. мимо окон кабинета. В обусловленное время следователь предложил допрашиваемой поглядеть в окно. Узнав брата, она от неожиданности вскрикнула, проявив свое изумление и знакомство с М. После этого допрашиваемая на предложение следователя дала правдивые показания.

«Допущение легенды» выражается в предоставлении допрашиваемому возможности беспрепятственно излагать свои ложные показания. Конечно, с точки зрения предупреждения лжи лучше сразу же акцентировать внимание на выявленных искажениях истины, однако, если допрашиваемый занимает стойкую позицию противодействия следствию, его ложные утверждения целесообразно полностью зафиксировать в протоколе, постепенно изобличая его в последующем по каждому факту.

Завершая краткий обзор тактических приемов, основанных на психологическом воздействии, назовем основные методы психологического воздействия (Н. И. Порубов), каждый из которых базируется на комплексе приемов (тактических операциях, комбинациях):

1. Метод убеждения, представляющий собой сообщение допрашиваемому сведений, с целью воздействия на его эмоции, интеллект и волю, в расчете на сообщение им правдивых сведений.

2. Метод изобличения, заключающийся в передаче допрашиваемому информации, предъявлении ему доказательств и правильном оперировании ими с целью преодоления лжи.

3. Метод правомерного внушения посредством требования, просьбы, предложения, совета и т. п. с целью изменения негативной позиции допрашиваемого.

4. Метод эмоционального эксперимента, включающий в себя приемы воздействия на психологическое состоя-

ние допрашиваемого, с целью выявления его осведомленности по определенным фактам или причастности к событию преступления.

5. Метод примера, акцентирующий внимание на качествах следователя (объективности, справедливости, принципиальности и др.), а также на положительном примере поступков других лиц (например, раскаявшихся соучастников) с целью вызова аналогичного поведения.

В литературе высказано мнение (А. Б. Соловьев) о том, что единственной допустимой формой психологического воздействия при получении показаний является убеждение. Этот метод действительно является в нашем уголовном процессе господствующим. Разъясняя допрашиваемому целесообразность и необходимость сообщения правдивых сведений, следователь формирует у него устойчивую позицию общественно полезного поведения, что в воспитательном отношении значительно эффективнее разоблачения его во лжи. К методу убеждения тесно примыкает метод примера, поскольку положительный пример также убеждает допрашиваемого в необходимости содействия следствию, а также, частично, правомерное внушение (предостережение, совет, просьба).

Однако не всегда можно достичь положительной цели, используя одно убеждение. В случае активного противодействия допрашиваемого следствию, если метод убеждения не оказывает должного воздействия, на смену ему неизбежно приходит правомерное принуждение. Оно может быть реализовано посредством применения методов изобличения, когда, тактически правильно используя доказательственную информацию, следователь вынуждает допрашиваемого дать правдивые показания, и, частично, правомерного внушения (в форме требования, приказа и др.). Мерой процессуального принуждения является предупреждение свидетеля и потерпевшего об ответственности за дачу заведомо ложных показаний. В случае упорного нежелания их дать правдивые показания целесообразно повторять предупреждение об ответственности, с тем чтобы вынудить к отказу от лжи.

Эффективным методом разоблачения ложных показаний является предъявление допрашиваемому доказательств. Время, последовательность предъявления изобличающей информации следует планировать исходя из ее содержания и степени возможного психологическо-

го воздействия. Наиболее распространенными формами оперирования изобличающей информацией являются: оглашение показаний; предъявление вещественных доказательств; ознакомление с документами; предъявление заключений экспертов и др.

Готовясь к использованию доказательственной информации, следователь должен прогнозировать возможные результаты и, прибегая к помощи рефлексии, предусматривать изменения тактического рисунка допроса.

Известны три способа предъявления доказательств допрашиваемому: а) последовательно, что позволяет постепенно наращивать силу их убедительности; б) с предъявлением в первую очередь наиболее веского доказательства; в) предъявление всей совокупности имеющихся доказательств. При допросе лиц, ранее судимых, занимающих стойкую позицию противодействия следствию, доказательства целесообразно предъявлять по мере нарастания их изобличающего значения. Объясняется это необходимостью оставления их в неведении относительно объема доказательств, которыми располагает следователь. Каждое новое, более сильное доказательство, предъявляемое подследственному, заставляет его задуматься о целесообразности дальнейшего запирательства. Постепенно предъявляемые доказательства как бы размывают плотину противодействия допрашиваемого. Предъявление ему сразу наиболее сильного доказательства нерационально, т. к. если оно не преодолеет его установку на ложь, то другие, более слабые доказательства, уже не окажут на него воздействие. Кроме того, подследственный поймет, что следствие не располагает другими доказательствами его вины.

Если следователь допрашивает лицо, впервые привлеченное к уголовной ответственности, болезненно переживающее этот факт, колеблющееся в выборе позиции на допросе, для преодоления его противодействия зачастую достаточно бывает предъявления сразу наиболее веского доказательства.

Предъявление допрашиваемому всей совокупности доказательств, которыми располагает следователь, рекомендуется лишь в отдельных случаях, когда раскрытие объема всего тактического арсенала уже не может повредить результатам расследования (например, цепь улик замкнута, виновный изобличен, а следователь, ис-

пользуя все имеющиеся доказательства, пытается получить от обвиняемого правдивые, признательные показания).

Большое значение для выявления и разоблачения лжи имеет ее диагностика на допросе. Наряду с содержанием показаний, немаловажны способ дачи показаний, реакция на заданные вопросы, задержки в ответах, изменения в голосе и иные психологические факторы, проявляющиеся в поведении допрашиваемого. Психологами, например, отмечено, что при порождении ложного высказывания нарушается его последовательность, а сами нарушения характеризуются появлением пауз в речи.

Внешние проявления психической деятельности человека, тесно связанные с содержанием сообщаемых им сведений, носят в психологии название паралингвизмов. Они, несомненно, имеют значение для правильного избрания тактических приемов допроса, определяют его эффективность, хотя и не обладают доказательственным значением, выполняя ориентирующую функцию.

О значении внешних признаков для уяснения сущности явлений мы встречаем меткое выражение в трудах В. И. Ленина: «...несущественное, кажущееся, поверхностное чаще исчезает, не так «плотно» держится, не так «крепко сидит», как «сущность» ETWA: движение реки — пена сверху и глубокие течения внизу. Но и пена есть выражение сущности!» [1]

Наблюдаемые проявления физического или психического состояния допрашиваемого могут служить для следователя: а) указателем правильности его действий или, напротив, сигналом о необходимости изменить тактику допроса; б) ориентиром для выбора путей установления с допрашиваемым психологического контакта; материалом для изучения психологических и иных особенностей личности допрашиваемого[2].

Итак, наблюдение следователя за психофизиологическими реакциями допрашиваемого представляет безусловную пользу и никем практически не оспаривается. Однако не все реакции человеческого организма доступны визуальному наблюдению (давление крови, кожно-

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 116.
[2] См.: Белкин Р. С. Собирание, исследование и оценка доказательств. М., 1966, с. 152.

гальваническая реакция, пульс и др.), в то время как они, по признанию психологов, являются «алфавитом внутреннего языка чувств» человека.

Подобные реакции могут быть выявлены с помощью специальных приборов (полиграфов, вариографов, лайдетекторов), нашедших достаточно широкое применение в зарубежной практике. Большинство советских ученых в настоящее время выразили отрицательное отношение к инструментальной диагностике психофизиологических реакций на вопросы допрашиваемого. Возникает парадоксальное положение: с одной стороны следователю рекомендуют визуально наблюдать за признаками волнения допрашиваемого, характером его реакций на вопросы, а с другой — отказывают в более точной, объективной, беспристрастной регистрации тех же и иных проявлений человеческого организма с помощью приборов.

Анализ мнений противников использования на допросах полиграфов (М. С. Строговича, И. Ф. Пантелеева, А. М. Ларина, П. С. Элькинда, В. И. Шиканова и др.) позволяет сделать вывод о том, что возражения в основном сводятся к отказу в правомерности использования приборов как средства доказания. И это мнение, действительно, не вызывает сомнений. Поскольку саму по себе ложь (как форму мышления, понятие этическое, правовое и т. п.) прибор зарегистрировать не может, постольку и речь может идти не о доказательственном значении результатов применения прибора, а лишь как о средстве тактическом, позволяющем выдвинуть обоснованное предположение (версию) о ложности или правдивости высказываний допрашиваемого. Перспективно также использование полиграфов в оперативно-розыскной деятельности, особенно в случае применения полиграфов, основанных на бесконтактном принципе действия.

Трудно не согласиться с мнением П. С. Дагеля, Л. Б. Зуся, Р. М. Готлиба, Т. С. Свистуновой и А. Г. Стовповой, которые, критикуя мнение П. С. Элькинда о полиграфе в рецензии на книгу Г. Ф. Горского, Л. Д. Кокорева и П. С. Элькинда «Проблема доказательств в советском уголовном процессе (Воронеж, 1978), пишут: «...а) нельзя говорить о принудительном проникновении в мысли допрашиваемого, так как полиграф регистрирует не мысли, а физиологические реакции; б) непонятно,

почему полиграф превращает допрашиваемого в «беспомощный объект исследования» (кстати, когда обвиняемого направляют принудительно на медицинское освидетельствование, он выступает именно «объектом исследования»); наконец, и требование научности может быть соблюдено, если ставить перед полиграфом посильные для него задачи»[1].

Представляет интерес история создания полиграфа и приборов, аналогичных ему. Родоначальником его смело можно назвать выдающегося советского психолога, ныне покойного, академика А. Р. Лурия.

Еще в 20-е годы он (в то время студент-психолог) заинтересовался отработкой так называемого ассоциативного эксперимента, регистрируя инструментальным путем реакции человека. Приведем выдержки из воспоминаний по этому поводу А. Р. Лурия[2]. Говоря о разработанном им методе «сопряженной моторной пробы» (испытуемый, отвечая на вопросы оператора, нажимал одновременно на рычаг аппарата, вследствии чего возникал электрический сигнал определенной силы, регистрируемый прибором), А. Р. Лурия отмечал, в частности: «Сопряженная моторная проба оказалась полезной еще в одной области — криминалистике. Она позволяла обнаружить следы преступления, оставшиеся в психике испытуемого. Мы исходили из того предположения, что если человек, скажем, совершил убийство и скрывает это, то атрибуты убийства у него непременно аффективно окрашены. Он больше всего боится как бы не выдать себя, и, естественно, все слова, вызывающие у него воспоминания об убийстве, приведут к аффективным комплексам, которые мы умеем улавливать в своих записях.. Нам, естественно, захотелось проверить все это в реальной обстановке. Тогда время было в этом отношении легкое — не требовалось многих лет усилий и подачи бесконечных заявле-

[1] См.: Дагель П. С., Зусь Л. Б., Готлиб Р. М., Свистунова Т. В., Стовпова А. Г. Фундаментальная работа по теории судебных доказательств. — В кн.: Виктимология и профилактика правонарушений. Сб. научн. тр. Иркутск, 1979, с. 172.

[2] Цит. по материалам заседания (25 марта 1974 г.) Московского отделения общества психологов. Магнитофонная запись доклада действительного члена Академии педагогических наук проф. А. Р. Лурия «Пути раннего развития советской психологии. Двадцатые годы».— В кн.: Левитин К. Мимолетный узор. М., 1978, с. 51—52.

ний в разные инстанции, я просто пошел в московскую прокуратуру, изложил там нашу идею, и довольно скоро была организована лаборатория, нам даже дали помощника — молодого тогда следователя по особо важным делам Льва Шейнина, известного ныне благодаря своим литературным трудам, в которых, кстати, этот период его деятельности, кажется, не воспет.

Нам давали изучить дело об убийстве и привозили подозреваемых еще до допроса. Мы выделяли аффективные слова, которые могли иметь отношение к ситуации преступления,— например, если человек убил кого-нибудь молотком и запрятал труп в кучу угля, то «молоток» и «уголь» были для него словами аффективными. Спрятав их среди нейтральных слов, я мог рассчитывать, что именно на этих двух словах преступник споткнется и даст мне симптомы аффективных реакций.

План наш удался полностью. Из Киева прямо к нам в лабораторию привезли пятерых подозреваемых. Мне говорили, что узнать, кто из них преступник, невозможно, потому что все пятеро испытывают аффекты, раз их арестовали. Это, конечно, было верно, но дело в том, что у одних аффект сконцентрирован в следах преступления, а у других, не замешанных в нем,— нет. И мы прекрасно выявили двух виновных. Правота наша впоследствии подтвердилась. Мы еще несколько раз участвовали в подобной работе и опубликовали результаты этих исследований в журналах «Советское право» и «Научное слово» в 1926 г. Но это были лишь крохи того, что мы сделали, от того периода осталась большущая ненапечатанная рукопись, которую я недавно передал в Институт криминалистики, и там, по-моему, она вызвала интерес. Дело, видите ли, в том, что из этих работ родился детектор лжи. Только американцы, легкомысленно схватив идею, не усвоили ее суть и потому извратили. Поэтому их детектор лжи построен на изучении вегетативных реакций и не использует сопряженную моторную методику, а ведь именно в ней весь фокус! На движении руки выявляются следы аффективных комплексов только в том случае, если движение это сопряжено с речевым ответом. Экспериментально было показано: когда оба эти действия разобщены — раньше отвечает, потом нажимает, или же, наоборот, раньше нажимает, потом отвечает,— то никаких симптомов не возникает.

Нужна сопряженность, чтобы следы аффекта проявились. Американцы этого не учли, и у них детектор вышел намного хуже, чем у нас. Методика наша тогда не пошла, но в последние пять-шесть лет криминалисты вновь заинтересовались ею».

Мы не случайно привели обширную цитату высказываний академика А. Р. Лурия. Психологи ждут от криминалистов не огульного отрицания результатов своих научных исследований в области борьбы с ложью, а сотрудничества, совместных изысканий. Никто не отрицает того факта, что в современном состояни полиграфы еще несовершенны, требуют, быть может, принципиально иного подхода к методике диагностирования реакций человека, однако было бы неправильным полностью отрицать перспективу их использования.

Ссылки на то, что применение полиграфов в буржуазных странах нередко приводит к нарушению законности, а сами они являются нередко инструментами в деле преследования прогрессивных деятелей, конечно, имеют под собой определенную основу. Но может ли это служить препятствием к применению их в тактических целях в процессе расследования и в оперативно-розыскной деятельности? Думается, что нет. Важно ведь то, кто, с какой целью и в каких условиях будет их применять. Уместно вспомнить в этой связи слова В. И. Ленина: «Хорошая или плохая вещь ружье — зависит от того, в чьих руках оно находится»[1]. Сама же по себе техника, как справедливо отмечает Б. Г. Розовский,— «беспартийна, и мы не должны отказываться от ее применения»[2].

Современная методика применения полиграфов в зарубежных, в том числе некоторых социалистических странах (Польша, Чехословакия, Югославия) базируется на измерении и фиксации аппаратом с помощью самописцев на бумажной ленте физиологических (вегетативных) изменений внутреннего состояния человека: дыхания, сердцебиения, потоотделения, напряжения мышц, давления крови, температуры тела, биотоков мозга, электрической проводимости покровов кожи и др., которые

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 364.

[2] См.: Розовский Б. Г. Об использовании технических средств в допросе. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 4, Киев, 1967, с. 143.

являются ответной реакцией организма на внешние раздражители, в частности вопросы. Эта методика, чаще всего, включает в себя две стадии: контрольное испытание, определяющее психофизиологическую реакцию организма на высказываемую явную ложь, и основное испытание, опирающееся на контрольные результаты[1]. Правильно организованное испытание требует постановки вопросов таким образом, чтобы испытуемый, если он не причастен к преступлению, не смог уловить в них обстоятельств, относящихся к преступлению, в то время как человек, его совершивший, или имеющий к нему иную причастность, проявит свою осведомленность.

В пользу разработки условий применения аппаратов, диагностирующих психофизиологические реакции человеческого организма, говорят также следующие доводы. В последние годы в кибернетическом моделировании весьма активно развивается так называемое бионическое направление, то есть путь моделирования интеллекта (воплощение его результатов в реально действующих технических устройствах). При этом непосредственным объектом моделирования являются структуры и процессы в нервной системе человека. Подобные исследования

---

[1] Подробно о методике применения полиграфа см.: Николайчик В. М. США. «Билль о правах» и полицейское расследование. М., 1973, с. 168—176, Ларин А. М. Применение полиграфа в Польше. — В кн.: Виктимология и профилактика правонарушений. Иркутск, 1979, с. 144—152.

Следует заметить, что за рубежом проводится активная работа по совершенствованию полиграфов. Так, проводятся эксперименты с прибором под названием PSE, которому предсказывают большие перспективы. Этот прибор определяет эмоциональное напряжение, которым обычно сопровождается ложь, по голосу. Он используется, в частности, в аэропортах. При оформлении билетов задаются два вопроса. Первый: «Каков номер рейса, которым вы летите?». Поскольку на него всегда дается правдивый, эмоционально нейтральный ответ, его расценивают как эталон для сравнения с ответом на другой вопрос: «Везете ли вы оружие, взрывчатку или другие запрещенные для провоза в самолете предметы?». Затем прибор сравнивает акустические данные обоих ответов, позволяя диагностировать признаки лжи во втором ответе (См.: Пэк Л. А., Яни С. А. Сумерки законности. М., Юридическая литература, 1980, с. 89).

В печати имелись также сообщения о разработке и широкой практике в США «домашнего детектора лжи». С помощью этого прибора на четырех лампочках, фиксирующего отклонения от нормального тона голоса, делаются попытки измерять степень правдивости собеседника.

открывают новые возможности для объективной оценки эмоционального состояния допрашиваемого.

Как уже отмечали, одним из тактических приемов допроса является передача информации для изменения эмоционального состояния допрашиваемого. Его разновидностью является метод эмоционального эксперимента, при котором передача информации осуществляется в специально созданных условиях, обеспечивающих резкое изменение эмоционального состояния допрашиваемого. В то же время правильное применение и использование передачи информации с целью изменения эмоционального состояния возможно лишь в том случае, когда предварительно будут определены границы возбуждения и торможения[1]. Такой критерий может быть установлен только при помощи регистрации психофизиологических показателей (запись биотоков мозга, сердца, кожи, кровяного давления, дыхания, электромагнитного поля сердца и мозга).

Криминалистика всегда уделяет внимание новым, перспективным исследованиям, что естественно для ее развития. Изыскиваются и более рациональные способы борьбы с ложью в показаниях. В этом отношении обнадеживающим представляется изучение криминалистами и психологами воздействия на допрашиваемого в качестве своеобразного эмоционального фона различного рода музыки[2]. Большое влияние звучания музыки на эмоциональную сферу человека, особенно изолированного от общества, а через нее и на ход мыслей и характер его поведения, открывает возможности для использования музыки с целью установления психологического контакта и как тактического приема для получения от допрашиваемого правдивых показаний. Внутренняя установка допрашиваемого на дачу ложных показаний у отдельных лиц в известной степени может нейтрализоваться воздействием любимых ими музыкальных произведений.

---

[1] См.: Дулов А. В. Судебная психология. Минск, 1970, с. 142.

[2] См.: Китаев Н. Н., Ермаков Н. П. О возможности использования музыки при допросе обвиняемого (подозреваемого).— В кн.: Проблемы изучения личности участников уголовного судопроизводства. Свердловск, УР—ГУ, 1980, с. 104—109.

Глава вторая

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗОБЛАЧЕНИЯ ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВА

Рассмотрим тактические особенности разоблачения ложных показаний свидетелей и потерпевших.

Согласно уголовно-процессуальному закону (ст. 161 УПК) допрос потерпевшего производится по тем же правилам, что и допрос свидетеля. И это понятно, поскольку между показаниями свидетелей и потерпевших наблюдается ряд общих черт: те и другие основываются на известных фактических обстоятельствах дела. Как и свидетель, потерпевший в уголовном процессе незаменим. Даже представитель потерпевшего не в состоянии заменить его, поскольку непосредственно не воспринимал преступного события. И свидетель, и потерпевший в своих показаниях часто сообщают сведения, направленные на изобличение преступников. Тот и другой обязаны давать правдивые показания и подлежат уголовной ответственности за отказ и за дачу заведомо ложных показаний (ст. 181, 182 УК). Общие черты есть также в показаниях потерпевшего и обвиняемого. И тот и другой являются самостоятельными субъектами уголовного процесса и наделены широкими правами. Они заинтересованы в исходе дела, что налагает определенный отпечаток на направленность и достоверность их показаний. Показания потерпевшего и обвиняемого — не только источник доказательств, но и средство защиты ими своих интересов. Они вправе заявлять ходатайства, высказывать свои суждения относительно расследуемого преступления.

Однако ни у кого не вызывает сомнения целесообразность и необходимость применения специфических приемов и методов для получения показаний как от потерпевшего, так и от обвиняемого. Специфика процессуального положения потерпевшего все настойчивее выдвигает вопрос об особом подходе к получению его показаний.

Основным отличием показаний потерпевшего от всяких иных является то, что они исходят от лица, которому преступлением причинен вред. Он занимает самостоятельное положение в уголовном процессе, в то время как роль свидетеля в процессе ограничивается лишь

дачей показаний по существу. Права и интересы последнего преступлением непосредственно не затронуты, хотя сам факт его совершения зачастую вызывает в нем чувство справедливого возмущения. Потерпевший защищает свои права и тем самым оказывает содействие органам следствия в раскрытии преступлений и изобличении виновных.

Так, К. проник в ночное время в общежитие техникума и совершил кражу личных вещей и денег у семи учащихся. Возбудив уголовное дело, следователь признал учащихся потерпевшими и допросил их, предварительно разъяснив процессуальные права. В ходе допроса К. признал себя виновным в совершении преступления. После окончания расследования следователь вынес постановление о прекращении уголовного дела и направлении его материалов на рассмотрение комиссии по делам несовершеннолетних. Однако один из потерпевших заявил ходатайство об отмене указанного постановления и сообщил, что К. незадолго перед кражей в общежитии рассказывал о совершении им квартирной кражи. После проведения дополнительного расследования, в ходе которого потерпевший активно разоблачал ложные показания обвиняемого, К. признал себя виновным в совершении еще нескольких преступлений и был осужден к лишению свободы.

Показания потерпевшего как субъекта в процессе принципиально отличаются от показаний свидетеля. Они даются, как уже отмечалось, лицом, наделенным широкими процессуальными правами, вследствие чего являются не только его обязанностью, но и правом, средством защиты своих законных интересов. Давая показания, потерпевший может выйти за пределы вопросов, поставленных следователем, и высказать свое мнение. Это право вытекает из положения потерпевшего как участника уголовного процесса, заинтересованного в восстановлении справедливости. Помимо фактических данных, показания потерпевшего могут содержать объяснения тех или иных фактов, версии и аргументы, а также ходатайства. В любом случае их принимают во внимание и тщательно проверяют. Нередко предположения потерпевшего, подкрепленные результатами следственных действий, приводят к раскрытию преступлений и обнаружению важных доказательств.

Чаще всего потерпевший знает больше, чем свидетель, об обстоятельствах совершения преступления и о личности преступника. Никто более, чем потерпевший, не пострадал от преступления. Все это весьма важно для расследования. Тем не менее, не следует отдавать предпочтения показаниям потерпевшего по сравнению с другими источниками доказательств, поскольку никакие доказательства для суда, прокурора, следователя и лица, ведущего дознание, не имеют заранее установленной силы.

Заинтересованность потерпевшего в исходе дела может играть в уголовном процессе двоякую роль: положительную и отрицательную. Интересы потерпевшего в большинстве случаев полностью совпадают с интересами предварительного следствия. Как органы расследования, так и потерпевший, заинтересованы в наиболее быстром и полном раскрытии преступления, наказании виновного и восстановлении справедливости. В таких случаях он является активным помощником следователя в установлении истины по делу. Однако, вследствии заинтересованности потерпевшего, его показания могут оказаться односторонними, хотя он может искренне считать себя объективным. Он может добросовестно заблуждаться не только из-за заинтересованности в исходе дела, но и по другим причинам. К показаниям потерпевших всегда надо относиться критически.

Применительно к показаниям свидетелей и потерпевших одной из основных задач является предупреждение ложных сведений. Предпочтительность предупреждения лжи ее разоблачению вытекает прежде всего из задачи правового воспитания граждан. В соответствии с нею необходимо добиваться такого внедрения в сознание граждан норм права, чтобы их поведение соответствовало закону, стало внутренней потребностью каждого человека.

А. Ратинов и Ю. Адамов относят к мерам раннего предупреждения лжесвидетельства:

1) Меры воспитательного характера (формирование правосознания граждан, повышение их правовой культуры, воспитание отрицательного отношения к лжесвидетельству).

2) Меры организационного характера (устранение недостатков в правоохранительной деятельности, повы-

шение качества расследования преступлений и, в частности, совершенствование тактики допроса, повышение квалификации следственных работников и др.).

3) Меры законодательного характера (наделение близких родственников обвиняемого правом не давать изобличающие его показания за исключением тех дел, когда установлена ответственность за недоносительство, с сохранением ответственности за лжесвидетельство, если они не воспользовались своим правом отказаться от дачи показаний; закрепление в законе права свидетеля не отвечать на вопросы, чреватые самообвинением; взыскание со свидетеля в случае его неявки без уважительных причин по вызову следователя издержек, связанных с неявкой; введение в закон положений о наказуемости свидетеля не только за дачу заведомо ложных показаний, но и за умышленное сокрытие (умолчание) существенных обстоятельств дела; изменение действующей процедуры предупреждения об ответственности за лжесвидетельство на ритуал торжественного обещания (присяги) говорить правду).

Названные меры раннего предупреждения лжесвидетельства распространяются на показания как свидетелей, так и потерпевших[1].

Меры по предупреждению ложных показаний конкретных свидетелей или потерпевших предпринимаются еще до встречи с ними на допросе. С этой целью еще в процессе подготовки к допросу следователь изучает материалы дела, личность допрашиваемого, продумывает время и способ его вызова, принимает решение об участии в допросе третьих лиц и использовании научно-технических средств, готовит вещественные доказательства и иные материалы, подлежащие предъявлению допрашиваемому, предусматривает конкретные меры, направленные на предупреждение ложных показаний в плане допроса.

Каждый из названных элементов, входящих в процесс подготовки к допросу, имеет важное значение для предотвращения лжи. Тщательное изучение всех собранных материалов по делу, продуманный подбор вещественных и иных доказательств позволяет в ходе допроса

[1] При дальнейшем изложении материала мы под «лжесвидетельством» будем подразумевать заведомо ложные показания как свидетелей, так и потерпевших.

сформировать у допрашиваемого убеждение в том, что преступление обязательно будет раскрыто, а ложь в показаниях — разоблачена.

Сведения о личности допрашиваемого, хотя они в большинстве случаев не имеют значения для расследуемого события, также дают следователю возможность убедить недобросовестного свидетеля или потерпевшего в том, что следователю все известно по делу и ложь бесперспективна.

Так, готовясь к допросу свидетеля С., который, как выяснилось, находится под воздействием обвиняемого и не намерен давать правдивые показания, следователь тщательно изучил его личность. В частности, стало известно, что С. дважды доставлялся в медвытрезвитель и следователь истребовал справки об этом. В начале допроса, после предупреждения свидетеля об ответственности за отказ от дачи и дачу заведомо ложных показаний, следователь спросил у С.: «Злоупотребляете ли вы спиртными напитками?», на что получил ответ: «Не злоупотребляю, пью как все». Вслед за этим следователь предъявил допрашиваемому обе справки из медвытрезвителя, напомнил ему об ответственности за лжесвидетельство и предупредил, что каждая последующая ложь будет также опровергаться с помощью доказательств, а в отношении свидетеля будет в последующем решаться вопрос о привлечении его к уголовной ответственности за лжесвидетельство. Акцентирование следователем внимания на первых же ложных сведениях произвело сильное впечатление на допрашиваемого и заставило его отказаться от намерения дать ложные показания.

Сведения о личности допрашиваемого (о его характере, темпераменте, волевых качествах и т. п.) помогают выявить в его поведении изменения, свидетельствующие о возможной лжи.

Выбор времени допроса и порядок вызова свидетеля или потерпевшего также не безразличны для предотвращения возможной лжи в его показаниях. В ряде случаев следователю целесообразно самому явиться по месту нахождения свидетеля или потерпевшего.

Мерой, направленной на предупреждение ложных показаний, является использование в ходе допроса звукозаписывающей (видеозаписывающей) аппаратуры. Ее

применение оказывает на допрашиваемого серьезное психологическое воздействие, заставляя нередко отказаться от задуманных ложных показаний. Например, в больницу г. Шадринска поступил гр-н Ч. с серьезным ранением. Работникам милиции он сообщил, что подвергся разбойному нападению группы неизвестных ему лиц. Такое же объяснение он дал и следователю, несмотря на предупреждение об ответственности за дачу ложных показаний. Когда же ему было объявлено о предстоящей звукозаписи его показаний, Ч. заявил, что он сам причинил себе ранение на почве ревности. Дальнейшим расследованием этот факт был подтвержден.

Важнейшим тактическим условием предотвращения ложных показаний является установление в ходе допроса атмосферы психологического контакта. Нами уже рассматривались в предыдущей главе приемы установления такого контакта. Здесь же мы считаем целесообразным подчеркнуть еще раз значение для предупреждения лжи этической стороны подхода к допрашиваемому, включая корректность постановки вопросов.

Недопустимо как превращение свидетелей и потерпевших в подозреваемых путем постановки им вопросов, направленных на уличение их в причастности к преступлению, так и допрос подозреваемого по делу лица в качестве свидетеля.

Как уже отмечалось, с тактической и этической сторон для получения правдивых показаний лучше предупредить ложь, нежели прибегать к ее разоблачению. Высказанная и зафиксированная в протоколе ложь создает дополнительные трудности в ее преодолении, поскольку допрашиваемый будет склонен отстаивать ее. Поэтому посредством предъявления доказательств, а также используя методы правомерного психологического воздействия, следователю нужно предотвратить сообщение ложных сведений в самом начале допроса.

Для успешного предотвращения ложных показаний свидетеля или потерпевшего необходимо прежде всего выяснить их мотивы. Если допрашиваемый боится мести со стороны обвиняемого, его родственников или друзей, следователю нужно принять во внимание эти опасения, занести их в протокол и объяснить, что будут предприняты все необходимые меры для обеспечения безопасности допрашиваемого. Если он подвержен чувству жа-

лости к обвиняемому или его семье, целесообразно разъяснить ему сущность и воспитательное значение уголовного наказания по отношению к преступнику, а также напомнить свидетелю или потерпевшему о его гражданском долге содействовать разоблачению виновных лиц. В том же случае, если на объективность показаний влияет корысть или иная личная заинтересованность, следует обратить внимание на антиобщественность позиции допрашиваемого, напомнить ему об уголовной ответственности за дачу ложных показаний.

Если следователь располагает сведениями о том, что свидетель или потерпевший намерены сообщать на допросе ложные сведения, ему целесообразно в самом начале следственного действия дать понять допрашиваемому, что его намерения ясны и приняты во внимание следствием. Интересный пример предотвращения лжи приводит В. И. Смыслов. При расследовании преступной деятельности должностных лиц городского управления рынками следователь, готовясь к допросу свидетеля Чистовой, выяснил, что заместитель начальника управления рынками приглашал ее в свой кабинет и добился от нее обещания не говорить следователю об известных ей фактах злоупотреблений. Изучив личность Чистовой, следователь вызвал ее на допрос и начал выяснять вопросы, не относящиеся к существу дела. Свидетель стала проявлять беспокойство и, видя, что следователь так и не переходит к выяснению обстоятельств преступления, заявила, что она ожидала совершенно других вопросов. Следователь в ответ заметил, что он не рассчитывает получить от нее правдивые показания, так как знает, что она дала обещание одному из преступников скрыть известные ей факты. Чистова смутилась и стала уверять следователя, что она честный человек, после чего дала правдивые показания.

Предотвращению последующего изменения правдивых показаний на ложные способствует также собственноручная запись допрашиваемых своих показаний, вычерчивание им планов, схем, рисунков.

Если ложные показания свидетеля или потерпевшего предотвратить не удалось, возникает задача выявления лжи и ее разоблачения.

Наличие тех или иных симптомов, свидетельствующих о возможной ложности сообщаемых сведений, опре-

деляется сущностью лжи, как формы мышления, что рассматривалось нами во второй главе первого раздела работы.

На основе анализа следственной практики и литературных источников можно выделить ряд наиболее распространенных симптомов лжи:

1. Противоречие высказываний другим собранным по делу доказательствам, а также противоречия внутри самих показаний. Известно, что ложь невозможно продумать во всех деталях. Лгущий обычно старается запомнить наиболее важные на его взгляд обстоятельства, а ряд других подробностей остается неосмысленным. Кроме того, ложь нередко носит цепной характер, то есть одна ложь порождает другую, одно искаженное обстоятельство вынуждает вносить коррективы и в другие, а продумать и запомнить все это практически невозможно. Именно поэтому ложь обычно не выдерживает детализации фактов.

2. Неопределенность, неконкретность сведений, содержащихся в показаниях. Вызвано это тем, что вымышленные, не пережитые допрашиваемым события, находят поверхностное закрепление в памяти лгущего или же вообще не фиксируются ею.

3. Описание событий, фактов (особенно отдаленных по времени) с чрезмерной (стенографической) точностью, что может быть вызвано заучиванием заранее подготовленных показаний.

4. Совпадение в мельчайших деталях показаний нескольких допрашиваемых. Обычно двое или несколько свидетелей, наблюдающих одно и то же событие, обращают внимание на наиболее существенные признаки, детали же ими воспринимаются различные, в зависимости от индивидуальных свойств личности. Совпадение во всех деталях воспринятого события также может свидетельствовать о заученности ложных показаний.

5. Отсутствие в показаниях несущественных подробностей, деталей. Еще родоначальник симптоматологии Леонгардт писал: «Если прошедшее выдумано, не пережито, а искусственно создано, то оно проникнуто одной, служащей данному процессу целью, и во всех своих составных частях указывает на то, что служит этой цели, в нем отсутствуют несущественные добавки и в том числе такие его индивидуальности и особенности, которые в

большей или меньшей степени свойственны каждому пережитому событию».

6. Различное объяснение одних и тех же событий на разных допросах. Лгущий допрашиваемый по прошествии определенного времени забывает некоторые детали своих вымышленных объяснений и на повторных допросах может дать им другое истолкование.

7. Сообщение в показаниях только позитивной в отношении себя информации и отсутствие каких-либо сомнений в трактовке событий. Человек, дающий правдивые показания, не останавливается и перед освещением событий, невыгодно характеризующих его, а также сомнений в объяснении некоторых фактов, что обычно несвойственно лжецу.

8. Настойчивое, неоднократное повторение допрашиваемым по собственной инициативе каких-либо утверждений. Характеризуя этот симптом лжи, Р. С. Белкин приводит восточную пословицу: «Ты сказал мне в первый раз, и я поверил. Ты повторил — и я усомнился. Ты сказал в третий раз — и я понял, что ты лжешь»[1].

9. «Проговорки» в показаниях, т. е. невольное высказывание достоверной информации, что возникает в связи с соперничеством в уме допрашиваемого правдивых и ложных вариантов объяснения события.

10. Наличие в показаниях допрашиваемого выражений, несоответствующих уровню его развития и образования. Данное обстоятельство свидетельствует о заучивании им показаний, подготовленных другим лицом.

11. Бледность эмоционального фона показаний. Реально пережитые события обычно характеризуются определенными эмоциональными проявлениями, что находит отражение и в содержании показаний. Ложные показания зачастую схематичны, безлики, бледны.

12. Неоднократная ссылка допрашиваемого на свою добропорядочность и незаинтересованность. Афиширование этих качеств вызывает сомнение в правдивости показаний.

13. Уклонение от ответа на прямой вопрос, попытки создать впечатление, что вопрос следователя не понят.

14. Сокрытие фактов, которые по сведениям следова-

---

[1] См.: Белкин Р. С. Не преступи черту! Очерки о криминалистике. М., 1979, с. 299.

теля хорошо известны допрашиваемому, или забывчивость относительно событий, значение которых существенно для допрашиваемого.

15. Внешние проявления изменения психической деятельности допрашиваемого как реакции на задаваемые вопросы, предъявление доказательств или использование тактических приемов допроса. Здесь в качестве «улик поведения» может выступать: замешательство, неожиданное смущение, паузы в речи, суетливость, заикание, изменение цвета лица, появление потливости, тремор рук и другие психофизиологические реакции, свидетельствующие о появлении внутреннего душевного волнения, возможно связанного с уличением во лжи.

Приведенный перечень симптомов не является исчерпывающим. Их совокупность или каждый из них конечно не претендуют на доказательственное значение. Носят они ориентирующий характер, позволяя предполагать о возможной даче ложных показаний. Перечисленные признаки характерны не только для допрашиваемых свидетелей и потерпевших, но также для подозреваемых и обвиняемых.

Суждение о ложности сообщаемых сведений следователь делает, основываясь не только на уликах поведения, но и обязательно на анализе всех собранных материалов.

Однако одного выявления лжи в показаниях свидетелей и потерпевших недостаточно. Ее необходимо разоблачить.

С этой целью применяются различные тактические приемы, общая характеристика которых дана нами в предыдущей главе.

Тактические приемы допроса, используемые в целях получения правдивых показаний свидетелей и потерпевших, условно можно подразделить на:

— направленные на получение достоверных показаний от добросовестных допрашиваемых (формирование психологического контакта, оказание помощи в восстановлении забытого);

— направленные на отграничение в показаниях заблуждений от лжи (выяснение объективных и субъективных факторов восприятия, постановка вопросов, возбуждающих эмоциональное состояние допрашиваемого, внезапный переход от выяснения одних фактов к другим);

— направленные на устранение ложных показаний (формирование у допрашиваемого представления о невозможности лгать, детализация сообщаемых им данных, использование противоречий, возникших между показаниями и другими доказательствами или же в самих показаниях, требование повторного изложения всех или определенных фактов, и др.);

— направленные на использование положительных качеств личности свидетеля или потерпевшего в целях предотвращения или пресечения ложных показаний (анализ достижений допрашиваемого в производственной или иной области, использование положительных чувств к членам семьи, упоминание о благородных поступках);

— направленные на изобличение свидетелей и потерпевших, дающих ложные показания (напоминание об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, постановка контрольных и сопоставляющих вопросов, формирование представлений о широкой осведомленности следователя, предъявление доказательств с использованием фактора внезапности и в различной последовательности)[1].

В проведенном нами исследовании выяснялся, в частности, вопрос о том, какие тактические приемы и насколько часто использовались для борьбы с ложными показаниями.

Наиболее часто применялись приемы установления психологического контакта с допрашиваемым: а) дифференцированный выбор места и обстановки допроса (в отсутствие посторонних, в служебном кабинете, по месту работы (учебы), дома и т. п.) — 25,6%; б) избрание формы разъяснения допрашиваемому его правового положения и предупреждения об ответственности за лжесвидетельство — 15,4%; в) устранение смыслового или эмоционального «барьера» — 12,8%.

Акцентирование внимания на первых же ложных сведениях, сообщенных свидетелем или потерпевшим, с целью предупреждения последующих встречалось в 20,5% случаев.

---

[1] Подробиее об этом см.: Шмидт А. А. Тактические осиовы распознавания ложных показаиий и изобличеиия лжесвидетелей/Автореф. каид. дис. Свердловск, 1973, с. 15—16.

Среди тактических приемов, характерных для бесконфликтной ситуации допроса, наиболее распространенным явился такой, как разъяснение допрашиваемому необходимости сообщения правдивых сведений — 41%.

Разнообразную группу составили тактические приемы, применяющиеся в конфликтной ситуации допроса: а) детализация показаний с целью выявления противоречий — 53,8%; б) повторное напоминание свидетелю или потерпевшему об ответственности за лжесвидетельство — 30,8%; в) выяснение контрольных данных, позволяющих проверить сообщаемые сведения, — 20,5%; г) формирование убеждения у допрашиваемого о наличии у следователя доказательств, изобличающих его во лжи,— 38,5%; д) предъявление доказательств в различной последовательности — 54,8% (с нарастающей силой — 36,3%, наиболее веского — 18,5%); е) пресечение лжи — 15,4%; ж) допущение легенды — 7,7%; з) оставление допрашиваемого в неведении об объеме доказательств, которыми располагает следователь, — 5,1%; и) применение звукозаписи (позволяющее не только опровергнуть последующее заявление о неправильности протоколирования показаний, но и оказывающее сдерживающее влияние при появлении установки на отказ от правдивых показаний или их изменение) — 5,1%; к) изложение допрашиваемому вероятного хода событий — 2,6%; л) использование в ходе допроса оперативных и иных данных о прошлом допрашиваемого и его поведении в период, предшествующий вызову на допрос, — 2,6%; м) повторный допрос по тем же вопросам — 2,6%.

Каждый из названных приемов применялся не самостоятельно, а в совокупности с другими.

Конечно, арсенал тактических приемов, которые следователь может использовать в борьбе с ложными показаниями свидетелей и потерпевших, значительно шире.

Вот пример того, как был использован фактор внезапности. Осуществляя расследование спекуляции, следователь допрашивал в качестве свидетеля К. По сведениям, которыми он располагал, свидетель знала о спекулятивных действиях ряда лиц, но на допросе заявила, что они ей вообще незнакомы. Тогда следователь предъявил К. фотоснимки, на которых она была запечатлена в группе с названными лицами. Внезапное уличение во лжи вынудило К. дать правдивые показания.

С целью разоблачения лжи в показаниях можно использовать на вопросно-ответной стадии допроса применение таких тактических приемов, как постановка вопросов в быстром или замедленном темпе. В первом случае, увеличение темпа допроса затрудняет недобросовестному допрашиваемому возможность продумывания ложных ответов и увеличивает его эмоциональное напряжение, облегчающее появление проговорок. Замедленный темп допроса позволяет выявить детально каждый факт, не позволить лгущему допрашиваемому избежать освещения «слабых мест» в своих показаниях.

Определенной спецификой обладает получение правдивых показаний малолетних и несовершеннолетних свидетелей и потерпевших.

Малолетнего, на наш взгляд, следует допрашивать, если уровень его умственного развития, по мнению специалиста-психолога, позволяет воспринять, запомнить и сообщить следователю или суду определенные данные, необходимые для расследования. Следственной практике известны случаи, когда малолетние дошкольного возраста (4—6 лет) давали на допросе показания, имевшие существенное значение для изобличения лгущего преступника.

В практике автора имел место следующий случай. Гр-ка С. подала в прокуратуру заявление с просьбой привлечь ее соседа К. к уголовной ответственности за развратные действия в отношении ее шестилетней дочери. Подозреваемый отрицал свою виновность. Девочка, допрошенная в присутствии матери и специалиста-психолога, подробно рассказала о действиях подозреваемого. Кроме того, она сообщила, что те же действия он совершал с 4-летней Таней. С соблюдением процессуальных требований в домашних условиях следователь получил и от этой девочки показания, уличающие подозреваемого. Здесь же она показала следователю вазочку, подаренную ей «дядей Колей» после того, как он совершал развратные действия. Вазочка впоследствии была опознана близкими и соседями К., как ему принадлежащая, и приобщена к делу в качестве вещественного доказательства. Виновный сознался в развратных действиях. Изобличенный совокупностью доказательств, он был осужден народным судом к лишению свободы.

Готовясь к допросу малолетнего, следователю нужно

иметь в виду, что ребенка горазно легче склонить ко лжи, чем взрослого. Дело в том, что дети не всегда отдают себе отчет в последствиях лжи, не сознают серьезности акта дачи показаний. Мотивы дачи детьми ложных показаний рассматривались нами ранее. Следует учитывать также, что пострадавший от преступления ребенок, как правило, подвергается расспросам родителей, учителей, соседей, которые невольно могут внушить ему свои мысли, суждения, предположения по поводу расследуемого события. В частности, не исключены предположения о приметах преступника, его личности, которые ребенок позже может выдать за свои собственные впечатления. Чтобы избежать этих нежелательных явлений, а также воздействия на ребенка недобросовестных заинтересованных лиц, допрос нужно проводить по времени как можно ближе к моменту совершения преступления.

Важным при подготовке к допросу малолетних и несовершеннолетних является решение вопроса о том, кто из указанных в законе лиц будет присутствовать при допросе (ст. 159 УПК).

Присутствие родителей на допросе иногда помогает следователю установить психологический контакт с допрашиваемым, но в ряде случаев может и помешать этому. Чтобы не допустить ошибки, важно выяснить, каковы взаимоотношения между родителями и ребенком. Последний может бояться, его накажут родители в случае совершения аморальных поступков, будет стесняться или говорить неправду в угоду родителям, если они заинтересованы в искажении или сокрытии истины по делу.

Присутствующий на допросе педагог должен помочь следователю определить особенности психики допрашиваемого малолетнего или несовершеннолетнего, установить с ним психологический контакт и сформулировать адресованнные ему вопросы. Помощь педагога, кроме того, может быть использована и при составлении протокола, в котором следует тщательно фиксировать особенности речи допрашиваемого ребенка или подростка.

Подготовка к такому допросу включает в себя собирание достаточно полной информации о психических и физических качествах несовершеннолетнего, об условиях его жизни, быта, воспитания. Готовясь к допросу, необходимо правильно определить время и место его прове-

дения, избрать способ вызова допрашиваемого к следователю, разработать план допроса, его объем, сформулировать и наметить последовательность вопросов. Важно продумать и то, как создать непринужденную обстановку во время допроса, что будет способствовать получению правдивых показаний.

От способа вызова несовершеннолетнего к следователю во многом зависит успех допроса. В одних случаях его целесообразно вызвать через педагога, воспитателя; в других случаях — через родителей или близких ему лиц; в третьих — без предварительного уведомления явиться самому в детский сад, школу или на квартиру, заранее пригласив лиц, в присутствии которых будет проводиться допрос.

Важнейшим элементом подготовки к допросу несовершеннолетнего является изучение его личности. Оно включает в себя выявление следующего примерного круга вопросов: а) анкетно-биографические сведения о допрашиваемом; б) данные о лицах, воспитывавших подростка, и морально-психологический климат в семье; в) сведения о внешнем окружении подростка, его знакомствах и связях; г) отношение несовершеннолетнего к учебе и труду; д) характер, увлечения и привычки подростка; е) наличие поощрений, взысканий и правонарушений у несовершеннолетнего; ж) физическое и психическое состояние здоровья несовершеннолетнего, способность его правильно воспринимать события и явления и давать о них достоверные показания.

Всестороннее изучение личности несовершеннолетнего способствует эффективности допроса. Убедившись, что следователю известны не только основные, но даже относительно мелкие факты его жизни и деятельности, подросток приходит к выводу о необходимости дать правдивые показания. А то обстоятельство, что следователь выясняет не только отрицательные, но и положительные стороны жизни несовершеннолетнего, красноречивее всего характеризуют объективность следователя и способствуют установлению психологического контакта.

Осуществляя допрос несовершеннолетнего, следователю необходимо обращаться к допрашиваемому в доброжелательном тоне, не теряя однако готовности пресечь в случае необходимости его развязное поведение.

Важным средством предупреждения ложных показа-

ний малолетних и несовершеннолетних свидетелей и потерпевших является проявление доверия к их показаниям и акцент на их важности.

Допрос несовершеннолетнего обычно начинается с общей беседы, переходящей к выяснению вопросов по анкетной части протокола. Беседу может начать педагог, а затем в нее включается и следователь, постепенно переходя после заслушивания свободного рассказа к выяснению интересующих следствие вопросов.

Необходимо иметь в виду, что от малолетних допрашиваемых трудно получить показания в виде свободного рассказа. Они часто не способны связно передать свои впечатления о случившемся и могут рассказать об этом, лишь отвечая на вопросы. Поэтому особое значение приобретает тщательная формулировка задаваемых вопросов. Следует учитывать, что малолетним обычно трудно понять обращенный к ним вопрос, а также сформулировать на него ответ.

При допросе лиц данной категории используются самые различные виды вопросов (за исключением наводящих) в зависимости от целей, которые преследует следователь при выяснении тех или иных обстоятельств.

Признаком, свидетельствующим о ложном, заранее подготовленном показании несовершеннолетнего, является заученность рассказа, употребление выражений, не свойственных данной возрастной группе. Поэтому действенным средством разоблачения лжи может явиться постановка вопросов о сопутствующих обстоятельствах, косвенно относящихся к устанавливаемому событию. Для несовершеннолетнего трудно установить связи между явлениями, в связи с чем он дает обычно правдивые ответы на вопросы, прямо не затрагивающие темы, к рассказу о которой он подготовлен.

Разоблачая ложь несовершеннолетнего, надо иметь также в виду, что если несколько подростков дают одинаковые ложные показания в результате оказанного на них, очевидно, воздействия, каждому из них целесообразно ставить вопросы, по-разному сформулированные и в иной последовательности[1]. Если ложь в показаниях подростка является результатом оказанного на него воз-

[1] См.: Карнеева Л. М. Особенности тактики допроса несовершеннолетних. Волгоград, 1978, с. 24.

действия, то он чаще, чем взрослый, смешивает ложь с правдой, так как бывает не в состоянии продумать до конца ложные показания. Постановка вопросов в иной последовательности, а также выходящих за рамки продуманных им обстоятельств, нередко приводит к разоблачению лжи.

Допрашивая несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего, следователю нужно учитывать тип нервной системы подростка. Например, в отношении лгущих несовершеннолетних, обладающих сангвиническим или флегматическим темпераментом, строгий тон следователя может оказать дисциплинирующее влияние, побудить к отказу от установки на ложь. На холериков и, особенно, меланхоликов, характеризующихся повышенной эмоциональной уязвимостью, склонностью к негативизму, строгий тон может оказать обратное воздействие: допрашиваемые могут заупрямиться, отказаться от дачи показаний, умолчать об известных им фактах.

В ряде случаев ложь у несовершеннолетнего можно преодолеть, вызвав у него чувство стыда за неискренность поведения, или же раъяснив ему важность для раскрытия преступления его правдивых, искренних показаний.

Допрос несовершеннолетнего должен отвечать следующим тактическим требованиям:

1) краткость (непродолжительность) допроса; если возникает необходимость в выяснении большого круга вопросов, то следует предусмотреть перерывы в ходе следственного действия;

2) выбор правильного тона допроса (недопустимость как суровости, сухости, так и панибратства или заискивания);

3) демонстрация объективности следователя, что способствует установлению психологического контакта;

4) проведение вступительной части допроса в форме беседы (о занятиях в школе, увлечениях, интересных кинофильмах, книгах и т. п.);

5) выяснение, кто из взрослых уже беседовал с подростком по существу дела и о чем (это позволяет выявить лиц, воздействовавших на несовершеннолетнего с целью изменения им показаний);

6) максимальное упрощение, детализирование вопросов, расчленение событий на ряд составляющих;

7) привлечение в необходимых случаях к участию в допросе специалиста (педагога, психолога), родителей или иных законных представителей, других авторитетных для подростка лиц;

8) недопустимость наводящих вопросов;

9) фиксация показаний после завершения рассказа несовершеннолетнего (чтобы перерывы в показаниях не помешали воспроизведению);

10) использование научно-технических средств (звукозаписи, видеозаписи, киносъемки), что позволяет более полно отразить ход и результаты допроса несовершеннолетнего.

Соблюдение указанных требований повышает эффективность и качество допросов несовершеннолетних, способствует получению от них достоверных показаний.

Допрашивая несовершеннолетних свидетелей и потерпевших, необходимо выяснить их отношения с обвиняемыми, что поможет оценить показания допрашиваемого.

Как правильно указывают А. Н. Васильев и Л. М. Карнеева, своеобразную категорию свидетелей представляют подростки, непосредственно участвовавшие в преступлении, но не привлеченные к уголовной ответственности в связи с недостижением возраста, предусмотренного уголовным законом. Эти лица обычно опасаются ответственности за совершенные деяния и не склонны к сообщению правдивых сведений. Поэтому следователь, давая оценку опасности и противоправности совершенных действий, должен им разъяснить их процессуальное положение и цели допроса.

Особый такт, осторожность и чуткость должен проявить следователь при допросе детей, потерпевших от половых преступлений. В этом возрасте особенно ранимо чувство достоинства, повышена стыдливость, что необходимо принимать во внимание. Нужно стремиться выяснить все необходимое для следствия сразу, чтобы избежать по возможности повторных допросов. Известно, что повторные показания либо «застывают», так как ребенок не хочет отклониться от сказанного ранее из боязни показаться лгуном, либо «расцвечиваются» (обогащаются новыми деталями под влиянием слухов, рассказов окружающих и собственных домыслов). Ясно, что доказательственная ценность таких показаний невелика.

Как уже отмечалось, ложь в показаниях несовершеннолетних свидетелей и потерпевших может быть вызвана и наличием у них психических аномалий. Тактику допроса лиц, страдающих психическими расстройствами, мы рассмотрим в следующей главе. В то же время надо иметь в виду, что несовершеннолетние редко сами заявляют о болезненных состояниях. Психические нарушения их довольно трудны для распознания, поскольку они могут производить впечатление распущенности, озорства, юношеского упрямства (негативизма) и т. п. В ходе допроса таких лиц не следует забывать их повышенной внушаемости. Нередко они дают ложные показания, которым их научили родственники или заинтересованные в исходе дела лица. Тон вопросов, задаваемых следователем, всегда должен быть нейтральным, исключающим какое-либо воздействие на допрашиваемых несовершеннолетних, страдающих психическими аномалиями.

Глава третья

РАЗОБЛАЧЕНИЕ ЛЖИ В ПОКАЗАНИЯХ ОБВИНЯЕМЫХ (ПОДОЗРЕВАЕМЫХ)

Ложь, обоснованно предполагаемая в показаниях подозреваемого или обвиняемого, требует активного применения тактических средств борьбы с нею.

Хотя, согласно ст. 123 УПК, вызов и допрос подозреваемого производится с соблюдением правил, установленных для допроса обвиняемого, тактика их допроса имеет различия. Не останавливаясь на различиях процессуального характера, отметим их тактико-психологическое содержание.

Преимуществами, которыми может воспользоваться следователь для получения правдивых показаний, является прежде всего фактор внезапности в задержании или вызове на допрос, недостаточность при этом у подозреваемого времени для обдумывания ложных объяснений и ограниченность его представлений об объеме доказательств его вины, которыми обладает следствие.

В то же время и сам следователь испытывает затруднения, допрашивая подозреваемого. Они сводятся к недостатку доказательственной информации по сравнению с допросом обвиняемого, неполным сведениям о лично-

сти подозреваемого и недостаточной степенью подготовки к допросу.

Немедленный допрос подозреваемого создает благоприятные условия для получения от него правдивых показаний и организации их немедленной проверки. В связи с этим в необходимых случаях допрос подозреваемого целесообразно осуществлять на месте задержания (например, на месте автодорожного происшествия или на месте совершения преступления).

Прогнозируя возможную реакцию на допросе подозреваемого, следователь учитывает следующие ее варианты: защитную реакцию, проявляющуюся в отрицании и опровержении подозрения; реакцию раскаяния, выражающуюся в даче признательных показаний; неопределенную реакцию, заключающуюся в выжидании дальнейшего развития событий, когда и отрицание не выражается определенно, и признание в совершении преступления отсутствует.

С точки зрения психологической, подозреваемому свойственно состояние неизвестности в отношении перспектив его привлечения к уголовной ответственности, и если по делу имеются соучастники, то неопределенность в отношении существа их показаний по делу.

Сознание нависшей опасности уголовной ответственности по делу, сомнения в поведении соучастников, чувство сожаления или раскаяния в содеянном нередко создают благотворную почву для изменения у допрашиваемого негативной позиции по делу.

Допрос подозреваемого обычно начинается с установления его личности и выяснения вопросов анкетно-биографического характера. Допрос обвиняемого осуществляется с выяснения вопроса об отношении его к предъявленному обвинению, вслед за чем выслушиваются показания (в форме свободного рассказа) допрашиваемого.

Готовясь к допросу подозреваемого или обвиняемого, следует продумать возможности предотвращения ложных показаний. Для установления с допрашиваемым психологического контакта целесообразно заранее получить сведения, характеризующие его личность, а также вызывающие его особый эмоциональный интерес, учесть его переживания, связанные с изоляцией от общества.

С этой же целью следователю нужно выяснить те социальные роли, которые допрашиваемый исполнял в обычной жизни, и использовать их знание для установления атмосферы понимания. При этом необходимо стараться нейтрализовать тот раскол, ту дистанцию, которую сам подозреваемый или обвиняемый определяет между собой и следователем. Совершенно правильно отмечает В. Л. Васильев: «Находящийся под стражей, приведенный из камеры к следователю человек уже в силу этого своего положения склонен делить окружающих на «мы» (обвиняемые по одному делу, их родственники, не привлеченные соучастники, другие заключенные) и «они» (в первую очередь следователи, прокуроры, оперативные работники и т. п.»[1]. Следователь должен постараться преодолеть этот барьер, убедив подследственного в том, что между ними не существует отношений вражды, антагонизма преследователя и жертвы («охотника и дичи»), а происходит процесс объективного установления истины по делу.

При этом необходимо разъяснить подозреваемому или обвиняемому, что его ложные показания исключают чистосердечное раскаяние как смягчающее ответственность обстоятельство по делу. Целесообразно с максимальной доходчивостью разъяснить ему положения закона, предусматривающие смягчающие ответственность факторы (предотвращение виновным вредных последствий совершения преступления, добровольное возмещение нанесенного ущерба или устранение причиненного вреда, чистосердечное раскаяние, явка с повинной, а также способствование раскрытию преступления). Превентивным по отношению ко лжи является и разъяснение того, что истинное раскаяние не ограничивается добрыми заверениями, а проявляется в конкретных делах и, в частности, в даче правдивых показаний.

Ложь подследственного может предупредить гуманное, глубоко человеческое отношение следователя к нему. Такое отношение требует видеть в каждом привлекающемся к ответственности, как писал А. Ф. Кони, «...душу живую под самой грубой, мрачной, обезображенной

---

[1] См.: Васильев В. Л. Юридическая психология. Л., 1974, с. 53.

формой». Такое гуманное отношение к подследственному нередко оказывает на него сильное воспитательное воздействие, приводит к сообщению правдивых сведений и появлению чувства благодарности к следователю. Так, осужденный П. писал из колонии: «Я очень благодарен следователю за проведенную со мной работу. Все мои показания были правдивыми благодаря разъяснительной работе следователя. Он изучил мою жизнь так, что знает о ней больше, чем я, был очень чутким к моим запросам и требованиям. Я получил длительный срок, но я найду в себе силы, волю и мужество, чтобы отбыть его и вернуться к честной жизни».

Несмотря на явное, стойкое противодействие подследственного установлению истины по делу, необходимо прилагать все усилия к получению от него правдивых показаний.

С целью предупреждения ложных показаний подозреваемых и обвиняемых в каждом конкретном случае следует выяснить и стараться нейтрализовать мотивы их сообщения. Эффективным средством является демонстрация допрашиваемому бессмысленности и вредности запирательства, разъяснение ему того, что следствие не намерено разглашать факты его интимной жизни, причинять вред близким ему лицам, унижать честь и достоинство подследственного.

Для убедительности доводов следователя в некоторых случаях еще в начале допроса следует познакомить подозреваемого или обвиняемого с некоторыми доказательствами, изобличающими его или его сообщников в совершении преступления.

Известны следующие тактико-психологические приемы установления психологического контакта с подозреваемым и обвиняемым:

1. Обращение к логике мышления допрашиваемого. Выражается этот прием в том, что следователь анализирует перед подследственным (или совместно с ним) доказательства, изобличающие его в совершении преступления, убеждая его тем самым в необходимости дать правдивые показания.

2. Убеждение допрашиваемого в целесообразности отказа от запирательства и дачи достоверных показаний. В случае, если подозреваемый или обвиняемый отказывается от дачи показаний в целом или по отдельным эпи-

зодам, следователь разъясняет допрашиваемому, что это его право. Однако дать следствию показания — в интересах подследственного, поскольку никто лучше, чем он, не располагает сведениями о всех обстоятельствах преступления, в том числе и смягчающих его ответственность. Кроме того, каждый отказ от дачи показаний должен быть документально оформлен, а наличие таких документов в деле, при доказанности вины обвиняемого, будет свидетельствовать об отсутствии раскаяния с его стороны, о попытках воспрепятствовать нормальному ходу расследования и о повышенной общественной опасности его личности, что, в свою очередь, отразится на определении ему меры наказания.

3. Стимулирование положительных свойств личности допрашиваемого. В этом случае следователь обращается к выявленным им положительным качествам личности и заслугам подследственного (его прошлым успехам в труде или обороне отечества, любви к близким, самоотверженным поступкам и т. п.), а также к его чувствам (стыду, гордости, раскаянию и пр.) с целью формирования у него правильной позиции на следствии.

4. Воздействие на допрашиваемого положительными качествами личности следователя (его объективностью, принципиальностью, справедливостью, вежливостью и др.), побуждая его к соответствующему поведению.

Объективность следователя обычно производит благоприятное впечатление на подозреваемого и обвиняемого. Следователю необходимо выяснять не только сведения, отрицательно характеризующие подследственного, отягчающие его ответственность, но и данные положительного характера, обстоятельства, смягчающие его ответственность. Уже при первой встрече с подследственным необходимо постараться произвести на него благоприятное впечатление о себе, уметь выслушивать объяснения допрашиваемого, проявлять внимание к его правам и законным интересам. В необходимых случаях можно, не одобряя противоправного поведения, выразить сочувствие по поводу неблагоприятно сложившихся обстоятельств, негативных изменений в судьбе обвиняемого, членов его семьи.

Получению правдивых показаний способствует также продуманность содержания речи следователя и формулировок его вопросов. Известно, например, что даже

признающие свою вину обвиняемые, отдающие отчет в преступном характере своих действий, особенно из числа образованных лиц, с трудом воспринимают употребление следователем специальной терминологии, определяющей их действия как «хищения, осуществляемые путем растраты», «злоупотребления служебным положением», «подлоги», «взяточничество» и т. п.

Конечно, формулируя и предъявляя обвинение, следователь обязан называть вещи своими именами, то есть говорить терминами, употребляемыми в законе. Однако в ходе допроса излишний акцент на них или повторение, не вызванное необходимостью, неоправданны и не способствуют контакту с обвиняемыми.

С той же целью зачастую целесообразно придерживаться порядка постановки вопросов, постепенно повышающих эмоциональное напряжение допрашиваемого. Такая последовательность постановки вопросов способствует поддержанию психологического контакта в ходе следственного действия.

О достижении состояния такого контакта с допрашиваемым могут свидетельствовать следующие признаки: повышенная разговорчивость подследственного, более внимательное и вдумчивое выслушивание доводов и вопросов следователя, понимание его как бы «с полуслова», более интенсивная или, наоборот, более замедленная внутренняя реакция допрашиваемого и другие показатели.

Выявление лжи в показаниях подозреваемых и обвиняемых строится с учетом признаков, рассмотренных нами в предыдущей главе. Специфичными для подследственных являются также признаки, возникающие на основе того, что лица, привлекающиеся к уголовной ответственности, чаще всего стремятся любыми путями уйти от нее. В этом случае они проявляют значительную активность, пытаясь избежать разоблачения. Однако такого рода деятельность не проходит бесследно, оставляя разнообразные следы, «улики поведения», являющиеся косвенными доказательствами виновности обвиняемого. К числу такого рода улик, помимо фабрикации доказательств, относятся и ложные заявления, распространение вымышленных слухов, склонение свидетелей и потерпевших к ложным показаниям, уклонение от следствия и т. п. Сведения об уликах поведения позволяют следо-

вателю посредством выяснения всех относящихся к ним обстоятельств, разоблачить ложь допрашиваемого.

Выявлению лжи способствует применение на допросе так называемого метода самооценки. Он заключается в том, что следователь, производя допрос, получает сведения о личности подозреваемого или обвиняемого со слов самого допрашиваемого. Самооценка, несмотря на свою субъективность, позволяет выявить некоторые качества и свойства личности, которые можно разделить на: действительные, представления допрашиваемого о них, компенсируемые, ложные, маскируемые. Выявление ложных и маскируемых качеств позволяет судить о склонности допрашиваемого ко лжи.

Если подследственный пассивно ведет себя на допросе, уклоняется от освещения каких-либо событий, целесообразно попытаться вовлечь его в общение путем сообщения ему таких фактов, которые он без труда может объяснить или опровергнуть. Такая тактика повышает активность допрашиваемого, который, втягиваясь в полемику, пытается опровергнуть и другие доводы следователя, однако сталкивается с доказательствами, которые не позволяют это сделать. Ложь в показаниях становится явной, что может вынудить допрашиваемого дать правдивые показания.

Тактические приемы, направленные на разоблачение лжи в показаниях подозреваемых и обвиняемых, во многом сходны с приемами борьбы со лжесвидетельством. Однако, применяя их, необходимо учитывать специфику процессуального положения допрашиваемого, а также психологическое, близкое к стрессовому, состояние подследственного, вызванное изоляцией от общества и перспективой привлечения к уголовной ответственности.

По данным нашего исследования, наиболее часто в борьбе с ложью в показаниях подозреваемых и обвиняемых следователи применяли следующие тактические приемы: а) побуждение к раскаянию путем формирования внутреннего протеста против совершенных действий — 16%; б) акцентирование внимания на первых же ложных сведениях, сообщенных подследственным,— 10,5%; в) проявление понимания положения, в котором оказался допрашиваемый,— 17%; г) убеждение в необходимости сообщения правдивых сведений — 13,1%; д) использование звукозаписи в тактических целях—

33,3%; е) оставление допрашиваемого в неведении об объеме доказательств, которыми располагает следователь,— 36,8%; ж) детализация показаний с целью выявления противоречий — 18,4%; з) неожиданное предъявление допрашиваемому вещественных доказательств, появление которых обусловлено уликами поведения,— 11,4%; и) начало допроса обвиняемого по многоэпизодному делу с эпизодов, которые обоснованы более вескими доказательствами,— 14,9%; к) выяснение контрольных данных, позволяющих проверить сообщаемые сведения,— 18,4%; л) использование противоречий внутри показаний допрашиваемого или с другими доказательствами — 12,3%.

В ходе допроса подозреваемым и обвиняемым задавались следующие виды вопросов: а) побуждающие — 82,4%; б) направляющие — 6,1%; в) детализирующие — 41,2%; г) дополняющие — 36,8%; д) уточняющие — 34,2%; е) контрольные — 22,8%; ж) сопоставляющие — 11,4%; з) напоминающие — 9,6%.

Применение названных приемов на допросах в их различном сочетании привело в 58,8% случаев к изменению ложных показаний на правдивые.

Используя те или иные приемы для получения правдивых показаний, нужно учитывать уровень образования и развития допрашиваемого, с тем чтобы повысить их эффективность.

Так, допрашивая малограмотного подозреваемого или обвиняемого, следует отдавать преимущество приемам, воздействующим на его рациональную сферу. К ним, в частности, можно отнести: а) разрушение надежды подследственного на недостаточность собранных против него улик; б) убеждение его в том, что правдивые показания способствуют смягчению наказания, а не наоборот; в) убеждение допрашиваемого в том, что его правдивые показания не имеют особого значения для разоблачения соучастников, так как следствие и без того располагает об этом достаточными сведениями; г) убеждение его в том, что правдивые показания не приведут к разглашению интимных сторон жизни и не причинят вреда близким ему людям, и др.

Применительно к допросу лица, обладающего достаточно высоким уровнем образования, можно рекомендовать тактические приемы, затрагивающие эмоциональ-

ную сферу его личности. Например: а) активизация в ходе допроса положительных качеств личности допрашиваемого; б) напоминание о событиях прошлого, имеющих важное значение для допрашиваемого (благородные поступки, героизм, трагические события и др.), в) привлечение к участию в допросе авторитетных для подозреваемого или обвиняемого лиц, чье присутствие может воспрепятствовать сообщению ложных сведений, и др.[1].

Если в качестве обвиняемых, к примеру, по делам о хищениях, привлекаются несколько лиц, занимающих различное должностное положение, нередко на допросах следуют заявления о том, что преступления допрашиваемым совершались под давлением или по прямой указке вышестоящего руководителя. Тот же, в свою очередь, утверждает, что его подчиненные занимались преступной деятельностью без его ведома. В такой ситуации следует иметь в виду, что получить правдивые показания легче от лиц, играющих второстепенную роль в хищении. Понимая, что в случае установления истины по делу его ожидает более мягкое наказание, чем инициатора или организатора преступления, и не желая, чтобы у следствия сложилось мнение о его более активной роли в совершении хищений, такой обвиняемый дает показания, изобличающие соучастников. Однако показания таких допрашиваемых требуют критического отношения к себе, так как следственной практике известны случаи, когда руководящая роль в преступлении принадлежит лицам, занимающим рядовые должности и стремящимся переложить большую долю ответственности на вышестоящих должностных лиц.

При расследовании хищений на одесской табачной фабрике к уголовной ответственности были привлечены должностные лица, среди которых были: главный инженер, старший механик, бухгалтер, контролер ОТК, кладовщик и др. (всего 11 человек). Будучи допрошенными в качестве подозреваемых, все эти лица отрицали причастность к совершению хищений, объясняя компрометирующие их факты различными обстоятельствами. При предъявлении обвинения кладовщик М. первым признал

[1] Подробнее об этом см.: Кривошеев А. С. Изучение личности обвиняемого в процессе расследования. М., 1971, с. 54—56.

себя виновным и показал, что он принимал на хранение неучтенную табачную продукцию и занимался ее сбытом, подчиняясь распоряжениям главного инженера С., который якобы и являлся организатором совершения преступления. Правильно избрав тактику допроса М., используя такие тактические приемы, как предъявление доказательств нарастающего значения и формирование у допрашиваемого представления о полной осведомленности допрашивающего об обстоятельствах дела, следователь вынудил обвиняемого дать правдивые показания, изобличающие его как организатора хищений. В ходе дальнейшего расследования эти показания нашли полное подтверждение.

Небезынтересным с точки зрения борьбы с ложью представляется рассмотрение вопроса о так называемом «защитном» или «обронительном импульсе» со стороны обвиняемого. В известной степени его можно рассматривать как обычную реакцию на предъявляемое обвинение. Тем более, что подобный «импульс» естествен для человека, которому предъявляют необоснованное обвинение. Под воздействием «оборонительного импульса» обвиняемый приводит различные объяснения в пользу своей невиновности, оперирует сведениями, именами, выдвигает алиби и т. п. Цель всех этих действий — отвести от себя подозрение или опровергнуть обвинение, завести следствие в заблуждение в случае собственной виновности. При этом в психике лгущего обвиняемого происходит нарастание нервного напряжения, которое не может продолжаться бесконечно и требует соответствующей разрядки. В задачу следователя входит создание такой обстановки допроса, установление таких коммуникативных отношений с допрашиваемым, чтобы эта разрядка наступила как можно скорее и привела бы к полному очищению сознания обвиняемого от нагромождений, порождаемых ложью. С этой целью и формируется психологический контакт и используются различные тактические приемы.

Каждой детали, содержащейся в показаниях подозреваемого и обвиняемого, должно уделяться внимание со стороны следователя. Мелочей в этом отношении существовать не должно. Любой, с первого взгляда второстепенный факт впоследствии может приобрести решающее значение для установления истины. Характерен в

этом отношении пример, приводимый С. М. Миловидовым. У. было предъявлено обвинение в совершении убийства. Отрицая свою причастность к преступлению, обвиняемый утверждал, что обнаруженные у него при задержании деньги он похитил у неизвестной гражданки в универмаге. Но когда следователь на повторном допросе предъявил ему справку о том, что универмаг в тот день не работал, У., по словам следователя «неожиданно для нас», вдруг признался в совершении убийства. Однако, никакой «неожиданности» на самом деле не было. У. был отлично известен источник появления обнаруженных у него денег, добытых посредством убийства. Поэтому опровержение его версии о происхождении денег явилось психологическим толчком к признанию[1].

Разоблачению лжи в показаниях обвиняемого способствует вынуждение его к неоднократному повторению своего рассказа. Это повторение может быть использовано как в ходе одного следственного действия, так и при проведении повторных допросов. Если показания обвиняемого ложны, он рано или поздно неизбежно допустит неточности, отойдет от первоначальных объяснений, допустит противоречия. К тому же сам факт повторения уже высказанных сведений оказывает на него известное психологическое воздействие. Вынужденный повторять ложные показания, обвиняемый начинает сам сомневаться в правдивости (точнее правдоподобности) собственных объяснений. И в этот момент он становится более восприимчив к правомерному воздействию со стороны следователя.

Примером эмоционального эксперимента как средства получения правдивых показаний от подозреваемого может служить описанный в своих воспоминаниях М. И. Кольнером. Некий Янов подозревался в убийстве своей жены, труп которой не был обнаружен. Доказательств причастности его к совершению преступления было недостаточно, а сам подозреваемый категорически отрицал это. Вот как описывает автор разоблачение Янова: «И я решился на такой прием. У меня в портфеле было несколько сообщений и ответов на запросы о розыске Яновой или ее трупа. Среди них была и телеграмма из

[1] См.: Миловидов С. М. О психологии допроса обвиняемого. — В кн.: Вопросы криминалистики, вып. 4. М., 1962, с. 94.

Казани следующего содержания: «Просим направить гражданина Янова для опознания трупа жены». Как уже мною было выяснено, этот труп не был трупом Яновой: ни по возрасту, ни по приметам, ни по времени наступления смерти. Но все эти подробности содержались в другом, полученном позднее сообщении, в телеграмме их не было. Обман? Недозволенный прием? Нет. Ведь телеграмма была подлинной. Факт обнаружения женщины действительно имел место. Значит, я вправе был сообщить об этом факте Янову.

Сделав вид, что отыскиваю в портфеле какие-то бумаги, я вынул телеграмму и положил на стол. Затем, сказав, что мне нужно срочно позвонить по телефону, я попросил Янова подождать и вышел из кабинета, оставив телеграмму на столе.

Когда через 2—3 минуты я вернулся, по лицу Янова было видно, что телеграмму он прочитал. Тогда я задал ему такой вопрос:

— Вам ясно, для чего вы вызваны на допрос?

— Да, ясно...

— Тогда расскажите все подробно»[1].

После этого Янов, очевидно, будучи уверен, что труп его жены найден и запираться бесполезно, дал следователю правдивые показания, что и было подтверждено дальнейшим расследованием.

К эмоциональному эксперименту, выразившемуся в предъявлении подозреваемому в убийстве своей жены некоему Линдерферу специально изготовленной точной модели чердака, где он совершил преступление, что вызвало эмоциональную реакцию, завершившуюся признательными показаниями, относятся и действия западногерманского инспектора полиции Фройнда, описанные Ю. Торвальдом[2].

Значительную сложность представляет разоблачение ложного алиби. Каждому факту заявления алиби должно уделяться серьезное внимание. Вызвано это тем, что подтверждение алиби исключает причастность лица, его заявившего, к преступлению в качестве исполнителя.

Отмечая значение проверки алиби, известный русский

[1] См.: Кольиер М. И. Из практики следователя. М., 1971, с. 38—39.

[2] См.: Торвальд Ю. Криминалистика сегодня/Пер. с нем. М., 1980, с. 38—39.

юрист Л. Е. Владимиров писал: «Нужно... заметить, что alibi есть любимый прием защиты именно виновных людей. Его часто подготовляют наперед! Приготовив все для пожара, А. уезжает в Ростов, там является в полицию и просит отметить на его паспорте, что он приехал в город. Он вызывает удивление в полиции своею заботливостью о прописке. На другой день он получает телеграмму: «Сгорело не все»..

Наиболее сложно для разоблачения заранее подготовленное ложное алиби, к которому зачастую прибегают опытные преступники. Нередко они ссылаются на вымышленные события, однако чаще говорят о событиях, действительно имевших место, но с перестановкой отдельных элементов события во времени или в пространстве. Проверяется алиби посредством производства различных следственных действий и тактических операций (комбинаций). В то же время существенная роль в разоблачении ложного алиби принадлежит допросу.

С этой целью целесообразно применять следующие тактические приемы:

1. Детализация показаний по обстоятельствам, связанным с заявленным алиби;

2. Немедленный вызов на допрос лиц, на которых сослался подследственный, заявивший алиби; при возникновении противоречий в показаниях можно сразу же прибегнуть к производству очной ставки;

3. Предложение допрашиваемому, заявившему алиби, дать такие же подробные показания как о дне, когда произошло событие преступления, так и о днях, предшествовавших или последовавших за ним. Если алиби ложное, зачастую показания об этих днях, не связанных с таким значительным событием, как преступление, оказываются менее подробными и определенными. Объяснение этой закономерности допрашиваемому может повлечь его отказ от лжи;

4. Проведение серии повторных допросов лица, заявившего ложное алиби, по одним и тем же обстоятельствам. При этом целесообразно изменять последовательность выяснения обстоятельств, что может вызвать противоречия в показаниях лгущего лица и привести к сообщению правдивых сведений.

Для борьбы с ложным алиби эффективны также такие тактические приемы, как: предъявление веществен-

ных доказательств и документов (в нарастающем порядке доказательственного значения); постановка контрольных и сопоставляющих вопросов; «следственные хитрости» (в частности, эмоциональный эксперимент); иные методы правомерного психологического воздействия и др.

В. И. Шиканов, вполне обоснованно относящий проверку алиби к самостоятельной тактической операции, называет еще 2 тактических метода: метод встречной проверки поступков и действий потерпевшего и заподозренного лица и корреляционный метод. Первый из них основан на том, что идеальная модель преступления требует обязательного пересечения маршрутов потерпевшего и преступника в месте и в момент совершения преступления. Отсутствие такой встречи подтверждает истинность алиби. Корреляционный метод заключается в оценке данных, полученных из различных источников, включая оперативно-розыскную информацию. Сочетание названных методов повышает надежность проверки алиби[1].

Определенной спецификой обладает борьба с ложью в показаниях рецидивистов. Выбор тактики допроса производится с учетом особенностей их личности. Для рецидивистов характерными являются антиобщественная направленность интересов, аморальный образ жизни, низменность потребностей, пренебрежение к нравственным ценностям общества, легкомыслие, отсутствие или ослабленность морально-волевых сдерживающих тормозов и др. Они склонны к аффективным вспышкам, вследствии чего допросы с их участием нередко проходят в остроконфликтной ситуации.

Наличие немалого преступного опыта, знакомство с некоторыми тактическими приемами следствия и оперативно-розыскной деятельности повышают сопротивляемость рецидивиста воздействию на допросе. С другой стороны, эти же факторы могут и облегчить допрос рецидивиста, который, отличио понимая значение собранных против него улик, может сразу же дать правдивые показания.

В отношении рецидивистов положительно себя зарекомендовали такие тактические приемы, как: а) «допу-

[1] См.: Шиканов В. И. Указ. раб., с. 41—43.

щение легенды»; б) базирующаяся на рефлексии предварительная проверка следователем возможных ложных объяснений с целью их опровержения; в) предъявление доказательств в их нарастающем значении; г) формирование у рецидивиста убеждения о наличии у следователя доказательств, изобличающих его во лжи; д) создание у допрашиваемого преувеличенного представления об объеме и значении доказательств и др.

Немалую своеобразность представляет также получение правдивых показаний от несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых. С ними сложнее устанавливается психологический контакт, что вызывается их положением в уголовном процессе, в частности, боязнью уголовного наказания и заинтересованностью в исходе дела.

Допрос несовершеннолетнего подозреваемого следует начинать с беседы, что необходимо для установления психологического контакта. Важно, чтобы несовершеннолетнего правонарушителя с самого начала расследования допрашивало одно и то же лицо.

Необходимо, чтобы допрос такого несовершеннолетнего явился важным вкладом в дело его перевоспитания. Поэтому господствующим тактическим методом допроса подростка должно явиться убеждение при строгом соблюдении этических норм. Активно следует применять приемы, основанные на стимулировании положительных свойств личности несовершеннолетнего и акценте на таких положительных переживаниях, как раскаяние, стыд, любовь к близким и т. п.

Определяя в ходе беседы образ жизни, увлечения и успеваемость подростка (если он учится в школе), надо иметь в виду, что о нарушениях дисциплины, пропусках занятий и неудовлетворительных оценках подростки говорят неохотно. С большой осторожностью нужно расспрашивать допрашиваемого о взаимоотношениях родителей, поведении отца или матери и прочих обстоятельствах, о которых подростку нелегко рассказывать постороннему человеку.

В целях предупреждения ложных показаний, несовершеннолетнему подозреваемому нужно разъяснить важность получения от него правдивых показаний в целях справедливого решения вопроса о мерах по его исправлению и перевоспитанию. Следует также поинтере-

соваться, как он сам относится к совершенному им правонарушению, какими причинами объясняет свои поступки. Мнение подростка может иметь значение для установления причин и условий совершения им преступления.

Для несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых характерны во многих случаях настроения подавленности, безысходности. Поэтому необходимо ободрить допрашиваемого, объяснить ему цели и сущность уголовного наказания как средства перевоспитания.

Выяснению вопроса, признает ли себя виновным несовершеннолетний обвиняемый, предшествует разъяснение ему следователем совместно с защитником сущности и содержания предъявленного ему обвинения. При этом надо раскрыть значение юридических терминов, диспозицию и санкцию инкриминируемых ему статей уголовного закона.

Несовершеннолетнему подследственному нужно облегчить переход от ложных показаний к правдивым. Л. М. Карнеева пишет по этому поводу: «Иногда он готов изменить свою позицию, но не знает, как это сделать. Вот почему при допросе несовершеннолетнего не следует торопиться с заявлением, что он лжет, что следователь не верит ему и т. д. Целесообразнее спросить обвиняемого, не ошибается ли он, не введен ли кем-либо в заблуждение. Нужно посоветовать ему подумать, стоит ли придерживаться занятой позиции. Переход от ложных показаний к правдивым может облегчить выяснение таких смягчающих ответственность обвиняемого обстоятельств, как совершение преступления вследствие стечения тяжелых личных и семейных обстоятельств, под влиянием угроз или принуждения».

В любых случаях несовершеннолетнему обвиняемому следует объяснить положение закона о том, что чистосердечное раскаяние, а также активное способствование раскрытию преступления являются смягчающими ответственность обстоятельствами (ст. 38 УК).

Одним из эффективных приемов получения правдивых показаний является устранение мотивов, побуждающих подростка к даче ложных показаний. Например, если несовершеннолетний лжет из-за боязни мести со стороны взрослого соучастника, то этот мотив может отпасть после его ареста. Ложное чувство товарищест-

ва обычно устраняется путем предъявления доказательств нетоварищеского отношения к подростку со стороны соучастников. В частности, допрашиваемому могут быть предъявлены показания соучастников, в которых они пренебрежительно отзываются о подростке.

До предъявления доказательств несовершеннолетнего обвиняемого нужно допросить об обстоятельствах, связанных с их происхождением. Так, если обнаружен след пальца руки, предположительно оставленный несовершеннолетним, следует выяснить возможность нахождения обвиняемого на месте, где найден след, а затем уже определить, не им ли он оставлен.

Ложные показания несовершеннолетнего обвиняемого можно опровергнуть посредством предъявления доказательств. Их можно предъявлять лишь после того, как они тщательно проверены и не вызывают сомнения в достоверности.

Доказательства нужно предъявлять в нарастающем порядке. Неожиданное представление веских доказательств может напугать подростка и привести к отказу от дачи показаний.

Следователю надо учитывать особенности психики обвиняемого, содержащегося под стражей. В условиях изолированности от внешнего мира и дефицита информации подросток становится более восприимчивым к воздействию на него со стороны следователя. Усиливается его склонность к внушению и самовнушению. Если несовершеннолетний причастен к групповому преступлению, его психическое состояние тоже специфично. Во-первых, каждый из подростков боится признаться первым, чтобы не прослыть «предателем» и не навлечь на себя гнев своих товарищей. Во-вторых, любой из них не без основания опасается, что кто-то признается раньше него и изложит обстоятельства в невыгодном для него свете. В такой ситуации следователю целесообразно предупредить обвиняемого о том, что он рискует «опоздать» с дачей правдивых показаний.

Нередко подросток не дает правдивых показаний потому, что не знает, насколько доказательства, собранные по уголовному делу, изобличают его в совершении преступления. В таком случае полезно разъяснить ему сущность и значение собранных по делу доказательств.

Шестнадцатилетний П. был задержан по подозрению

в совершении кражи из промтоварного киоска. Одним из основных доказательств по делу являлось заключение эксперта-криминалиста о том, что на витрине киоска обнаружен след пальца левой руки обвиняемого. Однако П. продолжал отрицать свою виновность в совершении преступления, хотя и не мог объяснить свое отсутствие дома в ночное время, когда была совершена кража. Следователь терпеливо и доходчиво разъяснил обвиняемому в присутствии защитника сущность дактилоскопии, показал на фотоснимке, приложенном к заключению эксперта, все совпадения в элементах следа, обнаруженного на месте происшествия, и экспериментального отпечатка пальца руки П. Осознав бессмысленность дальнейшего запирательства, обвиняемый признал себя виновным в совершении преступления.

Недопустимо обещать подростку, содержащемуся под стражей, освобождение от ареста, если он признает себя виновным. Подобное обещание может вызвать самооговор. Такой же результат может последовать вследствие переутомления подростка в результате затяжного допроса. Поэтому следует делать перерывы в допросе, если несовершеннолетний устал.

Источником самооговора всегда может явиться ситуация, когда от подростка добиваются признания вины при отсутствии веских доказательств.

Несовершеннолетний может прибегнуть к самооговору или оговору с тем, чтобы выгородить своих соучастников или приуменьшить их роль. В этом случае подобные показания нужно сопоставить с другими материалами дела сразу же в ходе допроса и обратить внимание подростка на возникшие противоречия. Несовершеннолетнему трудно сразу придумать новое ложное объяснение, особенно если его ложные показания подготовлены другими лицами. Если же обвиняемый все же продолжает упорствовать и с помощью имеющихся доказательств не удается опровергнуть его ложь, то допрос следует отложить до получения новой доказательственной информации.

По результатам обобщения материалов уголовных дел нами отмечены, как наиболее часто встречающиеся в практике, следующие тактические приемы: а) анализ вместе с несовершеннолетним допрашиваемым имеющихся данных — 14,0%; б) выявление, кто из взрослых

уже беседовал с подростком по существу дела — 12,3%; в) краткость допроса — 17,5%; г) максимальная детализация рассказа подростка о событиях, предшествовавших преступлению и последовавших за ним,— 10,5%; д) установление психологического контакта с несовершеннолетним (беседы на абстрактные темы, об увлечениях и т. п.) — 9,6%; е) постановка контрольных вопросов об обстоятельствах, уже известных следователю,— 7,9%; ж) ведение (в случае упорного запирательства) допроса по вопросно-ответной системе, фиксируя противоречивые и ложные утверждения, а затем опровергая их доказательствами,— 12,3%; з) привлечение к участию в допросе специалиста, родителей или законных представителей, иных авторитетных для подростка лиц — 10,5%; и) предъявление доказательств в нарастающем порядке — 6,1%; к) демонстрация объективности следователя — 2,6%; л) демонстрация осведомленности следователя — 4,4%; м) использование фрагментов фонограмм допроса других лиц — 0,9% и др.

Приемы эти применяются избирательно с учетом возраста несовершеннолетнего, его роли в процессе и отношения к установлению истины по делу.

Тактика подготовки к допросу и получения правдивых показаний психически неполноценных лиц также имеет свою специфику.

Если уже в ходе допроса возникает предположение о наличии у допрашиваемого психических недостатков, нужно не ограничиваться вопросами, касающимися обстоятельств расследуемого события, а выяснять данные, наиболее полно характеризующие личность допрашиваемого, которые потребуются в дальнейшем для назначения судебно-психиатрической экспертизы. Так, необходимо выяснить данные, касающиеся всех этапов жизни лица: его раннего детства, школьных лет, периода самостоятельной работы. Рекомендуется выяснять: не было ли у допрашиваемого отставания в физическом или умственном развитии, когда он начал ходить, говорить, не наблюдалось ли припадков или обмороков, травм (особенно черепно-мозговых), тяжелых инфекционных заболеваний, как учился в школе, как формировался характер, часто ли изменял профессии и место работы, проходил ли воинскую службу, поведение допрашиваемого в быту, семье и на работе, не наблюда-

лись ли странности и чем они проявились, склонен ли к употреблению спиртных напитков и наркотиков, был ли ранее судим, не находился ли на излечении в психиатрической больнице и т. п.

При подготовке к допросу лица, возможно страдающего психическими аномалиями, аналогичные сведения желательно получить в ходе допросов его близких, знакомых, соседей и других лиц. Сведения о состоянии его здоровья нужно подкреплять соответствующими справками лечебных учреждений и копиями историй болезни (или выписками из них).

Допрашивать таких лиц, как правило, надо в присутствии третьих лиц: защитников (если речь идет об обвиняемых), психиатра, педагога, законных представителей, а также в присутствии другого лица, которое может воспрепятствовать возникновению установки на ложь.

Наличие психических аномалий у допрашиваемых лиц обязывает следователя тщательно подбирать тактические приемы их допроса. Психологическое воздействие в отношении их допустимо лишь в некоторых формах, исключающих неправомерное внушение. К ним относятся: метод убеждения, метод правомерного психологического внушения о необходимости дать достоверные показания, метод примера, метод морального стимулирования.

Тактически оправдана расширенная вступительная часть допроса лица, обладающего психическими недостатками, которая должна носить характер беседы. Целью ее является установление психологического контакта, завоевание доверия допрашиваемого и расположение его к откровенности.

Содержание задаваемых вопросов, их форма всегда должны соответствовать интеллектуальному уровню, кругу знаний и особенностям мышления лиц, страдающих психическими аномалиями. Вопросы должны быть краткие, точные и иметь ясную логическую структуру.

Следует иметь в виду, что лица с психическими недостатками могут давать определенные ответы на вопросы в зависимости от их формы и тона. Так, отмечено, что олигофрены при утвердительной форме вопроса отвечают также утвердительно, а при отрицательной — отрицательно.

Эффективна для борьбы с ложью в показаниях постановка вопросов о сопутствующих обстоятельствах, имеющих косвенное отношение к устанавливаемому событию, поскольку для психически аномальных лиц также трудно устанавливать существенные связи между явлениями.

Для того чтобы облегчить такому лицу возможность восстановить в памяти события, интересующие следствие, полезно предложить ему рассказать о случившемся в хронологическом порядке. Чтобы оживить у допрашиваемого ассоциативные связи или убедить его в необходимости дать правдивые показания, можно предъявить ему в ходе допроса фотоснимки места происшествия, следов, вещественных доказательств (или их в натуре), схемы, привести выдержки из показаний других лиц. Однако пользоваться доказательствами в ходе допроса психически аномальных лиц нужно очень осторожно, чтобы не подвергнуть их внушению и не вызвать самооговора или оговора других лиц.

Допрашивая психически аномального обвиняемого, надо иметь в виду, что ссылки на амнезию (провал памяти) являются наиболее распространенным способом самозащиты таких лиц от обвинения. Особенности показаний этих обвиняемых обусловливаются не только отклонениями в их психической сфере, но и личными стремлениями исказить истину по делу. Лица, страдающие дебильностью, обычно дают правильные показания и относительно точно воспроизводят картину происшедшего. Однако, будучи легко внушаемыми, они могут признать себя виновными в действиях, которых фактически не совершали. Поэтому при допросах любая возможность внушающего воздействия со стороны следователя или иных лиц должна быть исключена.

Допрашивая лиц пожилого возраста, нужно учитывать возможность наличия у них такого распространенного заболевания, как атеросклероз. В этом случае они характеризуются повышенной утомляемостью, ослабленностью к психическим перегрузкам, повышенной аффективностью, ослаблением памяти, преимущественно на недавние события. Для получения от них правдивых показаний нужно использовать тактические приемы восстановления в памяти забытого, методы правомерного психологического воздействия, постановку контроль-

ных, напоминающих и сопоставляющих вопросов. Допрос таких лиц должен быть непродолжительным или сопровождаться перерывами.

Глава четвертая

ПРОВЕРКА И ОЦЕНКА ПОКАЗАНИЙ

Показания, полученные от свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых, подлежат тщательному исследованию по общим правилам проверки и оценки доказательств.

Советским уголовно-процессуальным законом определяется, что оценка доказательств производится судом, прокурором, следователем и лицом, производящим дознание, по их внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием. При этом никакие доказательства для лиц, производящих оценку, не имеют заранее установленной силы (ст. 17 Основ ..., ст. 71 УПК).

Оценка неотделима от проверки, является ее логическим следствием. Однако смешивать понятия проверки и оценки нельзя. Проверка заключается в анализе и исследовании доказательств, в отыскании новых для подтверждения или опровержения имеющихся в распоряжении следствия, в сопоставлении их с другими, внесенными в дело, и т. д. В отличие от оценки, проверка не сводится только к мыслительной деятельности следователя, но и включает в себя практические действия по исследованию имеющихся и собиранию новых доказательств. Таким образом, для того чтобы разрешить вопрос достоверности или недостоверности того или иного доказательства, необходимо проверить его посредством других и определить, подтверждается ли оно ими или же, наоборот, опровергается. Кроме того, нужно оценить и тот источник, из которого доказательство получено, учитывая его особенности.

Оценка доказательств по уголовному делу производится для того, чтобы выяснить: допустимо ли использование данного факта в качестве судебного доказательства, не противоречит ли оно закону, относится ли оно к

делу, в какой связи находится данное доказательство с иными, собранными по делу, характер и значение этой связи, каково значение конкретного доказательства для установления истины, как оно может быть использовано в процессе дальнейшего расследования и судебного рассмотрения. Эта оценка доказательств производится на протяжении как предварительного расследования (дознания), так и судебного следствия.

К основным принципам оценки доказательств относятся следующие: а) свободная оценка, т. е. оценка по внутреннему убеждению следователя (или иного названного законом лица); б) объективная, всесторонняя и полная оценка; в) оценка доказательств в их совокупности.

Показания допрашиваемых лиц, являющиеся самым распространенным источником доказательств, подлежат всестороннему исследованию. Особенно тщательной оценке и проверке необходимо подвергать показания потерпевших и обвиняемых (подозреваемых), в силу их особой заинтересованности в исходе дела, а также в связи с особенностями восприятия ими окружающей действительности в условиях и под воздействием события преступления. В процесс оценки показаний включается и установление допустимости применявшихся тактических приемов и методов психологического воздействия, которым подвергался допрашиваемый.

Проводя критический анализ показаний, следователю нужно оценить как их содержание, так и личность допрашиваемого. При этом следователь должен руководствоваться диалектическим методом, позволяющим критически рассмотреть показания в конкретных условиях данного дела, рассмотреть их в совокупности, во взаимосвязи со всеми собранными по делу доказательствами.

Процесс оценки достоверности показаний, на наш взгляд, складывается из изучения и учета следующих данных:

1. Нравственного облика допрашиваемого. Здесь следует исходить из сведений о возрасте, профессии, образовании и интеллектуальном уровне, активности в общественной жизни, семейном положении, отношении к труду, семье, наличии наград, благодарностей, судимостей.

2. Степени и характера заинтересованности допраши-

ваемого в исходе уголовного дела. Нужно учитывать размер и характер причиненного ущерба, наличие родственных или иных связей потерпевшего и обвиняемого, их прежнее знакомство и характер взаимоотношений.

3. Физических и психических особенностей, поведения к моменту совершения преступления и после него, в том числе и реакции на совершенное преступление, состояния (алкогольное опьянение, наркотическое возбуждение, болезнь, просоночное состояние) в момент преступления.

4. Объективных условий восприятия фактов и явлений, о которых допрашиваемый сообщает в своих показаниях.

5. Отсутствия противоречий внутри показаний и их соответствия другим доказательствам, добытым в процессе расследования.

6. Процессуальной и тактической обстановки получения показаний (соблюдены ли процессуальные правила и этические нормы, правомерны ли тактические приемы, примененные в ходе допроса).

Наличие в показаниях противоречий является обстоятельством, ставящим под сомнение их достоверность. Противоречия — либо результат преднамеренного искажения действительности, то есть лжи, либо свидетельство о неточностях, ошибках в восприятиях, о забывании, о восполнении пробелов за счет домыслов и посторонних внушений. В связи с этим противоречия в показаниях не могут быть оставлены без проверки. Кроме того, нередки еще случаи изменения (в частности, в суде) правдивых показаний на ложные. По нашим данным, 12,8% свидетелей и потерпевших, а также 18,4% подозреваемых и обвиняемых впоследствии изменили показания на ложные. Изменение показаний обосновывалось тем, что допрашивающий неправильно записал показания или не понял допрашиваемого, не ознакомил его с содержанием протокола, не удовлетворил замечаний допрашиваемого, неправильно применял тактические приемы, допустил угрозы, обман и т. д. В связи с этим повышается роль проверки показаний.

Проверка показаний осуществляется следующим образом: исследованием показаний в процессе допроса путем их детализации, составления допрашиваемым планов или схем обстановки, о которой он дает показания;

постановкой контрольных вопросов, направленных на выяснение как обстоятельств преступления, так и данных о личности допрашиваемого; сопоставлением показаний с фактами, уже установленными в процессе расследования; дополнительным собиранием доказательств, путем проведения повторных допросов, а также производства других следственных действий.

При проверке предположительно ложных утверждений допрашиваемого необходимо обращать внимание на наличие в показаниях негативных обстоятельств, т. е. таких, которые при нормальном ходе того или иного события должны были быть, однако отсутствуют, или же есть, но противоречат обычному положению вещей в данной ситуации. Негативные обстоятельства являются одним из признаков ложности сообщаемых сведений.

Практически каждое следственное действие может явиться средством проверки показаний и борьбы с ложью. Однако наиболее эффективны из них в выявлении и разоблачении лжи: очная ставка, проверка показаний на месте, следственный эксперимент и назначение судебных экспертиз.

Очная ставка — это попеременный (или одновременный) допрос двух лиц из числа потерпевших, свидетелей, подозреваемых, обвиняемых (в любом сочетании) для устранения существенных противоречий, обнаруживающихся в данных ими ранее показаниях.

Чтобы очная ставка достигла поставленной цели, к ней необходимо тщательно подготовиться. Для этого нужно последовательно выполнить следующие действия:

— изучить ранее данные показания лиц, между которыми предполагается провести очную ставку;

— выяснить имеющиеся существенные противоречия, причины их возникновения и принять решение о производстве очной ставки;

— изучить личность участников и характер их взаимоотношений;

— составить план проведения следственного действия, в том числе сформулировать вопросы и определить последовательность их выяснения;

— установить целесообразную последовательность допроса участников;

— выбрать место и время проведения очной ставки;

— определить состав участников (помимо допраши-

ваемых могут быть включены: педагог, защитник, специалист, переводчик, оперработник и др.);

— подобрать и систематизировать документы и вещественные доказательства, которые целесообразно предъявить допрашиваемым;

— выбрать и подготовить технические средства фиксации хода и результатов очной ставки;

— составить прогноз поведения участников.

Вопрос о целесообразности производства очной ставки решается следователем с учетом сущности противоречий, исходной следственной ситуации, личности допрашиваемых и их взаимоотношений.

Тактически нецелесообразно проводить очную ставку между лицами, дающими заведомо ложные показания. Практика свидетельствует, что такая очная ставка противоречий не устранит, но позволит допрашиваемым узнать позиции друг друга на следствии и согласовать свои ложные показания.

Так, по делу о групповом хулиганстве были задержаны П. и М. Первый из них, принимавший в совершении преступления менее активное участие, дал на допросе показания, уличающие М. в избиении гр-на С., однако отрицал свою вину в совершенном преступлении и участие в нем еще нескольких лиц. Следователь провел между П. и М. очную ставку. М., выслушав показания П., в которых уже отсутствовали уличающие его сведения, подтвердил, что в драке, которая была развязана якобы С., никто больше не принимал участия, а П. поддержал его утверждения о возникновении драки по инициативе потерпевшего.

Обдумывая вопрос о целесообразности производства очной ставки, надо принимать во внимание, что ее рискованно проводить между обвиняемым, частично признающим свою вину, склонным к изменению показаний, и лицом, занимающим твердую позицию противодействия следствию. Такая очная ставка может побудить первого обвиняемого к даче ложных показаний.

Не менее опасна очная ставка между обвиняемым и его родственниками, сообщившими на допросе уличающие его сведения. Услышав из уст обвиняемого показания, противоречащие их собственным, родственники из чувства жалости могут внести в свои показания ложные поправки.

В случаях, когда очная ставка может пойти во вред интересам расследования, следователь должен попытаться устранить противоречия иным путем: проведением дополнительного допроса, предъявлением в ходе его документов и вещественных доказательств, воспроизведением фонограммы лица, дающего правдивые показания, и др.

Принять правильное решение о производстве очной ставки, как средстве устранения противоречий и борьбы с ложью, помогает знание психологических особенностей этого следственного действия.

Характерной особенностью очной ставки является то, что она проводится в специфической психологической атмосфере, накладывающей отпечаток на взаимодействие ее участников. В ходе этого действия происходит общение одновременно между тремя лицами — следователем и двумя допрашиваемыми. При этом неизбежно возникает психологическое воздействие одного допрашиваемого на другого, а также следователя на них обоих. Одновременно и участники очной ставки оказывают определенное воздействие на следователя.

Каждому из допрашиваемых приходится давать показания в присутствии другого, сообщающего нередко противоположные по смыслу и значению сведения. При этом каждый, по крайней мере первоначально, имеет тенденцию к отстаиванию сообщаемых им, пусть даже ложных, сведений, поскольку ранее он уже их давал на допросе. Таким образом, в самой очной ставке как бы заключена конфликтная ситуация, в которой следователь прилагает усилия к устранению существенных противоречий, обнаруженных в показаниях ранее допрошенных лиц.

Но и конфликтная ситуация на очной ставке имеет свою особенность. Так, если в ходе допроса она появляется между следователем и допрашиваемым, нежелающим давать правдивые показания, то на очной ставке конфликт чаще всего развивается между двумя допрашиваемыми и следователю важно не потерять управления следственным действием.

Возникновению конфликтной ситуации может способствовать поверхностность изучения следователем личности обвиняемого либо другого участника, оперирование недостаточными или неубедительными доказательства-

ми, а также неправильное поведение на очной ставке или в ходе производства предшествующих следственных действий.

По сравнению с допросом, на очной ставке выше эмоциональное напряжение следователя. Оно вызывается не только сложностью деятельности по устранению противоречий в сведениях допрашиваемых, пребыванием в атмосфере конфликтной ситуации, но и тем, что следователь вынужден взаимодействовать не с одним, а одновременно с двумя лицами, отстаивающими свои показания.

На очной ставке лицо, дающее заведомо ложные показания, сознает, что другой участник слышит это, знает, как происходили события в действительности, и может в присутствии следователя внести существенные поправки.

С другой стороны, лицо, изобличающее другого участника в преступных действиях или во лжи, также испытывает большое эмоциональное напряжение, поскольку делает это в его присутствии. В таких условиях над ним могут довлеть страх, стыд, жалость или иные чувства. Это обстоятельство также делает очную ставку весьма специфичной в психологическом отношении.

На очной ставке обычно один из допрашиваемых дает правдивые показания (в целом или в части), другой — ложные. Еще до начала ее проведения следователю нужно узнать или обоснованно предположить, кто из участников и какие дает показания, чтобы дающего правдивые показания привлечь себе в союзники и с его помощью опровергнуть ложь другого.

Очная ставка обладает высокой силой воздействия на ее участников. Воздействие определяется прежде всего влиянием допрашиваемых друг на друга, которое играет двоякую роль для установления истины — положительную или отрицательную. Важной задачей следователя является нейтрализация отрицательного влияния недобросовестного лица на другого допрашиваемого и в то же время использование положительного воздействия правдивых показаний и «эффекта присутствия» лица, их дающего, на получение объективных показаний от недобросовестного участника.

С социально-психологической стороны очная ставка может характеризоваться наличием конформности. Это-

му явлению свойственно то, что человек в случае расхождения во мнении с группой лиц уступает, соглашается с общим мнением. В ходе очной ставки лгущему допрашиваемому всегда противостоит группа, включающая в себя следователя, изобличающее лицо, а иногда и третьего участника (прокурора, педагога, законного представителя несовершеннолетнего и др.). Под воздействием этих лиц недобросовестный участник нередко изменяет свою позицию и сообщает правдивые сведения. Поэтому в психологическом отношении явление конформности относится к существенной черте очной ставки.

Личный контакт между допрашиваемыми, непосредственное восприятие ими показаний друг друга значительно повышают значимость информации для изобличаемого лица. Этим объясняются случаи, когда обвиняемый признает факт совершения им преступления после напоминания другим участником очной ставки каких-либо мелких деталей события, которые сами по себе изобличающими не являются.

Так, следователь проводил очную ставку между П. и Г., обвиняемыми в разбойных нападениях на граждан. П. свою вину полностью признал и дал на допросах детальные показания. Г., напротив, не только не признал себя виновным, но и отрицал факты совместного времяпровождения с П. в те дни, когда совершались преступления. На очной ставке Г. выслушал показания П., однако заявил, что тот путает даты их встреч. В ответ П. с разрешения следователя задал вопрос: «Разве ты не помнишь, как вечером 20 января перед нападением на парня и девушку мы перелезали через ограду парка и ты разорвал карман своих брюк?» Г. ответил: «Я порвал брюки не 20 января». Тогда П. заявил: «Нет, это было 20 января. Мы поздно вечером пришли ко мне домой, и моя мать помогла тебе зашить брюки. Она может это подтвердить». Выслушав это, Г. помолчал, а затем со словами: «Так и быть! Я все расскажу», дал по делу правдивые показания. Хотя сам по себе факт разрыва брюк в день совершения преступления мог лишь косвенно подтвердить возможную причастность Г. к его совершению, выяснение этого факта на очной ставке, а также сознание того, что осмотр брюк и допрос матери соучастника (а также возможная очная ставка с нею) изобличит его во лжи, вынудило Г. изменить свою позицию.

Важным моментом подготовки к очной ставке является выбор лица, которого надлежит допрашивать первым. Криминалисты выработали по этому поводу следующие рекомендации:

— если один из участников на допросе подтверждал какой-либо факт, а другой его отрицал, допрашивать первым целесообразно участника, давшего позитивные показания;

— если один из допрашиваемых изобличает в своих показаниях другого, на очной ставке его надлежит допрашивать первым;

— в том случае, когда очная ставка проводится по инициативе одного из ее участников, желающего дать показания в присутствии другого лица, его следует допрашивать первым. Если же инициатор очной ставки отрицает факты, сообщенные на допросе другим участником, и настаивает на том, чтобы тот в его присутствии повторил показания по этому обстоятельству, допрашивать первым тогда нужно не инициатора, а другого участника;

— в любых случаях целесообразно допрашивать первым участника, который, по мнению следователя, дает правдивые показания.

В ходе подготовки к очной ставке должны быть изучены особенности психологических отношений, существовавших ранее между допрашиваемыми. Важно тщательно выяснять отношения каждого из них друг к другу, в частности, как они развивались, имеет ли место антипатия или взаимная симпатия, существует ли какая-либо зависимость одного лица от другого, и в чем она выражается, нет ли повышенного влияния одного из допрашиваемых на другого, и как оно может отразиться на результатах очной ставки.

Нужно иметь в виду, что иногда более сильное психологическое воздействие оказывают не показания, содержащие больше доказательств виновности, а те, которые дает авторитетное для данного допрашиваемого лицо. Поэтому, решая вопрос об очередности допроса, необходимо учитывать особенности личности участников, специфику их взаимоотношений и т. д. Необходимо выяснять и волевые качества каждого из допрашиваемых относительно ситуаций, которые могут возникнуть в ходе очной ставки.

В следственной практике возникают иногда ситуации, когда свидетель, попав под влияние заинтересованных лиц, изменяет свои показания в пользу обвиняемого, в то время как сам обвиняемый дает правдивые показания и признает вину в совершении преступления. При таком варианте в задачу подготовки к очной ставке входит разъяснение обвиняемому преимуществ чистосердечного признания и оказания содействия в расследовании.

Таким образом поступил следователь, проводя расследование по уголовному делу о наезде автомашины, управляемой водителем Ф., на малолетнего Витю Д. Первоначально Ф. отрицал как факт наезда на мальчика, так и управление автомашиной в нетрезвом состоянии. Расследованием было установлено, что в момент автодорожного происшествия в кабине вместе с водителем находился грузчик райпищеторга Б., который также утверждал, что водитель был во время их совместной поездки трезв и наезда не совершал. Впоследствии, под давлением собранных по делу доказательств и испытывая угрызения совести (мальчик скончался в больнице), Ф. признал себя виновным в совершенном преступлении, хотя Б. под воздействием лиц, близких обвиняемому, продолжал давать ложные показания. В создавшейся ситуации, правильно оценив эмоциональное состояние обвиняемого и одобрив принятое им решение, следователь провел очную ставку Ф. со свидетелем, искажающим факты. Показания Ф. оказались полной неожиданностью для Б., который здесь же, на очной ставке, дал правдивые показания.

В случае, если очная ставка проводится между двумя обвиняемыми, тактика ее подготовки и проведения зависит от того, признают ли они и в какой мере свое участие в совершении преступления. В групповых преступлениях нередко одни обвиняемые признают свою вину раньше, другие — позже. В такой ситуации показания добросовестного участника должны быть использованы следователем для получения достоверных показаний от других. Для усиления эффекта внезапности в подобных случаях А. Б. Соловьев рекомендует до производства очной ставки сохранить у обвиняемого уверенность в том, что и другие обвиняемые не дали правдивых показаний. Вызвана эта рекомендация тем, что проведение очной ставки может привести к нежелательным последст-

виям, когда недобросовестный ее участник узнает, какие показания дают другие лица, и может оказать на них нежелательное воздействие.

Проведение очной ставки между организатором и соучастниками требует особой подготовки, поскольку первый, пользуясь влиянием в преступной группе, может отрицательно повлиять на других допрашиваемых. В этом случае подготовка к очной ставке включает выявление обвиняемых, не согласных с действиями организатора, противодействующих ему и считающих его виновником создавшегося положения. Позиция таких обвиняемых должна получить поддержку следователя, мотивированную нравственной необходимостью изобличения лица, представляющего наибольшую общественную опасность.

Немаловажным элементом подготовки является также прогнозирование следователем поведения участников очной ставки. Проявляется эта деятельность в том, что следователь на основе изучения материалов уголовного дела и личности участников очной ставки обоснованно предполагает их возможные ответы на те или иные вопросы, характер и степень воздействия друг на друга, поведение и реакцию на предъявляемые доказательства. Это позволяет ему заранее сформулировать новые вопросы и избрать наиболее эффективные тактические приемы борьбы с ложью.

Как известно, очная ставка начинается выяснением факта знакомства участников друг с другом и характера их взаимоотношений. Общая тактическая схема дальнейшего ее хода такова. Лицу, которое допрашивается первым, следователь задает вопрос, побуждающий его сообщить сведения об определенном факте. Выслушав ответ в форме свободного рассказа, следователь задает вопросы, цель которых — уточнить показания и получить контрольные сведения, позволяющие их проверить. Затем у второго допрашиваемого выясняется, подтверждает ли он выслушанные им показания. В любом случае — подтверждает ли он эти показания полностью, частично или не подтверждает — показания второго участника таким же образом выслушиваются, уточняются постановкой вопросов и фиксируются в протоколе. Однако в случае, если в показаниях сохранились противоречия, обоим участникам предлагается объяснить и дать свою оценку правильности сведений, сообщенных другим лицом.

Затем следователь выясняет, имеют ли допрашиваемые вопросы друг к другу, и если да, то следует предоставить возможность задавать их. Целесообразно подготовить очную ставку таким образом, чтобы ее участники задавали друг другу вопросы не прямо, а через следователя. Это позволит проконтролировать объем содержащейся в вопросах информации, воспрепятствовать воздействию недобросовестного участника на другого и предотвратить дезорганизацию следственного действия.

В отдельных случаях, если следователь уверен в твердой позиции добросовестного участника, тактически целесообразно позволить ему непосредственную постановку вопросов допрашиваемому, дающему недостоверные показания. Вызвана эта рекомендация тем, что вопросы осведомленного лица затрудняют другому допрашиваемому сообщение ложной информации. Однако и в этом случае важно не потерять контроля за ходом следственного действия и не допустить его срыва.

Расследуя уголовное дело об ограблении Ш. двумя злоумышленниками Т. и У., следователь получил от них показания. Оба они не отрицали совершения ими преступления, однако дали противоположные показания о том, кто инициатор нападения. Для устранения существенного противоречия в их показаниях следователь провел между Т. и У. очную ставку. После того как каждый из допрашиваемых дал показания, утверждая, что совершить преступление предложил другой, следователь позволил им задать друг другу вопросы, рассчитывая выяснить таким образом истинное положение вещей и разоблачить лгущего. Т., обращаясь к У., заявил: «Я знал, что ты подонок и будешь все сваливать на меня». В ответ У., вскочив со стула, обозвал Т. нецензурными словами. Продолжать в такой обстановке следственное действие было невозможно, очная ставка по существу оказалась сорванной.

Еще при подготовке к очной ставке следователю нужно было выяснить характер взаимоотношений между Т. и У., возникших в связи с различным толкованием их роли в преступлении, а затем уже решать вопрос о целесообразности ее проведения. Учитывая антагонизм между допрашиваемыми и назревающий конфликт, следователь поступил тактически неверно, разрешив непосредственное обращение допрашиваемых друг к другу.

Поскольку устранение существенных противоречий в показаниях допрашиваемых является одной из основных целей очной ставки, применение психологического воздействия в ее ходе практически неизбежно. Причем, как отмечалось, воздействие на допрашиваемого оказывает не только другой участник, но обязательно и следователь. В целях получения правдивых показаний и формирования установки на отказ от лжи в показаниях участников следователь может широко использовать методы правомерного психологического воздействия (убеждения, изобличения, примера, эмоционального эксперимента и др.).

Чтобы эффективно и правомерно использовать на очной ставке психологическое воздействие, необходимо учитывать индивидуальные психические особенности каждого из допрашиваемых. В частности, большое значение имеет учет темперамента человека. Применительно к каждому человеческому типу необходимо избирать темп, ритм, продолжительность, уровень напряженности получения от него показаний, т. е. как бы «настроиться на одну волну» с допрашиваемым. Это помогает установить психологический контакт с каждым из участников, более результативно оказать воздействие на них с целью получения правдивых показаний.

Следователь на очной ставке обладает рядом преимуществ сравнительно с допросом. Так, встреча с допрашиваемыми у него уже не первая, личность их достаточно изучена, поведение в целом и реакция на те или иные вопросы и предъявление доказательств ему известны. Он в состоянии сравнивать поведение участников на их первоначальном допросе и на очной ставке, что позволяет сделать предварительные выводы о правдивости или ложности показаний и соответственно строить тактику следственного действия.

Если кто-либо из допрашиваемых изменил ранее данные им показания, следователю необходимо подробно выяснить у него содержание новых показаний, а также причину изменения первоначальных. Однако, если правдивые показания изменяются на ложные, не всегда целесообразно здесь же, на очной ставке, требовать объяснения причин такой трансформации. Изменение может быть вызвано воздействием другого допрашиваемого, в присутствии которого выяснение истинной причины бу-

дет затруднено или невозможно. Однако сразу же после очной ставки лицо, изменившее показания, необходимо допросить о причинах такого поведения.

При проведении очной ставки в целом применяются общие тактические приемы, используемые при допросах свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых. Выбор следователем тактики проведения очной ставки зависит от процессуального положения участников и сущности противоречий, возникших в их показаниях, личности допрашиваемых и характера имеющихся доказательств. В зависимости от этого следователь может начать с выяснения второстепенных противоречий, чтобы перейти к главному, или же, наоборот, от главного противоречия — к второстепенным.

Эффективным тактическим приемом очной ставки является детализация показаний участников, т. е. дробление, выяснение подробностей. Это дает возможность выявить противоречия в показаниях, которые становятся более рельефными. Детализация позволяет также разоблачить недобросовестного участника, поскольку, как уже отмечалось, продумать до мельчайших подробностей ложные обстоятельства практически невозможно.

Важную роль в получении правдивых показаний на очной ставке играет предъявление доказательств. Этот тактический прием используется как для восстановления в памяти допрашиваемого забытых фактов, так и для борьбы с ложью. В ходе очной ставки предъявляются вещественные доказательства, протоколы следственных действий (в частности, правдивые показания ранее допрошенных лиц или их фонограммы), акты ревизий, заключения экспертиз, планы, схемы, фотоснимки и пр. Доказательства, как и на допросе, могут предъявляться в различной последовательности.

Учитывая, что значение тех или иных доказательств не всегда бывает понятно участникам очной ставки, иногда целесообразно сделать необходимые разъяснения, высказать свое отношение к достоверности сообщаемых сведений, указать на противоречия внутри самих показаний и по отношению к другим доказательствам. Однако, как правильно указывает А. Р. Ратинов, при этом надо учитывать опасность внушения. Нельзя предвзято относиться к объяснениям и доводам одного из допрашиваемых, убеждать кого-либо из участников

в необходимости подтверждения показаний другого, подгонять показания под принятую следователем версию. Действуя таким образом, следователь рискует впасть в ошибку и толкнуть добросовестного допрашиваемого на путь искажения истины[1].

Для следователя важно правильно определить, на чем базируется уверенность или неуверенность показаний участника очной ставки. Обычно уверенность определяется внутренним состоянием человека. Она может быть обусловлена и свойствами личности, характером человека, его жизненным или преступным опытом. Этим объясняется такое явление, когда оба участника очной ставки уверенно отстаивают свои взаимоисключающие позиции. В большинстве случаев это вызвано тем, что один из допрашиваемых камуфлирует свою ложь под правдивость. При этом он, убеждая следователя в правдивости своих показаний, часто прибегает к определенным интонациям голоса, жестам, мимике, сосредоточив свое внимание на этих внешних проявлениях психической деятельности.

В судебной психологии рекомендуется поставить такого допрашиваемого в необычную ситуацию, к которой он не подготовлен. Ему задают неожиданные вопросы, предлагают описать события в иной последовательности и т. п. В такой обстановке недобросовестный участник очной ставки вынужден переключить внимание на содержание показаний и ослабить контроль за своим поведением, что позволяет следователю судить о возможной ложности сведений[2].

Для повышения результативности очной ставки в отдельных случаях ее можно провести непосредственно на месте происшествия. Благодаря оживлению ассоциативных связей, а также возможности сразу же проверить правдоподобность некоторых утверждений, этот прием нередко приводит к устранению противоречий в показаниях и установлению новых важных обстоятельств по делу.

Хотя очная ставка проводится между двумя уже допрошенными лицами, фактор внезапности ее производ-

---

[1] См.: Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967, с. 223.
[2] Там же, с. 222.

ства не теряет своего значения. Так, в одном случае следователь неожиданно для обвиняемого организовал очную ставку между ним и потерпевшим, которого тот считал погибшим. В другом — провел подряд три очные ставки между обвиняемыми и его соучастниками, задержание и признательные показания которых также были для него неожиданностью. В обоих случаях упорство обвиняемых было преодолено, и они сообщили правдивые сведения.

Даже если оба допрашиваемых в целом дают ложные показания, обычно в показаниях одного из них удается обнаружить какой-то эпизод, обстоятельство, в отношении которого сообщаются правдивые сведения. Н. И. Порубов предлагает в таком случае на очной ставке получить в присутствии другого допрашиваемого показания только по этому правдиво освещаемому эпизоду. У другого допрашиваемого может сложиться впечатление о том, что его соучастник дал правдивые показания не только по этому эпизоду, но и в целом, что может привести к отказу его от установки на ложь[1].

Тактические приемы на очной ставке должны применяться не обособленно, а в комплексе (тактические операции), что всегда значительно повышает их результативность.

С тактическими приемами очной ставки тесно связаны и этические нормы ее проведения, соблюдение которых следователем обязательно. Как и на допросе, совершенно недопустима постановка наводящих и безнравственных по своему содержанию вопросов.

Принимая решение об очередности постановки вопросов участникам очной ставки, следователь должен учитывать следующую психологическую особенность. Обычно добросовестный свидетель (потерпевший), обвиняемый (подозреваемый) в связи с обстановкой, в которой он должен изобличать другого участника очной ставки, испытывает объяснимое для таких случаев волнение, эмоциональное напряжение. Поэтому рекомендуется после изложения показаний в общих чертах ставить перед ним детализирующие, уточняющие вопросы,

---

[1] Порубов Н. И. Научные основы допроса на предварительном следствии. Минск, 1978, с. 136.

а в дальнейшем, когда добросовестный участник освоится с обстановкой следственного действия, задать наиболее важные для дела вопросы.

В некоторых случаях полезно провести повторную очную ставку как по вновь возникшим, так и по ранее выяснившимся вопросам. Повторная очная ставка целесообразна, например, когда следователь получает новые данные, либо один из участников изменяет свою прежнюю позицию.

По отдельным делам, например, при расследовании групповых преступлений, эффективным бывает проведение подряд целой серии очных ставок между лицами, частично или полно признающими свою вину, и лицом, отрицающим ее. При этом очные ставки нужно проводить в последовательности, обеспечивающей наращивание доказательственного значения предъявляемых улик. В такой ситуации допрашиваемый довольно быстро убеждается в бесперспективности запирательства.

Специфична очная ставка между обвиняемыми по многоэпизодному делу, если по отдельным эпизодам они дают различные по степени правдивости показания. В этом случае полезно менять последовательность допроса так, чтобы каждый из обвиняемых сначала допрашивался по эпизодам, в отношении которых он дает правдивые показания. Тем самым показания каждого из обвиняемых используются для разоблачения ложных утверждений другого допрашиваемого.

В случае, если очная ставка проводится по ходатайству обвиняемого, нужно учитывать присущие ей психологические моменты. Обычно она используется обвиняемым с целью оказания воздействия на лицо, дающее изобличающие его показания. При этом, в отличие от других видов очных ставок, отсутствует элемент неожиданности ее проведения. Обвиняемый заранее продумывает весь ход очной ставки, линию своего поведения на ней и избирает способы воздействия на другого участника. В задачу следователя входит тщательная подготовка как самого следственного действия, так и добросовестного участника с целью нейтрализации отрицательного воздействия на него.

Психологическая подготовка добросовестного участника выражается в формировании у него состояния, обеспечивающего активность его действий на очной

ставке и нейтрализацию боязни обвиняемого (подозреваемого). Так, в процессе беседы или допроса перед очной ставкой следователь разъясняет добросовестному участнику гражданский долг свидетеля и общественную опасность преступления, сообщает о мерах, ограждающих его и членов его семьи от угроз и мести со стороны заинтересованных в исходе дела лиц, показывает вредные последствия совершенного преступления и необходимость изоляции преступника от общества, рассказывает о положительных примерах граждан, изобличивших преступников, и т. п. Однако эта подготовка не должна приводить к оказанию внушения с целью получения от допрашиваемого определенных показаний.

Допрашивать подростка на очной ставке со взрослым обвиняемым нужно первым, чтобы избежать отрицательного влияния со стороны взрослого. С большой осторожностью необходимо проводить это следственное действие между несовершеннолетним и взрослым обвиняемым из числа близких родственников, поскольку это намного повышает опасность воздействия на подростка. В таких случаях целесообразно психологически подготовить подростка к очной ставке или же вовсе отказаться от ее проведения.

Завершается очная ставка после того, как допрашиваемые заявят, что свои показания они дополнить ничем не могут, вопросов друг к другу не имеют и подтверждают правильность записанного в протоколе, что закрепляется их подписями.

Очная ставка не всегда завершается успехом. В ряде случаев противоречия оказываются неустраненными, недобросовестные допрашиваемые узнают позицию друг друга и согласовывают свои ложные показания, неустойчивые участники подпадают под вредное влияние лиц, противодействующих следствию, а возникшая между допрашиваемыми конфликтная ситуация отрицательно сказывается на дальнейшем ходе расследования.

Причинами неудачного исхода очных ставок являются некачественная подготовка их проведения, неправильно избранная тактика, а также игнорирование психологических особенностей этого следственного действия.

Важным средством выявления и разоблачения лжи в показаниях является проверка показаний на месте. Это следственное действие, несмотря на широкое приме-

нение его в практике расследования преступлений, еще не получило законодательной регламентации[1].

Содержанием проверки показаний на месте является то, что лицо, чьи показания проверяются, указывает место, где, согласно показаниям, данным им ранее, происходили те или иные события, связанные с расследуемым преступлением. В ходе этого следственного действия следователь устанавливает соответствие данных, содержащихся в показаниях определенного лица, обстановке на месте проверки показаний и другим собранным по делу доказательствам, а также получает новые доказательства. Если лицо оговаривает кого-либо или в силу различных причин оговаривает себя, оно не будет осведомлено об истинных обстоятельствах расследуемого события, и проверкой показаний на месте можно уличить его во лжи либо разоблачить самооговор.

Назовем составные части подготовки к проверке показаний на месте:

1. Предварительный допрос лица о признаках места, на которое предполагается провести выход, о находящихся там объектах, о происшедшем событии и действиях его участников.

2. Изучение личности того, чьи показания проверяются. Эта задача облегчается тем, что личность его уже подвергалась изучению в процессе подготовки к предыдущему допросу или иным следственным действиям с его участием.

3. Выбор времени производства следственного действия. Оно обычно производится в благоприятных метеорологических условиях, днем, при хорошем освещении. В некоторых случаях время производства следственного действия избирается с учетом того, чтобы избежать многолюдности на месте, где будут проверяться показания, или иных негативных факторов (шума, интенсивного дорожного движения и т. п.).

---

[1] Проверка показаний на месте как следственное действие закреплена в уголовно-процессуальных кодексах: Латвийской ССР (ст. 185), Литовской ССР (ст. 205), Казахской ССР (ст. 130), Таджикской ССР (ст. 183) и Туркменской ССР (ст. 173). В других союзных республиках при проверке показаний на месте ссылаются, например, на ст. 183 УПК РСФСР (следственный эксперимент) или ст. 194 УПК УССР (воспроизведение обстановки и обстоятельств события).

4. Подбор участников следственного действия. В следственно-оперативную группу помимо понятых надлежит включить работников милиции, если проверяются показания обвиняемого, содержащегося под стражей, чтобы предотвратить его побег или вступление в контакт с заинтересованными в исходе дела лицами.

5. Решение вопроса об использовании в ходе проверки показаний научно-технических средств. Поскольку целью этого следственного действия является не только проверка имеющихся, но и получение новых доказательств, при его производстве могут быть успешно использованы средства освещения, оптические, поисковые и аналитические приборы, устройства для исследования в невидимых лучах спектра, средства измерения, изъятия и упаковки вещественных доказательств.

6. Обеспечение транспортными средствами и инструктаж участников следственного действия.

Одним из тактических правил проведения проверки показаний на месте является самостоятельность действий лица в выборе маршрута движения и показе объектов, иллюстрирующих его объяснения. Человек, чьи показания проверяются, должен двигаться несколько впереди остальных участников, указывать места и объекты, связанные с расследуемым событием, давать объяснения по поводу происшедшего события и сопровождать их демонстрацией отдельных действий.

Другой характерный для этого следственного действия и эффективный для разоблачения лжи прием заключается в том, что лицо, чьи показания проверяются, дает объяснения с так называемым «упреждением». Например, если он сообщает о событии, происшедшем в доме, то предварительно в присутствии понятых должен рассказать, в какой из его частей произошли события, интересующие следствие. После этого все участники следственного действия заходят в дом и убеждаются в соответствии или несоответствии описанной обстановки действительной[1].

Для более наглядного представления о механизме проверяемого события может быть использован прием «макетирование». Он заключается в следующем. Лица,

---

[1] См.: Хлынцов М. Н. Проверка показаний на месте. Саратов, 1971, с. 82.

ранее допрошенные порознь и высказавшие намерение показать, как происходило событие, с помощью макетов жертвы и орудий преступления в присутствии участников следственного действия воспроизводят на месте обстановку и обстоятельства расследуемого события. Все это фиксируется в динамике посредством киносъемки или видеозаписи.

В ряде случаев разоблачению ложных показаний может способствовать участие в проверке показаний на месте специалиста. При его содействии следователь может уточнить местонахождение преступника и жертвы в момент совершения преступления. Так, во время охоты выстрелом был тяжело ранен из ружья человек. Подозреваемый утверждал, что ранение потерпевшего наступило в результате выстрела из ружья без нажатия на спусковой крючок, в то время как он (подозреваемый) лежал на земле. К участию в проверке показаний подозреваемого на месте происшествия следователь привлек судебного баллиста. С его помощью было установлено точное местонахождение подозреваемого во время выстрела и потерпевшего в момент ранения, а также направление выстрела. Исследование места происшествия позволило также сделать вывод о том, что подозреваемый сделал выстрел стоя, что он и вынужден был признать в процессе проверки показаний.

При проверке показаний необходимо полностью исключить возможность какой-либо подсказки или внушения. Даже заметив некоторое несоответствие фактических данных, содержащихся в показаниях, окружающей обстановке, не следует торопиться указывать лицу, чьи показания проверяются, на это обстоятельство. Результаты следственного действия, как уже отмечалось, должны оцениваться в совокупности, по итогам всех проверочных действий.

Проверяя показания, целесообразно внимательно наблюдать за изменением реакций в поведении лица, что может косвенно свидетельствовать о его намерении солгать. Иллюстрацией к этому положению может служить проверка показаний на месте по уже приводившемуся нами примеру по делу Янова, обвинявшегося в убийстве жены. Дав в результате правильно примененного на допросе эмоционального эксперимента правдивые показания, Янов согласился указать место, где он закопал

труп жены. О том, что труп ее еще не найден, ему не было известно. Вот как описывает М. И. Кольнер дальнейшие события: «Я предложил ему (Янову) собственноручно составить план местности, указав путь, которым они с женой шли от станции, место ее убийства и место захоронения трупа. Он все это выполнил. Я же тем временем договорился с прокурором о выделении конвоя и о немедленном выезде для отыскания трупа Яновой. Мы тут же отправились на вокзал, сели в поезд и на следующее утро прибыли на станцию. Была весна, только что сошел снег, и проехать на автомашине было невозможно. Мы отправились пешком по указанному Яновым направлению. Путь был длинный и утомительный. Ноги по щиколотку вязли в грязи.

Янов уверенно шел по лесу и вывел нас прямо к полузасыпанной траншее. И тут остановился, удивленно взглянув на меня: траншея была завалена льдом и снегом, было очевидно, что никто тут трупа не отыскивал! Янов понял, что труп его жены не был найден и признался он преждевременно. Надо отдать ему должное, он мгновенно оценил ситуацию и двинулся по траншее.

Но его остановка и замешательство не укрылись от нас. Янов прошел вдоль траншеи метров сто и, остановившись, небрежно ткнул рукой перед собой, сказав: «Вот здесь». Стало ясно, что он решил указать ложное место, чтобы после того, как трупа не найдут, отказаться от своих показаний. Но я, стараясь говорить совершенно спокойно и уверенно, заявил ему: «Вы говорите неправду. Покажите, где спрятан труп». Он потупился, вернулся на место, где раньше останавливался, и тихим голосом сказал: «Здесь!» Действительно, край траншеи был обвален, и среди комьев земли, льда и снега удалось обнаружить полуистлевший кусок чулка и несколько мелких косточек (впоследствии оказалось, что это косточки фаланг пальцев рук человека)»[1].

Помимо применения технических средств, для фиксации проверки показаний на месте составляются планы и схемы. Планы бывают общие и частные. На первых изображают маршрут движения участников следственного действия, на вторых более крупным планом

---

[1] См.: Кольнер М. И. Указ. раб., с. 39—40.

отмечают расположение отдельных объектов, расстановку участников и точку, откуда производилась съемка. Если по уголовному делу проводится несколько проверок показаний на месте, то при каждом производстве следственного действия составляется отдельный план. Затем они сопоставляются между собой и с планом, выполненным при осмотре места происшествия, что позволяет сделать вывод о достоверности полученных доказательств.

Установить правдивость или ложность сообщаемых допрашиваемым сведений можно с помощью следственного эксперимента. Это следственное действие, которое заключается в проведении специальных опытов, испытаний в целях проверки, иллюстрации имеющихся доказательств, получения новых доказательств, а также проверки и оценки следственных версий о вероятности тех или иных фактов, имеющих значение для дела[1].

Известны следующие виды следственного эксперимента:

— по проверке возможности наблюдения, восприятия какого-либо факта, явления (например, увидеть что-либо в определенных условиях, услышать на определенном расстоянии);

— по проверке возможности совершения какого-либо действия (например, преодолеть какое-либо расстояние за определенное время и др.). К этому же виду следственного действия следует отнести и эксперименты по определению наличия или отсутствия профессиональных или преступных навыков (произвести строительные работы, изготовить фальшивую денежную купюру и т. п.);

— по определению вероятности какого-либо явления (например, самовозгорания промасленной ветоши, усушки мясопродуктов в рефрижераторе);

— по восстановлению отдельных деталей механизма события (к примеру, дорожно-транспортного происшествия);

— по определению происхождения отдельных следов (например, проверка возможности образования продольных следов на одежде и теле подозреваемого при его проникновении в помещение через узкий пролом в потолочном перекрытии).

[1] См.: Белкин Р. С. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. М., 1964, с. 17.

Одним из основных тактических условий проведения следственного эксперимента является производство его в условиях, максимально приближенных к условиям, в которых происходило проверяемое событие: в то же время суток, на том же месте, при тех же климатических условиях, при таком же искусственном или естественном освещении, в тех же шумовых условиях; если обстановка изменилась, она подлежит реконструкции; при проведении опытов используются подлинные или сходные с ними предметы; достигается сходство темпов проделываемых опытов с темпом подлинного события; учитываются изменившиеся и не поддающиеся реконструкции условия. Важным является также многократность опытов и проведение их в несколько этапов.

Соблюдение процессуальных и тактических правил проведения следственного эксперимента закрепляется в фотоснимках, фонограммах, кино- и видеофильмах, планах и схемах.

Для убедительности результатов следственного эксперимента целесообразно в состав участников следственного действия включать лиц, чьи показания проверяются посредством проведения опытов. Этого оказывается достаточно для опровержения ложных утверждений.

В ходе расследования разбойного нападения на гр-на Л. последний дал показания о том, что незадолго перед этим он через окно дома слышал, как за плетнем, расположенным в 30 метрах от окна, хозяин дома К., у которого Л. временно проживал, тихим голосом склонял кого-то к преступлению. Разговор якобы происходил около 20 часов, т. е. в то время, когда по улицам обычно гуляла молодежь и было шумно. Показания Л. вызвали у следователя сомнения. В соответствии со ст. 183 УПК он произвел следственный эксперимент с участием потерпевшего. Выяснилось, что Л. в описанной им обстановке не мог слышать не только тихого голоса разговаривавшего за плетнем человека, но и довольно громко произносимые фразы. В дальнейшем оказалось, что на Л. действительно было совершено разбойное нападение, однако, видя, что преступники не найдены, он решил ложно обвинить в причастности к преступлению К., чтобы тот возместил причиненный ему ущерб. Результаты следственного эксперимента вынудили Л. дать правдивые показания.

Широкими возможностями в деле разоблачения лжи обладают различного рода судебные экспертизы. Экспертиза — это проведение экспертами специальных исследований в области науки, техники, искусства или ремесла в установленной законом форме по поручению органов дознания, предварительного следствия и суда. Выводы экспертизы формулируются в заключении.

Особенно эффективны заключения идентификационных криминалистических экспертиз (трасологической, дактилоскопической, почерковедческой и др.), позволяющие опровергнуть ложные утверждения, к примеру, обвиняемого (подозреваемого) лица о том, что он отсутствовал на месте совершения преступления, не писал определенное письмо и т. п.

В соответствии со ст. 79 УПК к числу обязательных экспертиз относятся определяющие: а) психическое состояние обвиняемого или подозреваемого при наличии сомнений в их вменяемости; б) психическое или физическое состояние свидетеля или потерпевшего при сомнении в их способности дать правильные показания; в) возраст несовершеннолетнего обвиняемого, подозреваемого или потерпевшего в случае, когда это имеет значение, а соответствующие документы отсутствуют.

Судебно-психиатрическая экспертиза позволяет разоблачить симуляцию обвиняемым (подозреваемым) психического заболевания. При этом немаловажное значение имеют результаты применения на допросах таких лиц, а также при производстве других следственных действий с их участием, различного рода технических средств, фиксирующих их поведение. Так, следователем по одному из дел была назначена судебно-психиатрическая экспертиза, поскольку обвиняемый заявил, что он страдает серьезным психическим заболеванием. Экспертам были предоставлены материалы уголовного дела, которых для дачи заключения оказалось недостаточно, и они запросили дополнительные материалы. Следователь направил экспертам магнитные и видеомагнитные записи показаний обвиняемого, фотоснимки и киноленты, на которых были запечатлены моменты дачи показаний, планы и схемы, собственноручно выполненные обвиняемым в ходе расследования. Этих материалов в совокупности с другими материалами уголовного дела оказалось вполне достаточно для вывода экспертов о том, что

обвиняемый психическим заболеванием не страдает.

Судебно-медицинская экспертиза определения возраста несовершеннолетнего дает возможность с достаточной точностью установить возраст лица, если он по тем или иным причинам не желает сообщить по этому поводу правдивых сведений. При определении возраста проводятся исследования, базирующиеся на медицинской характеристике возраста (показателях роста, веса, состояния зубного аппарата, окостенения, развития вторичных половых признаков и т. п.).

Судебно-медицинская экспертиза может помочь разоблачить оговор в совершении преступления невиновного лица и связанную с ним инсценировку. Интересный случай в связи с этим приводят Н. И. Гуковская и В. А. Свешников. В органы следствия обратилась С. и заявила, что сосед по квартире пытался ее изнасиловать. При этом она оказала ему сопротивление, а он в борьбе исцарапал ее ногтями. Следователь назначил по делу судебно-медицинскую экспертизу, на разрешение которой поставил вопросы о наличии и происхождении на теле потерпевшей повреждений. Экспертизой было установлено наличие у С. трех параллельных линейных поверхностных царапин кожи на правой щеке и такого же вида царапин в межлопаточной области справа и слева, а также на внутренней поверхности бедер. Все царапины по своему виду были очень сходны между собой, и не вызывало сомнения, что они возникли от воздействия одного и того же острого предмета. В заключении указывалось, что повреждения на теле С. могли возникнуть от воздействия иглы, булавки и любого иного предмета, имеющего острый конец, и не могли возникнуть от воздействия ногтей. По характеру и расположению повреждений вероятнее всего они были причинены рукой самой С. Правильно использовав на допросе заключение судебно-медицинского эксперта, следователь разоблачил ложь С., которая признала, что, желая вступить в брак с одиноким соседом, она всячески домогалась этого. Получив отказ, она решила ему отомстить. С этой целью она инсценировала покушение на изнасилование, причинив себе царапины английской булавкой.

В последние годы в юридической и психологической литературе многие авторы все чаще высказываются в

пользу широкого распространения судебно-психологической экспертизы.

Не все вопросы, относящиеся к компетенции и производству судебно-психологической экспертизы, решаются в настоящее время авторами однозначно. Одним из дискуссионных вопросов, имеющих прямое отношение к теме нашего исследования, является возможность определения такого рода экспертизой правдивости или ложности сведений, содержащихся в показаниях. Некоторые ученые этот вопрос разрешают удовлетворительно, полагая, что установление достоверности показаний допрашиваемого лица входит в компентенцию экспертов-психологов[1]. Известен также прецедент в следственно-судебной практике, когда следователь по делу об убийстве Л. назначил судебно-психологическую экспертизу для того, чтобы определить, лгут ли свидетели, находившиеся в непосредственной близости от места события и утверждавшие, что они не видели, как произошло убийство, или же это вызывается их индивидуальными психологическими особенностями (Архив Гомельской областной прокуратуры). В заключении судебно-психологической экспертизы подчеркивалось, что свидетели «в силу достаточно развитой зрительной и слуховой памяти, высокого уровня мыслительных операций могли рассмотреть и запомнить интересующее следствие событие и впоследствии дать о нем правильные показания»[2].

Такой подход к компетенции судебно-психологической экспертизы представляется принципиально неправильным. Вопрос о правдивости или ложности показаний допрашиваемого лица, как носящий сугубо правовой характер, может быть решен только следствием и судом. Да и объектом судебно-психологической экспертизы должны являться не показания свидетелей, потерпевших, подозреваемых или обвиняемых, а особенности протека-

---

[1] См.: Рогачевский Л. И. О судебно-психологической экспертизе. — В кн.: Вопросы криминалистики, 1964, вып. 10, с. 37. Экмекчи А. Психология самооговора. — В кн.: Вопросы совершенствования адвокатской деятельности в свете решений XXIII съезда КПСС. М., 1967, с. 56; О судебно-психологической экспертизе. — Советская юстиция, 1968, № 7, с. 11.

[2] См.: Грошевой Ю. М. Проблемы формирования судейского убеждения в уголовном судопроизводстве. Харьков, 1975, с. 111—112.

ния у этих лиц психологических процессов и их влияние на качественное восприятие фактов или явлений.

В частности, в предмет судебно-психологической экспертизы, по нашему мнению, должны включаться исследования психологических процессов: у взрослых и несовершеннолетних лиц; у лиц, страдающих нарушениями деятельности органов чувств; пребывавших в состоянии алкогольного опьянения или наркотического возбуждения; у лиц, возможно находившихся в состоянии стресса или физиологического аффекта, и др.

Относительно содержания оцениваемых показаний, правомерна будет постановка, например, таких вопросов: каковы индивидуальные психологические особенности, способные повлиять на объективность показаний; каковы индивидуальные психологические особенности несовершеннолетнего, влияющие на восприятие им фактов, имеющих значение для дела, и др.

Судебная психология, в отличие от психиатрии, исследует здоровую психику лица. Поэтому, если имеются сведения об умственной отсталости лица или о других пограничных этим областям знаний вопросах, назначается комплексная психолого-психиатрическая экспертиза. В этом случае эксперт-психолог будет давать заключение об индивидуальных психологических особенностях подэкспертного, а эксперт-психиатр — о психическом здоровье его. Возможно также назначение комплексной медико-психологической экспертизы, где в задачу медиков будет входить установление у лица какого-либо органического заболевания.

Судебно-психологические экспертизы должны проводиться, как правило, в заключительной стадии предварительного расследования, когда следователь располагает достаточно полным представлением о личности подэкспертного.

Эффективны для разоблачения лжи в показаниях заподозренного лица и судебно-товароведческие экспертизы. Чаще они назначаются при расследовании хищений государственного и общественного имущества, выпуске недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции. Однако следственная и экспертная практика свидетельствуют о том, что они могут назначаться и при расследовании иных преступлений, особенно если они носят комплексный характер. Подозреваемый Я., буду-

чи в нетрезвом состоянии, с применением физической силы и угрозы совершил изнасилование несовершеннолетней К. Свою вину в совершении преступления Я. отрицал, давая ложные показания. При осмотре места происшествия была найдена одна перчатка. Примерно такая же перчатка была обнаружена при обыске в доме по месту жительства Я. Следователем была назначена комплексная экспертиза, производство которой было поручено экспертам: товароведу, биологу, химику. Эксперты пришли к выводу, что перчатка, обнаруженная на месте происшествия, и перчатка, изъятая по месту жительства Я., одинаковы по всем исследуемым признакам, что дает основание установить их групповую принадлежность. Вместе с другими собранными по делу доказательствами заключение комплексной экспертизы оказало помощь следствию в изобличении Я.[1].

В результате общей оценки заключения эксперта следователь может принять одно из следующих решений: 1) признать заключение доброкачественным, включить его в число собранных доказательств и использовать при доказывании обстоятельств дела; 2) признать заключение эксперта неполным или недостаточно ясным и, если при допросе эксперта не представилось возможным устранить неясности, назначить дополнительную экспертизу; 3) признать заключение эксперта необоснованным, противоречащим материалам дела или, иначе, вызывающим сомнение и назначить повторную экспертизу или провести иные следственные действия, с целью проверки результатов экспертизы[2].

Помимо названных следственных действий большую роль в проверке и последующей оценке достоверности показаний свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых имеют также следственные осмотры, освидетельствования, обыски, выемки и др.

Так, в ходе осмотра места происшествия нужно уделять внимание выявлению негативных обстоятельств, роль которых для разоблачения различного рода инсце-

---

[1] См.: Закатов А. А., Сапошннскнй Я. С. Судебная товароведческая экспертиза промышленных товаров. Волгоград, 1979, с. 36.

[2] См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973, с. 731.

нировок, лжи в показаниях и раскрытии преступлений трудно переоценить. Как уже отмечалось, под негативными обстоятельствами понимаются фактические данные, противоречащие обычному объяснению факта или ходу развития события. При расследовании краж со взломом из магазинов или складских помещений нередко обнаруживается отсутствие признаков, которые должны были бы быть, если бы в помещение проникал посторонний человек, или напротив, наличие тех, которые не должны были бы присутствовать, если бы событие развивалось так, как объясняет материально ответственное лицо. Например, кладовщик объясняет, что преступник проник в склад через разбитое окно, а на его покрытом пылью подоконнике отсутствуют какие-либо следы, или же на корпусе навесного замка, дужка которого будто бы перепилена преступником, обнаруживаются следы зажима в слесарные тиски.

В ходе осмотра нередко обнаруживаются следы, образцы и иные вещественные доказательства, позволяющие разоблачить ложь в показаниях.

В квартире М. произошла кража личного имущества, в том числе женского платья из полотна кримплен. Во время осмотра места происшествия следователю был предъявлен образец такого же полотна, как и тот, из которого было пошито платье. Этот образец был приобщен к делу. В ходе расследования у подозреваемого в краже Б. были обнаружены различные изделия, в том числе женское платье. Однако предъявленное ему обвинение в совершенной краже он отрицал. По делу была назначена судебно-товароведческая экспертиза, на разрешение которой был поставлен вопрос: соответствуют ли одно другому полотно, из которого пошито платье, обнаруженное при обыске в квартире Б., и отрезок полотна, предъявленный М.? В заключении судебно-товароведческой экспертизы содержался категорический вывод о том, что по всем исследуемым признакам указанные два предмета совпадают. Заключение судебно-товароведческой экспертизы, основанное в данном случае на сравнительном исследовании изделия и образца, было использовано в целях изобличения Б. в краже.

Специфической разновидностью осмотра и в то же время самостоятельным процессуальным действием является освидетельствование — осмотр тела живых лиц.

Проводится оно с целью обнаружения и изъятия следов, унесенных на себе преступником с места происшествия, установления на его теле или теле потерпевшего повреждений, возникших в результате преступления, а также особых примет (аномалий развития, шрамов, татуировок и т. п.).

Ложные утверждения подозреваемого (обвиняемого) могут быть разоблачены в ходе производства обыска. Криминалистикой и следственной практикой накоплен обширный арсенал тактико-психологических приемов производства этого следственного действия. К примеру, тактически оправданно бывает использование в ходе обыска так называемого «метода словесной разведки». Он заключается в следующем: завершая обследование какого-либо объекта (например, шкафа, книжных полок и т. п.), обыскивающий вслух произносит название объекта, к обследованию которого он вслед за этим собирается приступить. Предупрежденный заранее другой участник оперативной группы (оперработник, специалист) в это время внимательно наблюдает за реакцией обыскиваемого. Признаки волнения у него, или, наоборот, успокоения, помогают избрать верное направление поиска и обнаружить утаиваемые объекты.

Решая вопрос о местонахождении лиц, присутствующих в обыскиваемом помещении, целесообразно иметь в виду следующую тактическую рекомендацию. Замечено, что люди, спрятавшие где-либо важные для них объекты, стремятся держать их в поле зрения, как бы опекая их сохранность. Исходя из этого, рекомендуется перед началом поисков предложить обыскиваемым самостоятельно выбрать для своего местопребывания участок помещения или комнату. Эти места надлежит подвергать наиболее тщательному обыску.

Как известно, в самом начале обыска следователь предлагает обыскиваемому добровольно выдать объекты, указанные в постановлении. Если даже обыскиваемый и выдает их добровольно, не всегда целесообразно отказываться от проведения обыска.

Эта рекомендация вызвана тем, что нередко обыскиваемый, прибегая ко лжи, умышленно сразу же выдает названные ему объекты, чтобы воспрепятствовать дальнейшим поискам. В то же время следователь на данном

В ходе обыска в поле зрения следователя попадает

большое количество объектов, относимость которых к делу иногда трудно определить, а обыскиваемый не дает правдивых объяснений. В этом случае следователю помогают следующие признаки:

1. Необычное поведение обыскиваемых лиц, их волнение, попытки отвлечь внимание следователя от каких-либо искомых объектов.

2. Способ хранения объектов, несоответствующий их характеру (например, деньги — в тайниках, драгоценности — в банке из-под гуталина и т. п.).

3. Неправдоподобность объяснений обыскиваемых лиц по поводу обнаруженных объектов.

4. Резкое несоответствие между характером найденных предметов и личностью обыскиваемого (например, предметы женского или детского туалета у холостяков и пр.).

Нередко следователь, отыскивая определенный объект, знает только его родовые признаки. В таких случаях следует изымать все аналогичные предметы с такими же признаками[1].

Вообще, при проведении обыска с целью обнаружения тайников необходимо уделять особое внимание негативным обстоятельствам (например, следы свежей штукатурки, побелки, окраски стен; отсутствие шпаклевки между досками пола или же блеск шляпок гвоздей; наличие свеженакленных обоев; более глухой звук при простукивании, чем в другой части стены; наличие увядших растений в цветочных горшках, что может объясняться их пересадкой с целью устройства тайника; утолщения и заплаты на одежде; необычное поведение животных и т. п.). Все эти признаки способствуют опровержению ложных утверждений обыскиваемого и получению от него в последующем достоверных показаний.

Результаты каждого из собранных доказательств оцениваются в совокупности, что позволяет следствию и суду сделать вывод о правдивости или ложности показаний.

---

[1] См.: Кежоян А. Обыск и выемка по делам об убийствах.— Социалнстическая законность, 1973, № 7, с. 53.

СОДЕРЖАНИЕ

29.

Александр Александрович Закатов

ЛОЖЬ И БОРЬБА С НЕЮ

Редактор В. И. Пулин
Художник В. Э. Коваль
Худож. редактор В. И. Волкни
Техн. редактор А. Г. Илларионова
Корректор Т. У. Климова

ИБ № 587

Сдано в набор 13.01.83. Подписано к печати 29.04.84. НМ 02948. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Печ. физ. л. 6. Печ. усл. л. 10,08. Усл. кр. отт. 10,50. Уч.-изд. л. 10,49. Тираж 3000. Заказ 55. Цена 30 коп.

Нижне-Волжское книжное издательство
400066, Волгоград, Советская, 4
Типография издательства «Волгоградская правда»
400066, Волгоград, Привокзальная площадь